

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Сборник статей

Выпуск XVIII

КУРСК
2019

УДК 908
ББК 63.3 (2 Рус – 4 Курск)
С 55

С 55 События и люди в документах курских архивов. Выпуск XVIII:
[Текст] / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2019. –
184 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Карманова Л.Б. (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Елагина Н.А. – директор ОКУ «Госархив Курской области»; Пешехонова О.В. – зам. директора ОКУ «Госархив Курской области»; Раков В.В. – зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук; Черников О.А. – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: Аргунов О.Н., канд. ист. наук.

В сборник вошли исследования ученых-историков и сотрудников Государственного архива Курской области, посвященные различным проблемам истории края XVII–XX вв. Опубликованные в сборнике работы будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей. Все материалы опубликованы в авторской редакции.

На обложке: вид сверху на центральную часть ул. Ленина. В центре здание нового Курского государственного драматического театра им. А. С. Пушкина. Фото 1983 г.

УДК 908
ББК 63.3 (2 Рус – 4 Курск)

© Архивное управление Курской области
© ОКУ «Госархив Курской области»
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Курский край в XVII–XVIII вв.

<i>Раздорский А.И., Павлов А.П. Евсюков Д.Е.</i>	Новые данные о курских воеводах XVII в.	6–9
	К истории основания села Репец Мантуровского района	9–23
<i>Валивахин С.А.</i>	Пенские фамилии (история антропонимики села Пены Беловского района)	24–31
<i>Голубков Р.О., Зорин А.В.</i>	Курск в последней четверти XVII в.: (материалы сметной книги 1689 г. и строельной книги 1685 г. города Курска)	31–47
<i>Ефремова И.С.</i>	Развитие гендерного законодательства в последней четверти XVIII в. (по материалам городских магистратов и сиротских судов Курского наместничества)	47–57

Курская губерния в XIX – начале XX вв.

<i>Потаскаева Т.Н.</i>	О состоянии судебно-медицинской экспертизы в курском крае в XIX– XX вв.	58–61
<i>Рожковская И.О. Озеров Ю.В.</i>	Из истории Курского ипподрома План г. Курска 1904 года как источник по истории названий и местоположения улиц города	62–64 64–68
<i>Черников О.А.</i>	Смешанные кредитные кооперативы городов Курской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: основные направления и особенности деятельности	69–75
<i>Вакуленко А.А.</i>	К вопросу о работе Курского областного краеведческого музея в XX в.	76–78
<i>Раков В.В. Ласочко Л.С.</i>	Курское эхо донбасской трагедии Фонды учреждений духовного ведомства ОКУ «Госархив Курской области»	79–86 87–90

Курский край в советский период

Атреньева Е.Г.	Советский историк Федор Иосифович Лаппо (к 115-летию со дня рождения) ...	91–94
Басов В.Н.	К истории становления профессионального образования (системы повышения квалификации и переподготовки) работников народного образования в 1920-е – 1930-е гг. в курском крае	95–100
Емельянова Е.И.	Монашество курских обителей в 1920-е гг.: на основе документов Государственного архива Курской области	100–109
Крохина А.В., Манжосов А.Н., Новиков В.Н.	«Мы все учиться мастерству пришли...» (Страницы истории развития Курского железнодорожного техникума в предвоенные годы: 1930–1941 гг.)	110–117
Бутенко Е.Н., Манжосов А.Н.	Об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими оккупантами железнодорожному транспорту Курской области в 1941–1943 гг.	117–122
Аргунов О.Н.	Восстановление колхозного хозяйства в Беловском районе Курской области в военное время (1943–1945 гг.)	122–128
Кононов Н.Г.	Из истории строительства Дмитриевского обозного завода (1943–1945 гг.)	128–138
Кононов Н.Г.	Курская трикотажная фабрика № 1: Трудные шаги к возрождению. 1943–1945 гг.	138–148
Воронцов Р.С.	К вопросу о состоянии трудовой дисциплины на предприятиях пищевой промышленности Курской области (вторая половина 1940-х – начало 1960-х гг.)	148–153
Носов Д.М.	Документы исполкомов Курской области как источник по истории развития транспортной системы в регионе в 1960-е – 1980-е гг.	153–159
Ползикова Т.А.	Пропаганда атеистических знаний в Курской области в 1960–1970-е гг. (по материалам курской областной организации общества «Знание»)	159–164

<i>Кизилова Е.В., Коровин В.В.</i>	О некоторых материально-технических аспектах проектирования и строительства монумента в честь победы Советских войск на Курской дуге	165–171
<i>Копылов Н.К.</i>	Из опыта решения проблемы подготовки кадров для промышленных предприятий Курской области в 1970–1980-е гг.	172–177
<i>Емельянов В.Э.</i>	Состояние торгового обслуживания населения в Курской области в начале 1980-х гг.	177–181
Сведения об авторах		182–183

КУРСКИЙ КРАЙ В XVII–XVIII вв.

А.И. Раздорский, А.П. Павлов

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУРСКИХ ВОЕВОДАХ XVII ВЕКА

В дореволюционный период было опубликовано два взаимодополняющих друг друга списка курских воевод XVII столетия. Первый список приведен в «Описании Курского наместничества» С. И. Ларионова, впервые изданном в 1786 г. [19, с. 1–82 5-й наг.]. Второй список имеется в книге А. П. Барсукова «Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам», вышедшей в свет в 1902 г. [17]/ Ларионовым учтено 56 курских воевод, Барсуковым – 37. При этом следует отметить, что Барсуков при подготовке своего списка данные Ларионова не использовал.

В 2004 г. был издан краткий биографический справочник «Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII вв.» [21]. В нем представлены сведения о 63 курских воеводах с конца XVI до начала XVIII в. В ходе проведенных при подготовке справочника разысканий удалось выявить трех курских воевод XVII столетия, не учтенных ни Ларионовым, ни Барсуковым. Это Г. Б. Долгорукий (Роща) (упоминается на воеводстве в Курске в 1604 г.), К. И. Щербатов (1605 г.) и Д. Ф. Колтовской (1631 г.).

В ряду курских воевод начиная с 1596 г., когда на месте погибшего в конце XIII в. древнерусского города воеводой Иваном Полевым была поставлена новая курская крепость, и до 1709 г., когда назначение воевод в Курск в результате проведения губернской реформы прекратилось, присутствуют лакуны. Так, мы не располагаем сведениями о том, кто был на воеводстве в Курске на втором этапе Смуты в 1606–1611 гг. Нет данных о курских воеводах также за 1654–1655, 1657, 1659–1661, 1663 и 1665–1666 гг.

При изучении одним из авторов настоящей статьи приходо-расходных книг Разрядного приказа XVII в., предпринятом с целью выявления сведений по истории таможенного и кабацкого дела в Курске и Белгороде [20], удалось установить имена еще двух ранее не известных курских воевод.

Первый из них – **Данила Шенкурский (Шенкурской)** – упоминается в приходной книге Разрядного приказа за 1656/57 г.: 15 января 1657 г. по его приказанию в Москву был послан курский таможенный и кружечного двора голова Клемен Струков [1, л. 12–15 об.]. Надо сказать, что в указанном документе Шенкурский прямо курским воеводой не назван, однако его статус сомнений не вызывает, поскольку

таможенные и кабацкие головы направлялись в столицу для отчета в центральные приказы именно местными воеводами¹.

О Даниле Шенкурском имеются следующие сведения. В 1613 г. он был пожалован в жильцы. Его отец Данила Иванович был убит под Болховом в 1607/08 г., после чего Данилу Даниловича пожаловали отцовским окладом [4, л. 109, 115]. В 1615/16 г. Шенкурский числился в жильцах, владел поместьем в Костроме [8, л. 28]. С 1624 г. он московский дворянин [9, л. 46]. В этом чине будущий курский воевода упоминается в «Дворцовых разрядах» в 1624/25–1651/52 гг. [14]. Шенкурский фигурирует в боярском списке 1625 г. (с пометой «в Можайску к городовому делу») [10, л. 48]. В 1626 г. он по-прежнему находился в Можайске. В боярских списках 1628 и 1629/30 г. Данила Данилович значится уже «на Волуйке», в боярском списке 1631/32 г. – «в Боровску» [15, с. 56, 217, 381, 493]. В боярском списке 1653/54–1654/55 гг. он упоминается с пометой «на Коротояк»². В списке служилых людей государева полка 20 мая 1656 г. он числится с пометой «отпущен к Москве из Смоленска». В боярском списке 1656/57 г. Шенкурский значится с пометой «Отставлен», имя его зачеркнуто [5, л. 52 об.; 6, л. 207; 7, л. 49; 18, с. 443]. В конце 1650-х гг. Данила Данилович был уже в годах и воеводство в Курске, по-видимому, стало финалом его служебной карьеры.

Второй вновь выявленный курский воевода – **Семен Хитрово** – упоминается в приходных книгах Разрядного приказа за 1659/60 и 1660/61 гг. В первом из указанных документов отмечено, что 12 января 1660 г. по его приказанию (Хитрово здесь прямо назван воеводой) в Москву из Курска были посланы таможенный и кружечного двора голова 1658/59 г. Кирилл Мальцов, ларечный целовальник Емельян Перфирьев и дьячок Иван Васильев с прихода-расходной книгой о поступлении и расходовании таможенных и питейных доходов и собранной денежной суммой [2, л. 17–18 об.]. В книге 1660/61 г. Хитрово упомянут дважды. В первом случае сказано, что согласно его отписке от 13 октября 1660 г. оброчные деньги на 1660 г. с владельцев лавок и полок в Курске в сумме 27 руб. 28 коп. взяты сполна. Во втором случае речь идет о присылке воеводой 17 декабря того же года в Москву таможенного и кружечного двора головы 1659/60 г. Андрея Бледного, ларечного целовальника Гаврилы Хлопонина и дьячка Ивана Токарева с документами и деньгами [3, л. 13–15].

В указателе к боярским книгам, изданном в 1853 г., значатся два Семена Хитрово: сын Алексеев, московский дворянин, и сын Саввин,

¹ В прихода-расходных книгах Разрядного приказа за другие годы есть упоминания об отправке в Москву курских таможенных и кабацких голов местными воеводами (например, голова 1623/24 г. Михаил Лиморов был послан в столицу воеводой Степаном Ушковым, голова 1628 г. Ларион Титов – воеводой Гаврилой Юшковым и т. д.).

² В справочнике Барсукова среди воевод перечисленных городов в указанные годы Шенкурский не числится.

стольник [13, с. 438]. Уточнить, кто именно из них был курским воеводой, помогло обращение к опубликованным актовым материалам. В третьем томе «Актов Московского государства» приведен «Зачет в Разряде по г. Курску <...> таможенных и кружечных доходов по отчету головы К. Мальцева», датированный 24 января 1660 г. Курский воевода Семен Хитрово упомянут в этом документе несколько раз, причем в большинстве случаев с отчеством – Алексеевич [11, с. 22–23]. Отмечен он и в «Статейном списке бытности в Южной Руси бояр князя Алексея Трубецкого, Василья Шереметева, окольного князя Григория Ромодановского, думного дьяка Илариона Лопухина и Феодора Грибоедова», напечатанном в четвертом томе «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России». В указанном документе говорится: «И того же числа [3 августа 1659 г.] писал к боярину и воеводам ко князю Алексею Никитичю Трубецкому с товарищи из Курска воевода Семен Хитрово: августа де в 1 день крымские татаровя и черкасы многие полки пришли в Курской уезд, и многих уездных людей побили и в полон поимали, и села и деревни разоряют, жгут, и ставятца от города в 8 главн верстах» [12, с. 242]. Стало быть, Хитрово был на воеводстве в Курске и в 1659 г.

Семен Алексеевич Хитрово числится в «Родословной книге рода Хитрово». В ней отмечено, что он участвовал в обоих Польских походах 1653–1656 и 1663–1665 гг. и в подавлении восстания Степана Разина в 1671 г. Его поместный оклад составлял 900 четвертей и 53 руб. деньгами [16, с. 186–187]. Согласно данным, которые приводит М. Р. Белоусов, Хитрово был пожалован в московские дворяне 23 января 1662 г. [18, с. 415]. Вероятно он воеводствовал в Курске еще в чине городского дворянина.

Таким образом, на сегодняшний день известны уже 65 воевод, находившихся на воеводстве в Курске в период с 1596 по 1709 г. В ходе дальнейшего изучения различных исторических источников их список, возможно, удастся пополнить новыми именами.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Денежный стол. Кн. 107.
2. РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 320.
3. РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 321.
4. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 6. Ч. 2.
5. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 267.
6. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 269.
7. РГАДА. Ф. 210. Столпик 1. № 1140.
8. РГАДА. Ф. 210. Столпик 3. № 83.
9. РГАДА. Ф. 210. Столпик 4. № 142.
10. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разных столов. № 64.

11. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук. Т. 3. СПб., 1901. № 15.
12. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1863. № 115.
13. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годом состояния в занимаемых должностях. М., 1853.
14. Дворцовые разряды. СПб., 1850–1852. Т. 1. Стб. 660, 661; Т. 2. Стб. 835; Т. 3. Стб. 208, 260, 316.
15. «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов: Сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов. М., 2015.
16. Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1866. № 204.
17. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902.
18. Белоусов М.Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 2. Казань, 2009.
19. Ларионов С.И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известиях вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества верхней расправы прокурором. М., 1786; То же // Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. [Курск], б. г.
20. Раздорский А.И. Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам приходо-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). М., 2017.
21. Раздорский А.И. Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII вв.: Краткий биографический справочник. Курск, 2004.

Д. Е. Евсюков

К ИСТОРИИ ОСНОВАНИЯ СЕЛА РЕПЕЦ МАНТУРОВСКОГО РАЙОНА

Территория в устье реки Репецкая плота (Камышенка), где расположено село Репец, в середине XVII в. относилась к Оскольскому уезду и находилась на окраинах Окологородного стана. Ближайшим к будущему Репцу поселением являлся починок осколянина Савелия Ермолова сына Рогожникова, верстанного в дети боярские из станичных ездовых и в 1640/41 г. пожалованного поместьем в размере 100 четей в устье речки Стужня «за чистым затоном против бору» [13, л. 48 об.].

История основания села Репец начинается со следующего случая. В феврале 1648 г. государю били челом 16 осколян детей боярских¹: Фетка Бокланов, Данилка Моклоков, Минка Фаустов, Тимошка Бокланов, Корнейко Коршиков, Оска Коршиков, Игнашко Коршиков, Анашка

¹ Здесь сохранена оригинальная орфография написания имен из документа.

Коршиков, Петрушка Скварцов, Трофимко¹ Микифоров, Стенка Митякин, Гришка Махрин, Онтипко Беседин, Перфилко Деревягин, Фетиско Гамов, Дружинка Нефедов.

В своей челобитной, поданной в Поместный приказ, служилые люди сообщили, что были верстаны по Осколу в дети боярские с окладами 100, 150 и 200 четей. При этом за Нефедовым в поместных дачах имелось 80 четей. За Баклановыми, Бесединым, Маклаковым, Махриным, Митякиным, Фаустовым – по 22 чети с полутора четвериком (из станичной земли ездовых и 10 лавне, сведенных в Усерд). За Коршиковыми (кроме Игната) – по 30 четей в д. Долгая поляна Чуфичевского стана. У Скворцова, И. Коршикова, Микифорова, Деревягина согласно челобитной поместий не было².

Дети боярские просили пожаловать им поместья из дикого поля в Оскольском уезде за речкой за Стужнем, вверх по реке Осколу, за Ездочным чертежем, от дачи Савелия Рогожникова, по обе стороны Оскола, к Пузацкому лесу – в размере по 10 четей человеку, а под дворовые места просили выделить им землю в устье Репенского колодезя³, у того же Оскольского верховья. Они заявляли, что земли эти лежат порожжими и никому не принадлежат [11, л. 1–2].

Дьяки Поместного приказа, Федор Елизаров (думный), Иван Владыкин и Мартемьян Бредихин, начали рассмотрение дела. Первым делом была направлена память в Разрядный приказ с просьбой уточнить поместные оклады челобитчиков. В ответных памятях из Разряда от 17.02.1648 и 23.02.1648 разрядные дьяки сообщили размер окладов по списку служилых людей 1647/48 г. [11, л. 4–6]. В выписи не указан только оклад Дружины Нефедова⁴ (он не был запрошен в Разряде). Но материалы,

¹ В этой челобитной он дважды упоминается как Трофим, но далее в деле уже как Трифон.

² В то же время согласно другому документу известно, что одновременно с Баклановыми, Бесединым, Маклаковым, Махриным, Митякиным, Фаустовым, которые в 1645 г. получили в слободах Ездочной и Соковой земли сведенных в Усерд станичников, Т. Т. Микифоров, П. С. Скворцов и И. О. Коршиков получили по 20 четей в деревне Верхней Атаманской – из поместья сведенного в Усерд станичного атамана Григория Горожанкина, а П. А. Деревягин – в Ублинском стане из поместья Г. В. Безхмелицына [12, л. 552 об., 554 об.]. Вероятно, сведенный в конце 1630-х гг. в Усерд Григорий Горожанкин позже вернулся в Оскол, и в 1648 г. подал челобитную на землю в окрестностях будущего Репца вместе с другими детьми боярскими (см. ниже). Возможно, он вернул себе поместье в Верхней Атаманской, а может быть некоторые челобитчики попытались скрыть наличие у них поместных земель, поскольку как иначе можно объяснить, почему в челобитной и последующей справке из Поместного приказа Микифоров, Скворцов и Коршиков значатся беспоместными?..

³ На планах Генерального межевания Тимского уезда конца XVIII в. обозначена как речка Репец, на 3-х верстах 2-й половины XIX как Репенская плота, а на современных картах – Камышенка.

⁴ Вместо него в памяти из Разряда появляется Микифор Озаров, который впоследствии в деле значится как Зунин.

приведенные в деле далее, объясняют этот факт. Оказывается, в Поместном приказе уже имелась информация на этот счет, так как еще в 1646/47 г. Дружина подавал челобитную о наделении его примерной землей в Ублинском стане, и в его предыдущем деле содержалась память из Разряда за подписью дьяка Григория Ларионова от 09.09.1646 с указанием его оклада (200 четей) по списку служилых людей 1645/46 г. [11, л. 7].

Затем дьяки Поместного приказа проверили наличие земли во владении челобитчиков. Было выявлено, что по книгам «письма и меры» князя Гаврилы Хотетовского и подьячего Тимофея Семенова 1643-го г.¹ за Коршиковыми имелись поместья в деревне Котенева Чюфичевского стана: за Корнилом 33 чети с третником, за Осипом – 43 чети с третником, за Ананием – 8 четей с третником. За Д. Нефедовым – половина деревни Песковатая – 80 четей. Кроме того, подтвердилось, что за Ф. Баклановым, Т. Баклановым, Д. Маклаковым, М. Фаустовым, С. Митякиным, Г. Махриным, А. Бесединым имелись поместья по 22 чети и 1,5 четверика, которые они получили по отдельным книгам воеводы Дмитрия Плещеева², который в 1645 г. выделял беспоместным детям боярским наделы при г. Осколе из земель оскольских станичников, сведенных на вечное житье в город Усерд в 1637/38 г. За остальными (П. Скворцов, Т. Микифоров, П. Деревягин, Ф. Гамов, И. Коршиков) поместий выявлено не было³ [11, л. 7–9].

В итоге 29.02.1648 в Поместном приказе была составлена государева грамота за подписью дьяка М. Бредихина, адресованная оскольскому воеводе Ивану Михайловичу Волконскому⁴ («запечатана», т. е. заверена в Печатном приказе 02.03.1648 [4, л. 277 об. – 288]). В грамоте изложена вся собранная в процессе рассмотрения челобитной информация и дано поручение по получению грамоты («и как к тебе ся наша грамота придет») провести сыск. Для этого предписывалось направить в уезд несколько проверенных служилых людей: отставного сына боярского или городского приказчика, а также свидетелей («тутошних и сторонних попов и дьяконов, и старост, и целовальников, и крестьян – сколько человек пригоже»⁵). Основная задача, которая ставилась в таких случаях, – выявить статус такой

¹ Имеется в виду писцовая и межевая книга Старооскольского уезда [13].

² Дмитрий Иванович Плещеев (Репей) – воевода г. Оскол с марта 1644 г. по октябрь 1646 г. (Здесь и далее годы управления оскольских воевод указаны по следующему источнику: Никулов А.П. Население Старооскольского уезда в XVII – начале XVIII в.: локально-историческое исследование: дисс. ... канд. ист. наук. Старый Оскол, 2006.)

³ Хотя, как было указано выше, четверо из них получили поместья по той же отдельной книге Д. Плещеева.

⁴ Иван («Хромой») Михайлович Волконский – воевода г. Оскол с октября 1646 г. по октябрь 1648 г.

⁵ Согласно существовавшей в то время практике при сыске и отказе привлекались служилые люди из местного населения, которые могли подтвердить отсутствие прав либо споров в отношении отказываемой земли.

земли («про то дикое поле сыскать большим повальным обыском»), а именно, не владеет ли кто-либо этой землей, не находится ли она в споре и т. п. Если свидетели подтверждали, что земля свободна – необходимо было вымерять челобитчикам соответствующие участки¹, о чем сделать соответствующие записи в сыскной и мерной книге [11, л. 12–15].

Согласно материалам дела, воевода Волконский получил грамоту 15.03.1648, то есть через две с небольшим недели, после чего организовал сыск, чтобы проверить, есть ли в описанной местности свободные земли в размере 160 четей (по 10 четей 16-ти челобитчикам). Еще через две недели, 30.03.1648, по его наказу в Ублинский стан поехал осколянин Зинов Марков². На сыске в качестве свидетелей («тутошные и сторонние люди») присутствовали жители окрестных населенных пунктов, которые и засвидетельствовали наличие свободных земель. В данном случае их было необычно много, более 160 (!) человек³, все они записаны в обыскные речи, составленные З. Марковым. Что удивительно, согласно данным воеводы, Марков передал Волконскому обыскной список только 21.10.1648 (то есть почти через 7 месяцев). Эти материалы воевода вместе со своей отпиской прислал в Москву в Поместный приказ 07.11.1648 с осколянином Терешкой Толмачевым⁴.

Саму сыскную книгу в фондах РГАДА обнаружить пока не удалось, но в деле есть выписка из нее, согласно которой «в тех урочищах дикое поле есть, лежит порозжо, в поместья и в вотчину наперед сего никому не отдано, и ни к каким землям не приписано». Таким образом, свободная земля в количестве 160 четей в Ублинском стане была выявлена. Эти земли находились за рч. Стужень, вверх по р. Оскол за Ездочным чертежем, от поместья Савелия Рогожникова, по обе стороны Оскола к Пузацкому лесу, земля под дворовые места – в устье Репенского колодезя, у того же Оскольского верховья. В писцовой книге 1643 г., с которой в то время сверялись в подобных делах, эти земли упомянуты не были (ни в поместье, ни среди порозжих земель). В то же время согласно материалам дела, мерные книги от воеводы И. М. Волконского в Поместный приказ не поступили, и осталось не ясным, измерил ли воевода эти земли или нет... [11, л. 10–12, 16–25].

¹ При измерении площади в то время использовали т.н. казенную десятину, равную 2400 кв. сажен. В данном случае дано предписание использовать десятину размером 80х30 сажен.

² Зиновий Третьяков сын Марков, сын боярский, упоминается в списках служилых людей 1640-х гг., в 1645 г. – подьячий съезжей избы. В 1650-х гг. в списках встречается также Зиновий Харламов сын Марков. Вероятно, это одно и то же лицо.

³ Полный список имен приведен в Приложении. Это жители всех четырех станов Оскольского уезда, в т. ч. из с. Коровое (Геросим), д. Курская, с. Верхнее Чюфичево, с. Нижнее Чюфичево, д. Дурнево, с. Яблоновое, с. Хмелевое, д. Волкова и еще около двадцати населенных пунктов.

⁴ Терентий Андреев сын Толмачев, сын боярский, упоминается в списках служилых людей 1645–1658 гг. Имел поместье в с. Верхнее Чюфичево, доставшееся ему от отца.

Между тем, в Поместный приказ поступила еще одна челобитная от тех же 16-ти детей боярских (присовокуплена к делу 08.11.1648), в которой они ссылались на проведенный З.Марковым сыск, по которому была выявлена свободная земля, и на факт отправки этих обысков в Москву, а также просили дать им с обысков отказную грамоту (то есть юридически наделить их правом владения землей). В результате дополнительного разбирательства дело челобитчиков решено положительно и по помете дьяков Поместного приказа от 22.11.1648 наложена резолюция: велено измерить землю по проведенному сыску, отказать ее челобитчикам, а мерные и отказные книги прислать в Москву.

Однако следом появляется еще одна челобитная детей боярских (подшита к делу 28.11.1648). При этом состав челобитчиков в ней уже несколько изменился. Теперь их всего 14 человек: не упомянуты Микифоров, Нефедов и Скворцов, зато появился Микифор Зунин¹, а вместо Мины Фаустова записан Милован² Фаустов. При этом они упоминают, что уже получили по 10 четей³ и просят выделить им еще по 40 четей в тех же урочищах, так как «того дикого поля в тех урочищах будет на пятьсот чети и больше». По помете дьяка И. Владыкина было велено провести новый сыск и измерить земли, а сыскные и мерные книги прислать в Москву (в деле имеется соответствующая резолюция от 02.12.1648). Однако дети боярские снова стали бить челом (челобитная подшита в дело 03.12.1648), чтобы им скорее выдали именно отказную грамоту, объясняя это своим бедственным положением и опасаясь, что дело затянется («чтоб за тем делом не заволочитца»), поэтому просили «то дикое поле по сыску и по мере отказать безволокидно, чтоб им за тем делом в конец не погибнуть») [11, л. 26–32].

Завершает долгую переписку по делу черновик (отпуск) грамоты воеводе Федору Ловчикову⁴, составленный 17.12.1648 (грамота заверена в Печатном приказе 18.12.1648). В документе подробно излагаются все детали имевшегося делопроизводства, а также дается указание провести обычную процедуру: измерить земли и отказать их челобитчикам (14-ти человекам) по 50 четей в поле, а в дву потому ж, записать это в сыскные и мерные книги и за подписью свидетелей прислать их в Москву дьякам Поместного приказ [11, л. 33–37; 5, л. 335 об. – 336].

К сожалению, отказной книги по данному делу (которая должна была логичным образом завершить его) в фондах РГАДА пока также обнаружить не удалось. В то же время в материалах к планам Генерального межевания имеется выписка из справки поверенного с. Репец Горожанкина от

¹ Микифор Азаров (Назаров) сын Зунин, сын боярский, новик 155 (1647/48) г., прежде (в 1620-е гг.) служил в станичных ездоках, но был взят в плен в 141 (1632/33) или в 142 (1633/34) г.

² Очевидно, подмена дохристианским именем, так как в других документах по Осколу имя Милован у Фаустовых не встречается.

³ Впрочем, этот факт на тот момент, вероятно, еще не был оформлен документально, то есть соответствующей отказной книгой.

⁴ Федор Иванович Ловчиков – оскольский воевода с конца 1648 г. по февраль 1651 г.

17.01.1787, в которой значится, что земли были отказаны их предкам 21.02.1649 [16, л. 48]. При этом согласно выписке поместья по 50 четвертей получили 18 детей боярских, среди которых большинство имен совпадают с приведенными выше, за исключением того, что в выписке отсутствуют Маклаков и Скворцов¹, а Нефедов фигурирует под именем Павел², кроме того, упомянуты три новых человека: Авдей Панин, Дорофей Казмин и Семен Пузикив – которые, впрочем, никак не были впоследствии связаны с с. Репец. Однако нужно учесть, что имелась и другая отказная книга от этой же даты (о ней будет сказано ниже), поэтому с учетом вышеприведенной информации к упомянутой справке времен Генерального межевания нужно относиться достаточно осторожно.

* * *

По-видимому, параллельно описанному выше процессу в 1648 г. в рассмотрении в приказах находилось еще одно дело о выделении земли в той же местности, поданное другой группой осколян. Так, сохранились фрагменты столбца (дело без начала и конца) с перепиской о выделении земли 10-ти детям боярским, это: Агей Андреев сын Коршиков, Семен Ананьин сын Котенев, Илья Ермолов сын Яковлев, Кирил Микифоров сын Омелянов, Григорей Киреев сын да Яким Киреев сын Горожанкины, Родивон Ларионов сын Захаров, Мишка Софонов сын Мелентьев, Сенка Филимонов сын да Семен Захаров сын Золотово³. 23.11.1648 в памяти из Разряда дьякам Поместного приказа (Ф.Елизарову, И.Владычину, М.Бредихину) была дана справка об их поместных окладах по списку 157 (1648/49) г. [10, л. 84–85].

Далее в деле приведена выписка об их поместьях по писцовой книге писца Г.Хотетовского, согласно которой за Горожанкиными в Чюфическом стане в деревне Верхняя Атаманская и других местах имелось поместной земли по 50 четей за человеком, за Коршиковым – в том же стане в деревне Котеновой 7 четей, за Мелентьевым – в Окологородном стане в деревне Курской 25 четей. Семену Котеневу поместье было дано за бой (местоположение и размер не указаны), за остальными челобитчиками: Емельяновым, Захаровым, Золотыми и Яковлевым – поместий не было [10, л. 86–87].

Дети боярские Котенев и Горожанкины сообщили, что в Ублинском стане имеется свободное дикое поле, расположенное вверх по реке Осколу от речки Стужня, и вверх по правой стороне Стужня до Курской дороги, а также вверх по обеим сторонам реки Оскол, от дачи Савелия Рогожникова, по правой стороне Оскола на гору, по Осколу с дубровами и с Дехтярным

¹ Эти две фамилии не встречаются в Репце и во 2-й половине XVII в. (при чем Петр Скворцов не упомянут и в других документах по уезду). Скворцовы появляются в Репце снова лишь к 1-й ревизии, а Маклаковы остались жить в Ездочной слободе.

² Вполне вероятно, что это второе (христианское) имя Дружины, так как в Репце впоследствии проживали Нефедовы с отчеством Павлович.

³ При написании имен сохранена орфография источника.

лесом до Пузацкого лесу. По их словам, эти свободные земли в количестве 500 четей в писцовой книге Г. Хотетовского записаны не были, поэтому они просили, чтобы государь пожаловал им из этого дикого поля по 50 четей человеку.

Дьяки Поместного приказа изучили имеющиеся в приказах документы на этот счет. В частности, была выявлена память из Разряда за подписью дьяка Михаила Волошенинова от 12.04.1648, устанавливающая размер земель, которые следует выдавать челобитчикам украинских городов в зависимости от их окладов. Согласно этой памяти детям боярским, в частности имевшим поместные оклады в 150 и 200 четей, следовало выделять по 40 четей, а с окладом 100 четей – по 30 четей. Однако, как сетовали дьяки, эта память М. Волошенинова не давала пояснения: имелся ли в виду предельный размер поместья, или речь шла только лишь о размере додачи к уже имевшимся поместьям... [10, л. 88–89].

Следом в деле содержится фрагмент отпуска грамоты оскольскому воеводе Ф. И. Ловчикову, однако она обрывается уже на вводной части, поэтому осталось не ясным, была ли в результате выделена земля челобитчикам или нет... [10, л. 90]. В то же время, по склейкам листов сохранилась дьяческая помета от 1(?) декабря 1648 г., в которой предписано послать оскольскому воеводе грамоту, в которой «про то дикое поле сыскать накрепко многими людьми...», и если такая свободная земля, не находящаяся в споре, будет выявлена, – измерить землю и прислать сыскные и мерные книги в Поместный приказ.

Ситуацию проясняет более позднее дело от марта 1658 г. по челобитной шести из десяти вышеперечисленных детей боярских (А. Коршиков, Г. Горожанкин, Р. Захаров, Я. Горожанкин, М. Мелентьев, С. Золотой), в которой они сказали, что в 157-м году им в этой местности Ублинского стане было пожаловано поместье по 50 четей человеку (всего 300 четей), но мест под дворы и огороды не выделено. Поэтому они просили выделить им землю на указанные цели в размере еще по 10 четей человеку (всего 60 четей) в устье Репенского колодезя у речки Оскола, по правую сторону Репенского колодезя [9, л. 145].

Затем в деле приводится выписка из отказной книги 21.02.1649 отказчика Микифора Татарченкова¹, согласно которой все десять человек получили поместье по 50 четей в Ублинском стане (описание местности совпадает с их челобитной 1648 г.) [9, л. 146]. Таким образом, дело завершилось положительно, а просьба второй группы служилых людей была удовлетворена, то есть они получили землю в окрестностях будущего Репца.

¹ Никифор Никитин сын Татарченков, городской сын боярский, помещик поч. Подвислый (Чернышев), в службе приблизительно с конца 1620-х гг., упоминается в списках вплоть до начала 1650-х гг.

Что же касается челобитной 1658 года, то по нему дьяками Поместного приказа И. Владычкиным, С. Шишкиным и И. Фоминым 20.03.1658 было принято решение запустить делопроизводство, а 23.03.1658 была подготовлена грамота оскольскому воеводе Беклемишеву¹ (заверена в Печатном приказе 31.03.1658) с предписанием направить в уезд служилых людей для проведения сыска и измерения свободных земельных угодий, а сыскные и мерные книги прислать в Москву в Поместный приказ [9, л. 149–153; 3, л. 264–264 об.].

Как и в предыдущих случаях самой отказной книги на эти земли (под дворы и огороды) в фонде Поместного приказа обнаружить не удалось, но в уже упомянутом выше деле с материалами к Генеральному межеванию сказано, что они получили по 10 четей 01.05.1658. В то же время, кроме шести известных челобитчиков в той же выписке 1787 года значатся также неверстанные Прокофей, Петр и Сергей Горожанкины, то есть всего землю под дворы в 1658 г. получили 9 человек [16, л. 48].

* * *

Итак, по найденным фрагментарным данным можно заключить, что в начале 1649 г. в окрестностях будущего Репца получили землю 25 детей боярских (еще двое челобитчиков по какой-то причине землю не получили). Ниже приведены их фамилии, в скобках указан поместный оклад на момент подачи челобитной (1648 г.) и размер имевшегося поместья по справкам из Поместного приказа.

Баклановы Федор Данилович (оклад 100 ч., поместье 22 ч. и 1,5 чтв.) и *Тимофей Данилович* (150 ч., 22 ч. и 1,5 чтв.), получили по 50 ч.;

Беседин Антип Панкратьевич (100 ч., 22 ч. и 1,5 чтв.), получил 50 ч.;

Гамов Феохтист Иванович (150 ч., беспом.), получил 50 ч.;

Горожанкины Григорей Киреевич (200 ч., 50 ч.) и *Аким Киреевич* (150 ч., 50 ч.), получили по 50 ч.;

Деревягин Перфил Афанасьевич (200 ч., беспом.), получил 50 ч.;

Емельянов Кирил Никифорович (200 ч., беспом.), получил 50 ч.;

Захаров Родион Ларионович (200 ч., беспом.), получил 50 ч.;

Золотой Семен Захарович (100 ч., беспом.) и *Семен Филимонович* (100 ч., беспом.), получили по 50 ч.;

Зунин Никифор Азарович, получил 50 ч.;

Коришковы Агей Андреевич (200 ч., 7 ч.), *Ананий Андреевич* (150 ч., 8 1/3 ч.), *Корней (Корнила) Богданович* (150 ч., 33 1/3 ч.), *Игнат Осипович* (100 ч., беспом.) и *Осип Ерофеевич* (100 ч., 43 1/3 ч.), получили по 50 ч.;

Котенев Семен Ананьевич (200 ч., ? ч.), получил 50 ч.;

Маклаков Данил Григорьевич (150 ч., 22 ч. и 1,5 чтв.), землю не получил;

Махрин Григорий Афанасьевич (100 ч., 22 ч. и 1,5 чтв.), получил 50 ч.;

¹ Афанасий Константинович Беклемишев – воевода г. Старый Оскол с сентября 1657 г. по сентябрь 1658 г.

Мелентьев Михаил Сафонович (100 ч., 25 ч.), получил 50 ч.;
Микифоров Трифон (Трофим) Терентьевич (100 ч., беспом.), получил 50 ч.;
Митякин Степан Степанович (100 ч., 22 ч. и 1,5 чтв.), получил 50 ч.;
Нефедов Дружина (Павел) Иванович (200 ч., 80 ч.), получил 50 ч.;
Скворцов Петр Степанович (100 ч., беспом.), землю не получил;
Фаустов Мина (Мирован) Лукьянович (100 ч., 22 ч. и 1,5 чтв.), получил 50 ч.;
Яковлев Илья Ермолович (200 ч., беспом.), получил 50 ч.

Однако на основании изложенных выше данных утверждать, что Репец как населенный пункт был основан именно в 1649 году не приходится. Во-первых, как видно из челобитной второй группы детей боярских, которую они подали в 1658 году, мест под дворы у них еще не было, а в окрестностях будущего Репца имелись только поместные земли, которые они возможно даже не обрабатывали. Во-вторых, сохранились окладные книги церквей Оскольского уезда за прибл. 1653 г., согласно которым большинство челобитчиков зафиксированы на прежнем их месте проживания. Так, Г. Горожанкин записан в д. Верхняя Атаманская, П. Деревягин – в с. Верхнее Чуфичево, Коршиковы – в д. Долгая поляна. Из не упомянутых в челобитной 1658 года: И. Яковлев поселился в с. Верхнее Чуфичево [14, л. 65 об., 83, 83 об.]. Других челобитчиков по этому источнику однозначно выявить не удалось, так как в нем упомянуты только главы дворов без указания отчеств. Таким образом, скорее всего дети боярские построили дворы и образовали населенный пункт в этом месте позднее, возможно даже после 1658 года.

То факт, что служилые люди на протяжении продолжительного времени не переезжали на новые земли, хотя и получили там поместные дачи, не является чем-то удивительным. Дело в том, что все челобитчики являлись коренными жителями Оскольского уезда, поэтому не спешили строиться в новом месте, имея возможность продолжать вести хозяйство по прежнему месту жительства. В то же время для служилых людей, пришедших из других уездов, такого выбора не было, поэтому в их случае населенный пункт как правило возникал уже вскоре после выделения им поместной земли.

* * *

К сожалению, по Старооскольскому уезду сохранились лишь единичные источники со списками служилых людей с привязкой к населенным пунктам, поэтому точно определить, когда именно возник Репец, представляется затруднительным. К настоящему моменту самый ранний документ, где удалось обнаружить упоминание Репца – это Список с приходно-расходных книг хлебного сбора¹ от апреля 1671 г. Из фамилий, зафиксированных в рассмотренных выше документах, в Репце упомянуты

¹ В данном документе перечислены служилые люди, сдавшие натуральный подворный налог – т. н. четвериковый хлеб.

(без отчеств) только Фрол и Михайло Коршиковы¹, Натар Махрин², Семен и Сафон Нефедовы³, а также зафиксированы новые: Филип Карцов, Агей Кочетов, Автомон Малахов и Иван Свинухов [1, л. 75–75 об.]. Из последних четырех человек только Карцовы в последующие годы прослеживаются в Репце, остальные проживали в других населенных пунктах (например, Кочетов проживал в с. Стужень).

Что касается остальных фамилий челобитчиков 1648 г., то в упомянутом источнике 1671 г. Ф. Бакланов и Д. Маклаков – отмечены в сл. Ездочная, П. Деревягин – в с. Верхнее Чуфичево, других по именам однозначно идентифицировать не удалось. По ряду причин (а именно неточности, выявленные при анализе фамилий других населенных пунктов) доверять информации из этого источника на 100 % не стоит. Таким образом, мы можем только сказать, что к 1671 году Репец уже существовал, но точный состав жителей сообщить не можем.

Из более поздних документов удалось выявить отказную книгу за 1681 год, которая в целом завершает картину заселения Репца в XVII в. [15, л. 380–383]. Согласно этому источнику 24.05.1681 по грамоте из Поместного приказа за подписью дьяка Бориса Протопопова старооскольский воевода Ф. В. Шехонский⁴ направил в Ублинский стан Петра Андреева⁵ для отказа земли старооскольским детям боярским сверх имевшихся там дач Федора Бакланова с товарищами. Землю в поместья (по 20 четей человеку) по этой отказной книге получили следующие челобитчики: Петр и Абрам Баклановы, Федор Быков, Григорей, Сазон и Андрей Горожанкины, Тимофей, Прокофей и Иев Золотые, Иван Зунин, Филип Карцов, Фрол, Петр и Артемей Коршиковы, Ларион, Натар и Елисей Махрины, Сысой и Григорий Мелентьевы, Семен, Понкрат и Гаврила Нефедовы, Устин Помелников, Михайла Попов (Исаев он же), Иван Резанцев – всего 25 человек.

Что интересно, при описании земельных угодий в отказной книге нигде не упомянут собственно населенный пункт Репец, хотя к тому времени он, очевидно, уже существовал. Земли в поместья челобитчикам были выделены из дикого поля вверх по реке Осколу по обе стороны Репенского колодезя, вверх по Гнилому колодезю с Щакиной дубравой и с Дехтярным лесом, на Истобный липяг вверх по Осколу (по обе стороны), вверх по Репцу колодезю (по обе стороны) к Вислому лесу, и вверх по Оскольской плате к Лисьим лесам, и вниз по Ржавой (по обе стороны) к Рогозцу, и вниз по Рогозцу (по обе стороны) к Оскольскому угодью. Под

¹ Согласно данным других источников выявлено, что Фрол – сын Агея, а Михаил – сын Исая (предположительно тоже сына Агея).

² Натар – сын Григория.

³ Семен и Сафон – дети Павла.

⁴ Шехонский Федор Васильевич – воевода г. Старый Оскол с июня 1680 г. по июнь 1682 г.

⁵ Андреев Петр – подьячий старооскольской Приказной избы (с 1675/76 г.), из детей боярских.

дворы предусматривались места на реке Осколе у зимника по левую сторону.

Другой интересный факт: при измерении земель была выявлена лишняя земля в размере более 300 четей, которую предписали отписать на Государя до специального указа. При этом оказалось, что на этой земле поселились старооскольцы Сафон Нефедов¹ и Харитон Осташев², которые завладели из той лишней земли по 20 четей каждый (впоследствии оба они фигурируют как жители Репца). На отказе присутствовали старооскольские дети боярские окрестных сел, всего 31 человек³, а отказную книгу писал староосколец Филатка Фалеев⁴.

Из 25 детей боярских, получивших землю в 1681 г., большинство, так или иначе, возможно соединить родственными связями с челобитчиками 1648 года. Вновь появившиеся фамилии: Быков, Помелников, Попов⁵ (Исаев) и Рязанцев, из них только фамилия Помелников⁶ не прослеживается в Репце в последующих документах.

Среди более поздних источников, позволяющих проследить фамильный состав Репца, имеется сборная книга полуосминного хлеба⁷, согласно которой 06.01.1693 служилые люди села Репец (копейщики, солдаты и городовые) сдали хлеб в житницы города Белгорода. Среди них записаны главы дворов: Семен Агеев, Петр Бакланов, Ларион Беседин, Федор Быков, Павел Винников, Андрей, Григорей, Михайла и Прокофей Горожанкины, Иван Деревягин, Дмитрий, Иев, Пракофей Золотые, Данила и Максим Зунины, Филипп Карцов, Осип, Петр, Петр и Фрол Коршиковы, Натар и Свирид Махрины, Сысой Мелентьев, Михайла и Петр Микифоровы, Гаврила, Понкрат, Сафон и Семен Нефедовы, Харитон Осташев, Иван Резанцев, Иван, Яким и Тит Фаустовы [2, л. 13 об. – 14]. Здесь из новых фамилий мы видим Агеева и Винникова, которые, впрочем, впоследствии в Репце не фиксируются⁸.

¹ Сафон Павлов сын Нефедов, сын боярский городской службы.

² Харитон Трофимов сын Осташев, сын боярский городской службы, сын оскольского станичного ездока Трофима Федорова сына Осташева, сведенного с семьей на службу в город Царев-Алексеев (Новый Оскол) в 1647 году.

³ Из однофамильцев (или родственников?) ранее упомянутым среди них упомянуты: Григорий Бакланов, Игнат и Федор Малаховы, Кузма Помелников, Наум Попов, Тимофей и Игнат Свинуховы.

⁴ Филат Фалеев сын Фалеев, сын боярский, в службе с 1678/79 г., помещик с. Верхнее Чуфичево.

⁵ Впоследствии Поповы служили при церкви села Репец. Так, Андрей Федоров сын Попов – церковный дьячек в 1718 г.

⁶ При этом не удалось найти упоминаний об Устине Помелникове (или его детях) и в других документах Старооскольского уезда конца XVII – начала XVIII вв.

⁷ Другое название четверикового хлеба.

⁸ Павел Игнатов сын Винников в 1697 г. имел поместье в д. Озеро, а Агеевы проживали в основном в с. Геросим.

Наконец, в начале XVIII в. состав населения села Репец с хуторами и деревнями можно восстановить по ряду источников конца 1710-х – начала 1720-х гг.¹ В это время в селе Репец проживали следующие жители²:

Авдеев Сафон Маркович (записан сверх переписи 1714 г., «жил, переходя по людям»);

Беседин Емельян Ларионович;

Баклановы Алексей Киреевич (Кирилович), Иван Петрович*;

Быков Агей Яковлевич (в переписи 1718 г. еще не записан);

Горожанкины Аким Яковлевич, Григорей Андреевич, Ермола Андреевич, Ларион Прокофьевьевич*;

Деревягин Иван Владимирович (Б);

Долгой (Долгов) Петр Тарасович (Б);

Золотые Прокофий Васильевич, Афанасей Тимофеевич, Максим Иевлевич (Б), *Федор Дмитриевич*;

Захаров Федор (в переписи 1718 г. еще не записан);

Иванниковы Архип Иванович, Игнат Понкратович (Х);

*Карцов Матвей Филипович**;

Коришковы Акинфей Иванович (в переписи 1718 г. еще не записан); *Афонасей Петрович* (Б), *Борис Осипович, Иван Петрович* (Х), *Иван Фролович*;

Левыкины Иван Макарович (Маркович) (Х), *Степан Иванович* (Х);

Макаевы Автамон Федорович (Х), *Корней Федорович*;

Махрины Василей Митрофанович (Б), *Изот Елисеевич, Сафон Иванович* (записан только в переписи 1718 г.)*;

Мелентьевы Григорей Михайлович, Павел Ульянович (в переписи 1718 г. еще не записан), *Полухт Борисович, Сысой Михайлович*;

Нефедовы Иван Михайлович, Семен Сафонович (Б), *Степан Гаврилович*;

Панков Василей Петрович;

Поповы Андрей Федорович (дьячок), *Киприян Антонович* (в переписи 1718 г. еще не записан);

*Рудаков Федор Иванович**;

Скворцов Филип Кузмич (Б);

Скорой Наум Матвеевич (записан сверх переписи 1714 г., был сиротой «жил, переходя по людям»);

Ушеков Севостьян Иванович;

Фоустовы Иван Иванович (записан только в переписи 1718 г., «явился из пустоты»), *Кузма Акимович* (Б);

Шеталов Иван Осипович;

Щербочев Иван Леонтьев (в переписи 1718 г. еще не записан).

¹ Перепись 1718 г. [6], сказки 1-й ревизии 1719 г. [7], перепись 1723 г. [8].

² Примечания к именам из списка (по данным переписи 1718 г.) означают следующее: «*» – выделился отдельным двором после переписи 1714 г.; «(Б)» – после переписи 1714 г. вышел в д. Бутырки; «(Х)» – после переписи 1714 г. вышел в д. Хутор.

Таким образом, в начале XVIII в. в Репце появляются новые фамилии: Авдеев, Иванников, Левыкин, Макаев, Рудаков, Скорый, Ушеков, Шеталов, Щербочев¹. Пропадают Зунины² и Рязанцевы. Потомки Микифоровых теперь фигурируют под фамилией Панковы.

Как мы видим, часть жителей Репца после 1714 г. отселились во вновь образованные деревни. Деревня Бутырки – это будущая деревня Репецкие (Репенские) Бутырки (ныне Большие Бутырки), деревня Хутор в последующих документах именуется как деревня Хуторей или хутор Безлепкин. При чем, в переписи 1723 г. д. Хутор записана отдельно, а д. Бутырки отдельно не выделяется, зато кроме села Репец в переписи 1723 г. фигурирует село «Репец ж», которое, вероятно, объединяет какие-то части первоначального Репца и деревни Бутырки, однако при сравнении распределения жителей между этими двумя населенными пунктами по переписям 1718 и 1723 гг. однозначного вывода, что именно имелось в виду под селом «Репец ж», сделать не получилось...

* * *

Итак, мы рассмотрели процессы выделения земли в Ублинском стане Оскольского уезда в окрестностях будущего Репца, которые происходили в XVII веке непосредственно перед его основанием, а также в первые десятилетия существования данного населенного пункта. К сожалению, из-за фрагментарной сохранности архивных материалов, имеющих отношение к этим процессам, не удалось достоверно установить точный год заселения населенного пункта (которое произошло, вероятно, в промежуток 1658–1671 гг.), хотя есть подтвержденные данные о получении первопоселенцами Репца поместной земли в этих местах уже в начале 1649 г.

Почти до самого конца XVII в. Репец относился к Ублинскому стану. В конце XVII века в Старооскольском уезде наметилось новое деление на станы и в 1697 г. село Репец было отнесено к Пузацкому стану. В 1779 г. Репец отошел ко вновь образованному Тимскому уезду Курской губернии. Во 2-й половине XIX – начале XX вв. село относилось к Рогозецкой волости этого уезда. В настоящее время село Репец является центром Репецкого сельского поселения в составе Мантуровского района Курской области.

¹ Большинство этих семей появляется в Старооскольском уезде в начале XVIII в.

² Такая фамилия в начале 1720-х гг. среди глав дворов уезда более не зафиксирована.

Приложение 1

Список служилых людей, поклявшихся 30 марта 1648 года крестным целованием на сыске Зиновию Маркову о том, что в Ублинском стане есть свободные земли для выделения их в поместье челобитчикам – детям боярским Федору Бакланову с товарищи [11, л. 20–22]

Дети боярские: Василей Авдеев, Афонасей Агеев, Арист Алпеев, Федор Митрофанов сын Ананьевской, Анисим Аношин, Андрей Анисимов, Сидор Анисимов, Герасим Арефьев, Анисим Артемов, Андрей Боев, Милован Боев, Кирей Болдырев, Тихон Бочеров, Аким Бредихин, Иван Бурцов, Андрей Бутаков, Василей Волков, Мартин Воротынцов, Федот Гвоздев, Федор Глаткой, Евтех Головин, Милован Гранкин, Федор Гранкин, Степан Гремлев, Иван Долгой, Яков Долгой, Микифор Дураков, Степан Дураков, Нифонт Дурнев, Юрья Евсюков, Клим Енютин, Марка Енютин, Калина Еремеев, Федот Ефанов, Семен Азаров сын Жилин, Федор Жилин, Томила Анисимов сын Звягинцов, Купря Завьялов, Аким Золотой, Иван Калинин, Андрей Кисленской, Иван Клодов, Петр Клодов, Филип Ключников, Алексей Козловской, Игнат Кондауров, Родион Кондауров, Степан Данилов сын Кондауров, Филип Кондоуров, Филип Корманской, Михайла Косарев, Ананья Котенев, Ефим Котенев, Иев Котенев, Дементей Кочюров, Василей Кошкаров, Анисим Кузнецов, Влас Курлов, Андрей Лаврентьев сын Кутин, Микифор Ледовской, Герасим Логачов, Сафон Логачов, Филип Фомин сын Логачов, Афрем Лукьянчиков, Иван Лукьянчиков, Андрей Мазолов, Исай Мазолов, Зиновей Марков, Константин Аксенов сын Мацнев, Григорей Мелехов, Яков Мелехов, Семен Федоров сын Митрофанов, Увар Митусов, Петр Михолев, Илья Мишин, Фирс Мишин, Амелян Мишуков, Алексей Молахов, Савостьян Молахов, Володя Монаков, Иван Мухортой, Лука Незнанов, Василей Неретин, Лука Овдакимов, Дмитрий Оношин, Микита Пирогов, Иван Поминочной, Меркул Понарьин, Игнат Порохов, Гаврила Похомов, Иван Михайлов сын Прокудин, Григорей Ровенской, Ларя Рудаков, Фома Руднев, Кузма Ряполов, Анцыфор Сапрыкин, Сысой Селютин, Родион Симонов, Дорофей Смехнов, Степан Сорокин, Лука Минаев сын Сотников, Гаврила Иванов сын Стрельников, Савостьян Стрельников, Дементей Сухой, Герасим Теплов, Филип Теплов, Левонтей Тетюрев, Андрей Толмачов, Астах Тотаринов, Микифор Тотарченков, Микифор Улубышев, Дмитрий Ушеков, Дмитрий Молодой Ушеков, Наум Ушеков, Василей Фефилов, Павел Харитонов, Иван Хлоповской, Емельян Хорохордин, Кондратей Хорохордин, Григорей Четверткин, Милован Шеталов, Иван Щербинин, Иван Щетинин;

Стрельцы: Лукьян Бочеров, Тамила Винокуров, Терех Вороновской, Абросим Грецов, Акинфей Дятлов, Дмитрий Иваников, Иван Кожевников,

Курдюм Меншиков, Григорей Митусов, Анцыфор Мосеев, Алфим Осипов, Тимофей Перегудов, Гаврила Полянской, Роман Поминочной, Андрей Симонов, Иван Чечулин, Карп Юмашев;

Полковые казаки: Микифор Белоус, Максим Гусев, Алексей Доброй, Парфен Клодов, Яков Кузнецов, Федор Курченин, Денис Мижуев, Василей Пашнев, Потап Помелников, Ермол Провоторов, Василей Роспопин, Дема Роспопин, Сава Серпуховитин, Василей Слизов, Тимофей Солакушин, Матвей Харин, Петр Чеботарев, Терех Чорной, Алексей Шанов;

Станичные 23лавн: Семен Золотой, Юрья Золотой, Фома Семькин, Афонасей Серой, Никон Тятин.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 6д. Кн. 79.
2. РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Вяз. 16. № 6.
3. РГАДА. Ф. 233. Оп.1. Д. 87.
4. РГАДА. Ф. 233. Оп.1. Д. 674.
5. РГАДА. Ф. 233. Оп.1. Д. 675.
6. РГАДА. Ф. 350. Оп.1. Д. 385.
7. РГАДА. Ф. 350. Оп.2. Д. 3387.
8. РГАДА. Ф. 350. Оп.2. Д. 3392.
9. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1193 (Столбцы по Воронежу). № 34622.
10. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1194 (Столбцы по Воронежу). № 34703.
11. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1194 (Столбцы по Воронежу). № 34892.
12. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 43.
13. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 343.
14. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15827.
15. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 12291.
16. РГАДА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 1220.

**ПЕНСКИЕ ФАМИЛИИ
(ИСТОРИЯ АНТРОПОНИМИКИ
СЕЛА ПЕНЫ БЕЛОВСКОГО РАЙОНА)**

В 2019 г. селу Пены Беловского района Курской области исполнилось 367 лет. За это время изменилось и само село, и его жители, изменился и их фамильный состав. Некоторые фамилии вырождались естественным образом, другие пропадали из-за различных потрясений – войны, революции, раскулачивание, голод. В результате из максимального количества примерно в 170 фамилий, одновременно живших в разное время в Пенах, в настоящее время коренных фамилий осталось только 67.

Имеющиеся в различных архивах документы позволяют отследить фамилии и количество жителей в различные периоды жизни села. Наиболее ранним выявленным нами документом по истории Пен является выписка из Межевой книги за 1651 г. [30, с. 31–32]. В ней приведены 58 фамилий первых поселенцев, основавших «Пенью»: Амелянов, Андреев, Антонов, Бездененко, Болоховец, Винокуров, Горуженко, Григорьев, Грищанов, Денисов, Дороженко, Евтифьев, Иванов, Киселев, Клементьев, Кодяков, Кондратьев, Константинов, Коптев, Коронин, Кравеч, Кривопутенко, Кудренко, Кушнар, Лукьянов, Матвеев, Наумов, Никитин, Осипов, Остафьев, Отобыченко, Павлов, Попов, Потапов, Примудренко, Родов, Рудницкий, Савельев, Сасубрин, Свиридов, Смичненко, Степанов, Стоволос, Сученко, Счастнов, Тимофеев, Такарев, Токоренко, Токар, Федоров, Хмелевский, Чернов, Швец, Шешкалов, Шмадченко, Яковлев и Якубов.

Еще одним интересным документом, свидетельствующем об изменениях в антропонимике села Пен, является Сметная книга Белгородского стола за 1690 г. [1]. В ней приведены краткое описание слободы Пены, а также списки соответственно 12 фамилий «Пенских жителей русских людей городской службы» (Боговой, Гайдученко, Головенкин, Заика, Карповский, Копцов, Канунников, Погребной, Подшивайлов, Позняков, Серпуховитин, Федорищев) и 23 фамилии «Пенских жителей черкас городской службы» (Ворона, Гадючей, Глухенький, Говорухин, Губарев, Иванов, Калачник, Корноух, Курилов, Кияница, Лысый, Маньков, Мирошник, Мякота, Наливайко, Оплачко, Перебач, Рыбалка, Сердюк, Смычок, Фёдоров, Цехмистр и Швец). Среди перечисленных только четыре фамилии Иванов, Копцов (Коптев), Федоров и Швец встречались в списке первых 65 поселенцев. Среди новоприбывших появились фамилии Говорухин, Головенкин, Губарев, Лысый, Мирошник, Позняков и Сердюк. Они в неизменном или в чуть измененном виде будут встречаться в Пенах вплоть до настоящего времени.

Следующими по хронологии документами, в которых приведены пенские фамилии, являются «Книга переписная казаков и подпомощников Сумского полка, 1744 год» [2, 3] и «Книга переписная Белогородской провинции города Карпова и уезда малороссиян..., 1748 год» [4]. В это время жители села Пен входили в состав Сумского слободского казачьего полка и являлись его 11 (Пенской) сотней. Согласно этим переписям в Пенах числилось 215 душ казаков, 191 – подпомощников и 250 – черкас. Всего в Пенах в то время проживало 1 358 жителей обоих полов.

В переписных книгах указана 151 фамилия жителей Пен. Возможно их было и больше, так как кроме казаков, подпомощников и черкас в Пенах жили и другие сословия, не охваченные переписью. Из известных на 1690 г. 88 фамилий в списках 1744–1748 гг. остались только 18 (некоторые в видоизмененном виде): Андреев, Антонов (Антоненко), Глухенький (Глуховец, Глущенко), Говорухин (Говорущенко), Головенкин, Грищанов (Грищенко), Губарев (Губаренко), Ки(у)рилов, Кияница (Киященко), Копцов (Коптев), Лысый, Мирошник (Мирошниченко), Павлов (Павленко), Рыбалка (Рыбаченко), Стоволос (Стоволосов), Чернов (Черный), Швеиц, Яковлев (Яковенко). Фамилии Болоховец, Сердюк и Токарев, хотя и не вошли в эти списки, но позже будут встречаться в Пенах на протяжении многих лет. Остальные 70 фамилий ни в переписных книгах 1744–1748 гг., ни в более поздних документах уже не значатся.

Таким образом, между 1651 и 1748 гг. в Пенах появилось 57 новых фамилий, которые впоследствии тоже сохранятся, и люди с такими антропонимами переживут полностью или частично всю историю села Пены. Вот эти фамилии (в разных вариантах написания): Алейников, Бей (Беев), Белоусов, Бондаренко (Бондарев), Бычков, Валеваха (Валивахин), Галченко (Галкин), Гапоненко (Гапонов), Герман (Германов), Гета (Гетин), Гиря (Гирин), Голубцов, Горбаненко (Горбанев), Демиденко, Дробязка (Дробязгин), Дураков, Еременко, Жит(д)ков, Заболотный, Загинайло, Запорожский, Заруднов, Заходяка (Заходякин), Зозуля (Зозулин), Зубченко (Зубков), Зюбанов, Карасев, Коваль (Коваленко, Ковалёв), Ковтунов (Колтунов), Красовский, Лагутенко (Лагута, Лагутинский), Лесной, Логачев, Лысенко, Людской, Малафеев, Марченко (Мурченко), Могила (Могилин), Наконечный, Нелуп(б)кин, Новик(Новиков), Панченко, Печеный, Сереков, Соколенко (Соколов), Сыпченко, Тараненко (Таранов), Тищенко, Топченко (Топчиев), Туруленко (Турулин), Убейкобыла (Убейкобылин), Чубарев, Шаповалов, Шатный, Шевцов, Шкуркин (Шкурченко), Юрченко. Некоторые из перечисленных в переписях 1744–1748 гг. фамилий позже в Пенах встречались редко, или же не встречаются вообще, и поэтому в этом списке не приведены. За время между 1651 по 1748 г. количество фамилий первых переселенцев уменьшилось на 70. Возможно они нашли более комфортные места для оседлости в соседних населенных местах, но могли иметь место и другие причины.

Следующими использованными нами при подготовке настоящей работы архивными документами являются «Дело о записи сотником слободы Пены Чугаевым Максимом в казаки и казачьи подпомощники подданных помещицы Анны Кигич» (1750-е гг.) и «Книга комплектная Сумского полка 11 сотни местечка Пены. 1753 г.» [5, 6]. По сравнению с данными переписи 1748 г. в этих документах количество фамилий увеличилось до 173. Это объясняется частично тем, что Максим Чугаев включил в число казаков и подпомощников подданных пенских помещиков, в том числе и Анны Кигич, которых ранее не учитывали, а также тем, что фамилии некоторых жителей были написаны в разных вариантах (например, Будник–Будников–Будниченко, Бычок–Бычков, Валеваха–Валивахин и т. д.). Из известных в настоящее время фамилий в переписи 1753 г. появились 18 новых – Барташовы, Будниковы, Вальковы, Великоцкие, Друшляковы, Игнатенко, Кононенко, Котляровы, Коханенко (Кохановы, Кофановы)), Литвиновы, Луговские, Назаренко, Погореленко (Погореловы), Удовенко, Фентисовы, Худяковы, Черномаз (Черномазовы), Чугаевы.

Из рассмотренных выше исторических дат стоит отдельно рассмотреть тяжелый для жизни пенян период с 1715 по 1784 г. В 1715 г. слободу Пены по решению Слободской Украинской губернской канцелярии на основании указа Петра I отдали в подданство поступившему на российскую военную службу выходцу из Волахии поручику П. Ф. Апостолу-Кигичу. Фактически это означало, что большая часть жителей Пен попадала в крепостную зависимость. После смерти самого П. Ф. Апостола-Кигича они вышли из подчинения его наследников, и осенью 1776 г. это привело к бунту. В результате столкновения с посланными на усмирение войсками погибли 17 и получили ранение 15 жителей Пен. Назовем имена пенян, принимавших непосредственное участие в этих событиях: Василий Хомутич, Иван Журавель, Степан Соколов, братья Андрей, Василий, Петр и Иван Ковтуновы, Степан Шаповалов, Герасим Литвинов, войсковой обыватель Яков Лесной, атаман Иван Черномаз и Максим Климов [30, с. 170–172].

Дело о конфликте между населением Пен и наследниками Апостола-Кигича рассматривалось в Сенате. В 1786 г. Сенат принял решение об отчуждении Пен от наследников Апостола-Кигича и сделал жителей Пен казенными крестьянами [26]. При разбирательстве дела в период с 1783 по 1785 г. многих жителей Пен допрашивали в суде, выясняя их позицию по отношению к подданству наследникам Апостола-Кигича. До наших дней сохранились протоколы допросов пенян с фамилиями Колтун, Кузьменко, Валивахин, Руденков, Решетников, Ковалев, Супрунов, Гепалов, Житков, Лысенков [21, 22, 23].

Многие крепостные Апостола-Кигича и других пенских помещиков убегали из Пен, но после добровольного или принудительно возвращались обратно в Пены. Их дела также рассматривались в судах. За период между

1767 и 1787 гг. в судах рассматривались дела о побеге Дробязка, Журавлева, Луценко, Мирошниченко, Полякова, Панченко, Пелагейченко, Теплова [19, 20, 24, 25, 27, 28].

В большом количестве дел Богатинского уездного суда приведены случаи различных тяжб пенян, как между собой, так и с жителями других населенных пунктов. За временной период с 1780 по 1885 г. в данных архивных документах значатся многие распространенные пенские антропонимы: Будников, Валивахин, Вакуленко, Великоцкий, Галкин, Головенкин, Германов, Токарев, Ермоленков, Зюбанов, Ковтунов, Козаченко, Корчев, Лесной, Пелагейченков, Потапов, Тищенко, Чубарев, Шевцов, Шатный, Юрченко. Однако подробных сведений об изменениях в фамильном составе села Пен эти документы нам не могут, в связи с тем, что содержат отрывочные сведения.

Богатый материал по истории антропоники села Пены дают ревизские сказки 7-й (1816 г.), 9-й (1850 г.) и 10-й (1858 г.) ревизий [16, 17, 18]. По данным 7-й ревизии 1816 г. в Пенах проживали 1 351 мужчина, и всего насчитывалось 164 фамилии. За время между переписью Максима Чугаева 1753 г. и ревизией 1816 г. появилось 15 новых антропонимов, известных в настоящее время: Бабенко, Бакалов (Бачкалов), Безшкурный, Гепалов, Горбатков, Ермоленко, Журавлев, Кухтин, Никольченко, Пелагейченко, Перелейвода, Пшеничный, Скрипалев, Слесаренко, Тюрин. Нами также были выявлены еще ряд фамилий, которые позднее исчезли, и больше в учетных документах, относящихся к селу Пены, не упоминавшиеся.

По данным 9-й ревизии (1850 г.) в Пенах проживали 3 106 человек (1 543 мужчины и 1 563 женщины), носившие 129 фамилии. Список коренных фамилий за промежуток между 1816 и 1850 гг. не сильно изменился. Появились Полторецкие, Черпаковы и Марченко. Начиная с примерно 1816 г., фамильный состав пенского населения стабилизировался, а численность населения увеличивалась за счет увеличения количества однофамильных домохозяев, что говорит о естественном приросте населения в изучаемом селе. Отметим фамилии, которые носили большинство домохозяев на 1850 г.: Будниковы, Наконечные, Лесные, Колтуновы – по 10–12 семейств; Вальковы, Германовы, Печеные, Шатные, Шевцовы – 7–8; Бычковы, Дробязгины, Зубковы, Зюбановы, Кобцевы, Красовские, Стоволосовы, Тищенко, Убейкобылины, Шаповаловы – 5–6 [18].

Одним из наиболее информативных источников, содержащих сведения о пенских фамилиях, является «Список домохозяев бывших государственных крестьян слободы Пены Пенской волости Обоянского уезда, которым был выдан в ссуду хлеб на озимые и яровые на обсеменение по неурожаю 1891 года...» [15]. Всего в этом списке приведено 112 фамилий 596 домохозяев. Фамильный состав практически повторяет сведения ревизской сказки 1850 г. Хотя ссуду получили тогда не

все жители Пен, но список достаточно полный для анализа их фамильного состава.

По сравнению с 1850 г. не были упомянуты распространенные ранее фамилии Болоховцев, Дураков, Могилин, Полупанов, Рекунов, Суховлев, Усенко, Чугаев и некоторых других, но увеличилось количество ранее однофамильных домохозяйств: Убейкобылиных до 26, Шатных и Шевцовых до 21, Будниковых до 19. До 9–11 домохозяйств возросло количество Гепаловых, Зюбановых, Кобцевых, Красовских, Малафеевых, Новиковых, Полторецких, Тищенко, Стоволосовых, Фентисовых. В полтора–два раза увеличилось количество других фамилий: Вальковых и Германовых с 7 до 14, Бычковых и Зубковых с 5 до 13, Колтуновых и Лесных с 10 до 15, Шкуркиных с 2 до 15.

К концу XIX в. население Пен постоянно увеличивалось. Из-за трудностей управления большим по численности сельским обществом в 1868 г. Курским губернским по крестьянским делам присутствием даже было принято решение о разделении Сельского общества государственных крестьян слободы Пены на два – 1-е и 2-е [14]. В дальнейшем численность населения Пен постепенно начала уменьшаться. Причин для этого было несколько. За время после 1892 г., когда был составлен «Список домохозяев...», прошли такие события как массовое переселение крестьян из центральных губерний в Сибирь (до и во время Столыпинской реформы 1910 года), Первая мировая война, революции 1917 г., Гражданская война, раскулачивание, Великая Отечественная война и, наконец, распад СССР. Каждое из этих событий приводило к уменьшению населения Пен и к изменению его фамильного состава.

Массовое переселение крестьян из слободы Пены в Сибирь началось примерно в 1885 г. Пеняне переселялись в основном в Томскую губернию. В списках 50 коренных фамилий (66 семей), подавших прошение о переселении в Томскую губернию, значатся Бакалов, Бондарев, Будников, Валивахин, Гапонов, Германов, Зюбанов, Зубков, Кобцев, Красовский, Лагутинский, Лесной, Людской, Убейкобылин, Фентисов, Фролов, Шкуркин и др. [7, 8, 9, 10, 11].

При этом переселение шло не только в Томскую губернию. Пеняне также переселялись в Екатеринославскую [13]. Оренбургскую и Ставропольскую губернии [12]. Конкретно из Пен в 1910 г. группа крестьян переселилась в село Черная Курья, в настоящее время это территория Алтайского края. Вот их фамилии: Пшеничный, Погорелов, Тюрин, Убейкобылин, Литвинов, Сериков, Сыпченко, Костюков, Новиков, Лагутинский. Историю этой группы переселенцев давно изучает живущий в Санкт-Петербурге потомок пенских переселенцев А. Г. Пшеничный. Благодаря его деятельности был выявлен и этот список переселенцев, и сам факт переселения.

Однако стоит отметить, что частично переселение крестьян также проходило и в более ранние периоды. Так, начиная с 1802 г. большое

количество крестьян из Обоянского уезда Курской губернии переселилось на территорию современной Ростовской области, став основателями в том числе и станицы Песчанокотская [29]. Точными сведениями о том, переселялись ли пеняне в станицу Песчанокотскую нам не известно, но анализ антропонимики данного населенного пункта позволяет нам прийти к выводу, что переселение имело место быть. Наиболее распространенные антропонимы в Песчанокотской это: Бычков, Белоусов, Галкин, Германов, Валивахин, Еременко, Зозулин, Запорожский, Зуев, Игнатенко, Колтунов, Лесной, Литвинов, Новиков, Соколов, Тищенко, Убейкобылин. Данный список практически полностью состоит из коренных пенских фамилий: из вышеприведенных 17 антропонимов 8 упоминаются в Пенской сотне в числе казаков, а еще 5 – среди подпомощников.

Главной причиной переселения пенян в новые места проживания является малоземелье, не позволявшее прокормить большие крестьянские семьи того периода времени. Именно семьи с большим количеством детей чаще всего выезжали с обжитых мест в поисках лучшей доли.

Период между 1892 и 1945 гг. не поддается анализу из-за отсутствия каких-либо серьезных архивных данных. Некоторое представление о составе фамилий в данный период времени дает составленный автором в 2011 г. «Список мужчин сл. Пены, погибших и пропавших без вести во время Великой Отечественной войны». В этом списке числится 560 человек и 134 фамилий. Это на 22 фамилии больше, чем в предыдущем «Списке домохозяев...» за 1892 г. Увеличение количества антропонимов объясняется тем, что в число погибших были включены жители некоторых соседних с Пенами хуторов и некоторые родственники пенских жителей.

Последним документом, который был использован при подготовке настоящей работы, был «Список фамилий по Пенскому сельсовету на 20.11.2018 г.», представленный автору редактором газеты «Беловские зори» И. М. Старенковым. По этому списку в Пенах проживало 825 жителей, носивших 202 фамилий. Только 67 из них упоминаются в документах, начиная с середины XVII в. и до 1816 г. Из поселившихся в селе в период с 1651 по 1690 г. сохранились 7 фамилий – Головенко, Мирошниченко, Кобцев, Кондратенко, Сердюков, Стоволосов и Токарев. Из поселившихся между 1690 и 1744 гг. – 38 фамилий: Белоусов, Бычков, Валивахин, Галкин, Гетин, Германов, Глущенко, Голубцов, Дробязгин, Еременко, Ещенко, Зазулин, Зубков, Зюбанов, Ковалев, Колтунов, Красовский, Лагутинский, Лесной, Логачев, Лысенко, Людской, Малафеев, Марченко, Наконечный, Новиков, Панченко, Печеный, Сериков, Таранов, Тищенко, Турулин, Убейкобылин, Шаповалов, Шатный, Шевцов, Шкуркин и Юрченко. Из поселившихся между 1744 и 1816 гг.: 21 фамилия – Барташов, Будников, Вальков, Велиикоцкий, Волков, Гепалов, Горбатков, Друшляков, Ермоленко, Игнатенко, Котляров, Кофанов, Кухтин, Литвинов, Луговский, Перелейвода, Полторецкий, Слесаренко,

Тюрин, Удовенко, Фентисов и Черномазов. Фроловы появились в Пенах не позднее 1892 г.

В заключение перечислим фамилии, которые появились в Пенах очень давно, но к настоящему времени не сохранились. Некоторые из них упоминались с 1744 по 1816 г., другие в последний раз упоминались в списках потерь во время Великой Отечественной войны, а некоторые перевелись совсем недавно. Вот эти фамилии: Алейников, Бабенко, Бакалов, Беев, Безшкурный, Бондарев, Гирев, Горбанев, Житков, Заболотный, Загинайлов, Запорожский, Зуев, Кононцов, Нелубкин, Никольченко, Пшеничный, Соколов, Сыпченко, Топчиев, Худяков, Чубарев, Чугаев. Каждая из них была связана с историей Пен и внесла свой вклад в их развитие.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 6. Д. 155.
2. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3458.
3. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3459а.
4. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1285.
5. Центральный государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИАУ). Ф. 380. Оп. 1. Д. 28.
6. ЦГИАУ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 29.
7. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 68. Оп. 2. Д. 3234.
8. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 3235.
9. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 3652.
10. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4586.
11. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4969.
12. ГАКО. Ф. 68. Оп. 2. Д. 7742.
13. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 1319.
14. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 3651.
15. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7534.
16. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 437.
17. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 824.
18. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 990.
19. ГАКО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 3.
20. ГАКО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 70.
21. ГАКО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 108.
22. ГАКО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 175.
23. ГАКО. Ф. 1691. Оп. 1. Д. 184.
24. ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 50.
25. ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 117.
26. ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 142.
27. ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 148.
28. ГАКО. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 189.
29. Алексеева Т.А., Ларина А.Н. Летопись села Песчанокопское. [Без места изд.], 2012.

Р. О. Голубков, А. В. Зорин

**КУРСК В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.:
(МАТЕРИАЛЫ СМЕТНОЙ КНИГИ 1689 г. И
СТРОЕЛЬНОЙ КНИГИ 1685 г. ГОРОДА КУРСКА)**

Каждый раз, когда удастся отвоевать у времени правдивую информацию о днях давно минувших, мы приближаемся к пониманию того, что же на самом деле происходило в те далекие времена. Зачастую события, отложившиеся в исторической памяти народа, серьезно искажаются, в них начинают видеть определенный символизм, придавать им значение, которое было им не свойственно. Эти искажения настолько вплетаются в канву исторических перипетий, что избавиться от них не удастся на протяжении достаточно длительного времени.

Иногда подобные искажения истории, проще говоря, сознательные фальсификации, внедряются в историческое поле специально. Так, например, было с празднованием в 1995 г. 1000-летия города Белгорода, хотя эта дата, как убедительно доказал в одной из своих работ петербургский историк А. И. Раздорский, не имеет под собой никаких документальных оснований [7, с. 192–199].

В любом случае, единственным способом установления исторической истины является обращение к источникам, которые могут раскрыть подробности того или иного события. И в этом отношении древняя история города Курска представляет для нас особый интерес.

История современного Курска начинается в конце XVI в., когда была возведена курская крепость. До сих пор ведутся серьезные споры о том, в каком году произошло данное событие, но одно не вызывает сомнений: уже в тот период времени и на протяжении практически всего XVII в. Курск имел важнейшее стратегическое значение для Московского государства, поэтому неоднократно подвергался нападениям как польских захватчиков, так и татарских орд. Только лишь в конце XVII в. курская крепость постепенно начинает утрачивать свое значение как опорного пункта на границах государства и приходит в запустение, но сам город не теряет своего экономического значения как ключевой точки на дороге, соединяющей Москву с Киевом и слободско-украинскими землями.

Однако на протяжении всего XVII столетия курская крепость была важнейшим военным и экономическим южнорусским центром. Из-за того, что крепость была деревянной, она нуждалась в постоянном ремонте. Именно в связи с этим обстоятельством и были созданы публикуемые в

настоящей подборке документы: это сметная книга города Курска 1689 г. и строельная книга города Курска 1685 г.

Данные документы имеют важнейшее историческое значение: они помогают нам представить, как выглядела курская крепость, какую она имела площадь, конфигурацию, каковы были особенности ее строительства и оснащения. Помимо этого в публикуемых документах отражена информация о городском населении, особенностях водоснабжения и функционирования крепости в случае осады.

Всего публикуется два документа, подлинники которых находятся на хранении в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в фонде Разрядного приказа. Подлинники представляют собой сборные книги, содержащие несколько подлинных документов. Документы публикуются частично с цифровых копий имеющегося в РГАДА фонда пользования.

При публикации документов были сохранены лексика, пунктуация и стилистические особенности текстов. Недостающие элементы текста восстановлены в квадратных скобках.

Каждый документ имеет редакционный заголовок, сопровождается контрольно-справочным аппаратом – легендой, содержащей сведения о его местонахождении и поисковых данных (название архива, номера фонда, описи, дела, листа).

Все, представленные в подборке документы, публикуются впервые.

Сметная книга г. Курска [7]197 (1689) года

Лета 7197 (1689) году сентября в 1 день по указу великих Государей Царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие Государини благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны всея великия и малыя и белыя России, самодержец при думном дворянине и воеводе при Аврааме Ивановиче Хитрово¹, да при дьяке при Илье Колпакове² учинены сметные книги Курску города что каких крепостей и великих государей денежные казны и хлебных запасов и соли и что какого осадного полкового наряду и всяких пушечных сколько припасов и подъемных лошадей и волов и что какова строенья и полковников и начальных людей 32лавней и иноземцов и стряпчих и

¹ Хитрово Авраам Иванович, думный дворянин. В 1682 г. назначен в Расправную палату. Полковой и осадный воевода Переяславля в 1684 г. В 1688–1689 гг. воевода в Курске. Участник Крымского похода 1689 г., после окончания которого переведен из Курска воеводой в Нежин. В 1693 г. направлен из Сысского приказа для сыска разбойных дел в Кашин и Бежецкий верх. Умер в 1698 г. [9, с. 327–328; 6, с. 75].

² Колпаков Илья Данилович, дьяк, служил в Киеве в 1678–1679 гг. при воеводах М. А. Голицыне и Ф. М. Коркодинове, в Белгороде 1689–1697 гг. при воеводе Б. П. Шереметеве. Дьяк Судного приказа с 7 сентября 1691 г. С 8 января 1698 г. – дьяк Ямского приказа. Умер в 1701 г. [4, с. 197, 241; 1, с. 30, 123].

дворян московских и жильцов и полковые и отставные и городовые службы дворян и детей боярских и подъячих.

Город Курск построен во [7]105¹ году, треугольной, промеж рек Тускори и Кура, на горе. З дву сторон реки, а с третей, московской стороны, учинен ров и в том на прежнем месте по осыпи построен город вновь дубовой во [7]185² году а понем:

Башня Пятницкая с проезжими вороты от московские дороги рублена в шесть стен. В стене по два сажени с полусаженю. В ней три моста. От осыпи вверх да обламов³ четыре сажени, в роскате⁴ меж углов два сажени и три четверти сажени, стена верх роскату до шетра полтора сажени, на шетре кровля тес дубовой, на шетре клетка с окны в шесть стен, стена трех четвертей, верх от шетра клетка да шетра ж один сажень с четвертью сажени, крыта тесом. В той башни ворота косые, к той башни от по[до]швы изо рву осыпь вверх тринацати сажень с полусаженю.

В тое башни в нижнем бою пищаль, медная мерою 4-х аршин с вершком, московского литья. А в прежних городских сметных книгах, написано весу в ней 49 пуд. На ней подпись «Божию молитвою повелением Государя царя и великого князя Михайла Федоровича всея Руси», вылита ся пищаль лета 7130 году, мастер Григорий Наумов⁵. На ней уши⁶ витые, личины змеиные, травчетые, на переди ушей и у дула и у

¹ Согласно данным Разрядной книги курская крепость была возобновлена в 7104 г. (1596): «[Лета 7104] государь царь и великий князь Фёдор Иванович всеа Руси указал поставить на поле новых три города: на Донце на Северском на Белогородье город да на Осколе усть Оскольца другой город, да на Семи на старом на Курском городище третей город [...] На Семь на Курское городище посланы города ставить воевода Иван Полев да голова Нелюб Огарев, да подъячей Яков Окатьев. И по государеву [...] указу те воеводы и головы поставили на поле три города [...] тое же осени» [8, с. 500–501].

² В данном случае под выражением «построен город» имеется в виду возведение новых укреплений взамен пришедших в негодность. Строительство, вероятно, было предпринято в связи с началом русско-турецкой войны и осуществлялось в том числе силами полков, находившихся в тот момент в Курске. Патрик Гордон сообщает, что 20 июня 1677 г. он прибыл в Курск во главе полка из 916 человек, а одновременно сюда пришли «генерал-майор Аггей Алекс[еевич] Шепелев со своим полком – 2000 человек, Семён Фёд[орович] Грибоедов с приказом – около 600, а также из белгородских войск полковники Драммонд, Кро, Скаржинский и Грант со своими полками» [3, с. 11–12]. Помимо обновления деревянных стен и башен, тогда же были возведены земляные рavelины перед Никитской и Пятницкой башнями.

³ Облам – защитное приспособление в деревянном крепостном зодчестве. Он представляет собой как бы второй, небольшой высоты, сруб, поддерживаемый консольными выпусками последних венцов основного сруба башни.

⁴ Роскат (раскат) – артиллерийская башня из забутованных землёй срубов. Здесь имеется в виду размер внутренней части башни по линии между противоположными углами.

⁵ Наумов Григорий – московский пушечный и колокольный мастер, работавший в 1618–1650 гг. Отлитые им орудия входили в состав наряда Москвы, Киева и Пскова.

⁶ Уши, личина, травы, репей и т. п. – элементы декора.

казны¹ травы. Под теми травами комфарено², назади репей травчетой, а про меж дула и казны обручи литые, гладкие. К ней по кружалу 100 ядер весом по 6 гривенок ядро.

В тое же башни у нижнего бою дробовик медной, мерою аршина шести вершков, московского литья, весу в нем пол 7 пуда, клейма и подписки нет. У казны и выше казны и на дуле обручи литые, гладкие. К нему пуд железного дробу вобоих пищалех станки ветхи и кованы железом, а колеса ветхи не кованы.

На тое же Пятницкой, проезжей башни колокол вестовой. Весу в нем 28 пуд. Прислан с Москвы во [7]187 году.

От тое пр[о]езжей башни через ров мост, по мере семнатцать сажень, поперег дву сажень. От того мосту вывод земляной³, по мере вкруг тринадцати сажень, в по[до]шве дву сажень с аршином, вверх от по[до]швы трех сажень. В том же выводе ворота дву сажень, пушечной бой в ширину сажени с четвертью, две лесницы. На том же выводе обломов и катков⁴ на шести саженьях нет. И с тово выводу мост через заровной бой⁵, по мере в длину четырех сажень, поперег дву сажень. От того выводу направо к реке Тускори сто шестьдесят четыре сажени, налево к Никитцкой башни до земляного выводу сто семдесят сажень.

От тое проезжей башни к реке Тускори по осыпи острогу да выводу одинатцать сажень, острог вверх от по[до]швы дву сажень. И к тому острогу от по[до]швы изо рву осыпь четырнатцать сажень без четверти.

Вывод по осыпи на дву саженьях, поперег в дву стенах по одному сажению. В том выводе кроватей⁶ нет.

В том выводе пищаль медная мерою 2 аршин полутора вершка, московского литья, а в прежних годовых сметных книгах весу в ней 14 пуд, клейма и подписи нет, уши литые, на них личины змеиные, у дула и у казны и выше казны обручи гладкие. Позади казны репей вихорчетой. К ней 100 ядер весом по 2 гривенки⁷ без четверти ядро, на станку станок окован железам.

От того выводу до другога выводу по осыпи острогу на дватцати на семи саженьях с полусаженем. В том числе на десяти саженьях котков и

¹ Казна (казенник) — задняя (казенная) часть ствола.

² Канфарение — процесс украшения поверхности предмета из металла мелкими точками, линиями, штрихами, равномерно их располагая, с помощью специальных пуансонов или чеканов. С помощью этой техники предмету придается изящество.

³ Вывод (отвод) — выступ для стрельбы. Здесь имеется в виду рavelин, о строительстве которого упоминается в дневниках П. Гордона: «27 [июня 1677 г.]. Я начал сооружать рavelин перед воротами замка» [3, с. 12].

⁴ Каток — длинное толстое бревно, сбрасываемое со стены укрепления в момент штурма.

⁵ Заровный бой — видимо имеется в виду рavelин — вспомогательное фортификационное сооружение, которое помещалось перед крепостным рвом.

⁶ Кровати — внутренние помосты вдоль крепостных стен для стрелков верхнего боя.

⁷ Гривенка — мера веса, равнявшаяся в XVI–XVII вв. 96 золотникам (около 409 гр.).

обламов и кроватей нет. Изю рву от по[до]швы вверх да выводу четырнатцать сажень.

Вывод по осыпи на трех саженьях, поперег осыпи в дву стенах по одному сажению, острог от осыпи вверх дву сажень, с кровати и с обламы и с котки. С приступные стороны к тому выводу изю рву вверх осыпь тритцать сажень.

Да от того выводу да на угольные глухие башни, что словеть Красная, по осыпи на тритцати на одном сажени острог, да осыпи дву сажень, с кровати с обламы и с котки. С приступной стороны да того острогу от по[до]швы изю рву вверх осыпь четырнатцать сажень.

Башня наугольная, что словеть Красная, глухая, шатровая, рублена в шесть стен по два сажени. В ней три моста. От осыпи вверх до обламов четыре сажени, обламы вверх мосту меж углов в роскате дву сажень с четвертью, стена сверх обламов до шатра сажень с четвертью. На шетре кровля тес дубовой, клетка с окны, шесть стен, стена по одному сажени без четверти. Вверх от шетра клетка, от шатра ж полутра сажени, крыта тесом. К той башни от по[до]швы изю рву вверх осыпь, гора крута урывом, одинатцати сажень. От реки Тускори вверх дотое ж башни осыпь гора крута тритцать пять сажень.

В той башни

Пищаль скорострельная, железная мерою полпята аршина з двумя вершки, московского литья, весу в ней 10 пуд. К ней 20 ядер весом по 3 гривенки ядро, станок окован железом.

От тое наугольной башни в низ реки Тускори, по осыпи да выводу на двадцати саженьях острог. От осыпи вверх дву сажень, с обламы и с котки, кроватей нет. От реки Тускори вверх да того острогу гора крута урывом дватцати шести сажень.

Вывод в длину по осыпи дву сажень без четверти, поперег осыпи з дву сторон по одному сажению. Острог от осыпи вверх дву сажень с обламы и кровати и котки.

От того выводу до Веселые башни, что с проезжими ворота, по осыпи тритцати сажень. Острог от осыпи вверх дву сажень с обламы и с кровати и с котки.

Башня Веселая с проезжими ворота, шетровая в четыре стены, дву сажень с полусаженью. Стена вверх от осыпи да обламов три сажени, обламы в длину трех сажень, вверх до шетра сажень с четвертью. На шетре кровля тес дубовой. У той башни к реке Тускори ворота премые, проезд в ширину полутора сажени. От реки от Тускори гора урывом дватцать пять сажень. От той проезжие башни да выводу на дватцати на одном сажени с полусаженем, в том числе на осмии саженьях кроватей нет. Острог от осыпи вверх двусажень без четверти, с кровати и с обламы и с котки. От реки Тускори да того острогу вверх гора крута дватцать пять сажень.

Вывод в длину по осыпи на трех саженьях, поперег осыпи з дву сторон по одному сажению. Острог от осыпи вверх дву сажень.

От того выводу до глухие башни на дватцати на девяти саженьх острог, от осыпи вверх да обламов дву сажень.

Башня глухая Тускарная, шетровая в четыре стены дву сажень с полусажанью, стена от осыпи вверх да обламов три сажени, обламы в длину в роскате трех сажень без четверти, вверх до шетра один сажень с четвертью, на шетре кровля тес дубовый. От реки от Тускори да тое башни гора урывом дватцать пять сажень, от тое башни да выводу по осыпи на дватцати на пяти саженьх от осыпи вверх дву сажень, с обламы и с котки, кроватей нет.

Вывод на дву саженьх, поперег з дву строн по одному сажению да того выводу вверх дву сажень, с обламы и с котки кроватей нет.

Вывод на дву саженьх, поперег з дву сторон по одному сажению, да того выводу вверх от реки Тускори гора крута дватцати пяти сажень.

От того выводу до башни что с проезжими ворота словеть Виденеева, на сороке на семи саженьх с полусажанью, в том числе на тритцати на семи саженьх кроватей и обламов и котков нет. Острог от осыпи вверх обламов дву сажень с кровати с обламы и с котки, да того острогу гора крута девятнатцати сажень.

Башня с проезжими ворота что слывет Виденеева, в четыре стены, шетровая, полутрети сажени. Стены от осыпи вверх да обламов три сажени, а обламы в длину с трех сажень, вверх да шетра один сажень с четвертью, на шетре кровля тес дубовой. У той башни к реке Тускори проезжие ворота прямые, проезд в ширину полутора сажени. От реки Тускори да тое башни гора крута урывом осминатцами сажень. От проезжей башни да выводу на пятнатцати саженьх острог по осыпи вверх дву сажень, с кровати и с обламы и с котки. Вверх гора крута семнатцати сажень, в том числе на трех саженьх кроватей и котков и обламов нет.

В той башни

Пищаль железная мерою 2-х аршин тульского литья весу в ней 23 пуда три четверти, на ней у дула ниже и выше ушей и казны обручи литые, гладкие. К ней 140 ядер весом по три гривенки ядро, на станку станок окован железом.

Вывод в длину по осыпи на дву саженьх, поперег осыпи в дву стенах по одному сажению, острог по осыпи два сажени, с обламы и с котки и с кровати, да того выводу от реки от Тускари гора крута пятнатцать сажень.

От того выводу по осыпи до глухой наугольной Меловой башни на сороке на дву саженьх острог от осыпи вверх дву сажень, с кровати и обламы и с котки, да того острогу от реки Тускори вверх гора крута осминатцать сажень.

Башня глухая наугольная Меловая, поставлена на осыпи на усть речки Кура, рублена в шесть стен, стена по полтретья сажени, в ней три моста. От осыпи вверх до обламов трех сажень с четвертью, обламы вверх меж мосту меж углов в роскате четыре сажени стена, кровля тес дубовой,

на шетре клетка с окны, стена по одному сажени, вверх от шетра клетка, от шетра ж адин сажень с четвертью сажени, крыта тесом.

От тое башни по осыпи да выводу на десяти саженьях с полусаженью острог, от осыпи вверх да обламов дву сажень, с кровати и с обламы и с котки. От речки от Кура вверх да острогу гора крута девяти сажень.

Вывод по осыпи в длину на трех саженьях, поперег осыпи по одному сажению стена, острог от осыпи вверх дву сажень, с кровати с обламы и с котки. От речки от Кура гора крута вверх да выводу девять сажень.

От того выводу на четырнатцати саженьях острог, по осыпи вверх дву сажень, и с кровати и с обламы и с котки. От речки Кура вверх до того острогу гора крута девяти сажень.

Вывод по осыпи в длину на дву саженьях, поперег осыпи з дву стен по одному сажению, острог от осыпи вверх дву сажень, с кровати и с обламы и с котки.

От того выводу по осыпи острог на семдесят на одном сажени, острог по осыпи вверх дву сажень, с кровати и с обламы и с котки. Изю рву от по[до]швы да того острогу осыпь семнатцать сажень, в том числе на дватцати на девяти саженьях кроватей и котков и обламов нет.

Вывод от воевоцкого двора первой по осыпи в длину сажени, поперег осыпи полусажени, острог от осыпи дву сажень, кроватей и обламов и котков нет.

В том выводе

Пищаль железная мерою полутретья аршина 5 вершков, тульского литья. Весу в ней 41 пуд, у казны и ниже и выше ушей и у дула обручи литые, гладкие. К ней 180 ядер весом по 4 гривенки ядро, на станку станок ветх, окован железом.

А от того выводу да выводу ж по осыпи на тритцати на шести саженьях с полусаженю острог, с кровати и с обламы и с котки, в том числе на шестнатцати саженьях кроватей и обламов и котков нет. А с приступные стороны от по[до]швы изю рву вверх гора крута да того острогу пятнатцать сажень.

Вывод по осыпи в длину на трех саженьях, поперег осыпи две стены по одному сажению.

От того вводу до Никицкие башни, что с пр[о]езжими ворота по осыпи на девяти саженьях с полусаженю острог, с кровати и с обламы и с котки. С приступные стороны от по[до]швы изю рву вверх да острогу четырнатцать сажень.

Башня Никицкая с проезжими ворота, рублена в шесть стен, стена по два сажени с полусаженем, в ней три моста, от осыпи вверх да обламов четыре сажени три четверти, от обламов вверх мосту меж углов в роскате два сажени по три четверти, стена вверх обламов да шетра один сажень, на шатре кровля тес дубовой, на шетре клетка с окны, стена по одному сажению, вверх от шетра клетка до шетра ж три четверти сажени, крыта тесом. В той башни ворота косые, в стене меж створов два сажени две

четверти. К той башни с приступные стороны от по[до]швы изо рву вверх четырнатцать сажень.

В той башни

Была пищаль медная, мерою 4-х аршин, московского литья, по весу в ней 52 пуда с четвертью, подпись на ней «Божею милостию повелением великого Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси». Литая ся пищаль лета 7138 году, мастер Алексей Якимов, Под подписью камфарена, на ней уши, личины змеиные, у казны и по выше письма и выше ушей и у дула обручи гладкие, назади репей. К ней 170 ядер, весом по 5 гривенок ядро. В прошлом во [7]195 году по отписки боярина и воеводы князя Михаила Андреевича Голицына¹, та пищаль взята в Белгород и оставлена в Обоянском.

В той же башни

Пищаль железная мерою 4-х аршин, тульского литья, весу в ней 49 пуд с четвертью. На ней в четырех местех обручи гладкие. К ней 150 ядер весом по 4 гривенки ядро, в обоих станки окованы железом.

От тое проезжей башни через ров мост дубовой, по мере в длину десяти сажень с полусаженью, в ширину дву сажень. От того мосту вывод земляной по мере вокруг семнатцати сажень, в по[до]шве дву сажень с аршином, вверх полтретя сажени, кроватей и обломов и котков нет. В том же выводе ворота дву сажень без четверти, пушечной бой в ширину сажени, лесницы на том выводе, ис того выводу через заровой бой мост четырех сажени, а от того выводу на лево к речке к Куру заровного бою девяноста сажень. А от тое Никицкие башни по осыпи острог да выводу на дватцати на пяти сажнях с полусаженью. Острог от осыпи вверх да обломов два сажени, с обламы и с кровати и с котки. К тому острогу с приступные стороны от по[до]швы изо рву вверх гора крута тритцати сажень. В том выводе кроватей нет.

Вывод по осыпи в длину на трех сажнях, поперег осыпи две стены по одному сажению.

В том выводе

Пищаль железная мерою 2 аршин, тульского литья, весу в ней 23 пуда, на ней в четырех местех обручи литые, глаткие, на станку станок окован железом. К ней 152 ядра, весом по 3 гривенки ядро. От того выводу до другова выводу по осыпи в длину на шестидесяти сажень с полусаженем острог, от осыпи вверх да обломов дву сажень, с кровати и с обламы и с катки. От по[до]швы изо рву вверх да острогу шестнатцать сажень.

Вывод по осыпи в длину на трех сажнях, поперег осыпи две стены по одному сажению, в том выводе кроватей нет.

¹ Голицын Михаил Андреевич – князь, боярин. Курский воевода в 1685–1687 гг. 30 января 1685 г. поставлен во главе Белгородского разряда с тем, чтобы «ведать Севского и Белгородского полков городы и в них воевод и ратных людей». В связи с этим, вероятно, и было произведено перемещение им курской артиллерии [6, с. 73–74].

В том выводе

Пищаль железная, мерою 3 аршина тульского литья, весу в ней 49 пуд 2 четверти. На ней у казны и выше и ниже ушей обручи литые, гладкие, станок окован железом ветх, на ушах закладки железные, в ней 152 ядра весом по 4 гривенки ядро.

От того выводу к прежней Пятницкой башни на тридцати саженьх острог, от осыпи вверх да обламыв дву сажень, обламы и котки с приступные стороны от по[до]швы изо рву вверх да острогу четырнатцать сажень.

На роскате подле воеводцкого двора пищаль вестовая, железная мерою 4-х аршин тульского литья, весу в ней 80 пуд 2 чети, на ней у казны и ниже и выше обручи литые, гладкие, станок окован железом, к ней 80 ядер весом по 8 гривенок ядро.

Положена подле зеле[й]ного погреба не на станку.

Пищаль полковая, железная, урывок, мерою 2 аршин 7 вершков, тульского литья, а что у ней по весу того неведомо, на ней у казны и выше ушей обручи литые, к ней 200 ядер свинцовых весом по гривенки с четвертью ядро.

В городе

Тайник к реке Тускори на дватцати на дву саженьх, в ширину дву сажень без 39лавнейшее³⁹, построен во [7]194 году, стены и кровля облого¹ дубового лесу, на выходе решетка, засов железной с замком².

Два колодезя построены градскими и уездными людьми во [7]194 году, один у Вединеевых ворот и струб в нем дубового лесу. Другой подле воевоцкого двора на рву и струб в нем облого дубового лесу.

Третий колодезь в Белгородском Знаменском монастыре, построен монастырскими крестьяны.

¹ Облый лес – округлый (кругляк)

² На листах 1–94 этого же дела находится сметная книга г. Курска 7192 (1684/85) года, где описание острога начинается примерно с Пятницкой башни и практически соответствует описанию от 1689 и 1690 гг. В описании города сказано: «В городе рек и прудов и колодезей нет, тайник к реке к Тускори на дватцать на дву саженьх, в ширину дву сажень без полуаршина во многих местех осыплся и довалился и довелось делать вновь.

В Курску ж розрядная изба, построена по рассмотрению боярина и воеводы Алексея Семеновича [Шеина] с товарищи во [7]191 году, мерою стен по семи сажень, крыта тесом дубовым. Житенной двор, огорожен старым острогом, построен во [7]180 году, в нем 12 житниц, крыты тесом».

О наличии в крепости тайника и одного колодца сообщается уже в росписи воеводы Д.И. Плещеева за 7160 (1652) год: «Тайник подведен под острожную стену к реке Тускори от острожной стены до колодезя к реке Тускори двадцать четыре сажени в нем выкопан колодезь поставлен струб дву сажени с локтем вода из него идет в реку Тускарь безпрестани; В старой городской осыпи выкопан колодезь, струб в нем поставлен, до воды девять сажень, воды в нем полусажени» [5, с. 29]. Поэтому в данном документе, скорее всего, речь идет о полной перестройке тайника, пришедшего в аварийное состояние к 1683 г.

Соборная церковь во имя Воскресения Христова, строения и церковная утварь государская.

Монастырь во имя Знамения Пресвятой Богородицы Курские церковь каменная¹, построена во [7]192 году по обещанию монастырскому и всяких чинов людей.

В монастыре построена другая каменная церковь во имя Богоявления Христова во [7]196 году по обещанию монастырскому и всяких чинов людей.

В городе церковь приходская во имя святого Николая Чудотворца.

Розрядная изба построена в [7]191 году, мерою стены по семи сажень крыта тесом дубовым.

Три двора государских, построены градскими и уездными людьми.

В одном, где живут бояре и воеводы, в нем строенья: 4 горницы поземные, белые, а в них печи кафленые. В том числе горница крестовая 3-х сажень, комната получетверта сажени, против той горницы сени.

3 горницы построены в одном месте по мере одна 3-х, другая получетверта третья полутретья сажени.

На верху горница с комнатою, по мере получетверта сажени, да чердак трех сажень, другой чердак дву сажень, 2 горницы по два сажени.

Мыльня² поземная полутретья сажени.

9 изб люцких, круты лубьем³.

Поварня⁴ трех сажень ветха.

Конюшня, рублена в дубовом лесу по мере полосьма сажени, крыта лубом, а в ней 8 стойлов, два чулана.

2 сарая покрыты лубьем, вновь зделаны.

2 погреба дубовых походных, третей с творилом⁵.

Ледник, на нем анбар дубового лесу четырех сажень без чети.

¹ Строительство большого каменного собора во имя Знамения Пресвятой Богородицы, с придельными престолами во имя Алексия человека Божия и Великомученика Димитрия Солунского было начато еще в 1648 г. По челобитью выборных представителей курского дворянства на Земском соборе Гаврилы Малышева и Сергея Колугина на строительство было дано государево жалованье. Посадские люди были назначены попеременно работать в монастыре, а на казенные средства приобретались лес, бут и кирпич. Для строительства храма были использованы кирпич и дикий камень из разобранных древних построек, обнаруженных на городище на р. Рать в 1650 г. Новый собор был имел 82 аршин длины и 16 аршин ширины, стены его снаружи были покрыты белой краской, крыша из сибирского железа была покрашена в зелёный цвет. Храм имел пять глав, причём самую крупную из них венчал медный крест, вызолоченный червонным золотом. На четырехъярусной колокольне было 9 колоколов [10, с. 388–392].

² Мыльня – баня.

³ Луб – подкорье, исподняя кора дерева.

⁴ Поварня – кухня.

⁵ Творило – люк, подъемная дверь.

Два двора где стоят дьяки. Один у Вединеевых ворот, на нем строения две горницы с подклеты¹ повалуша² промеж горниц и повалуши двои сени.

Баня, ледник на нем онбар.

Погреб походной, канюшня сарай плетневый, крыт соломой. Все строенья на том дворе ветхи.

{Другой у житецкого двора: прежних два струба и те струбы выделаны, одна горница на жилом подклете, в ней шесть окошак больших, печь обрещатая, зеленая. В другом струбу изба черная, под нею житница. Да снесено з двора где стаивали дьяки Петр Исаков³, Михайла Жеденов, Илья Колпаков, Василей Степанов⁴ 2 горницы на подклетах, повалуша отрех жилищях, промеж их сени построены вновь.

Да вновь же построена мыльня с передзабором.

Конюшня, сарай, погреб с под погребицею, ворота створчетые.

В городе для осадного времени курчан дворян и детей боярских и всяких чинов людей осадные дворы.

Житейной двор огорожен старым острогом, построен во [7]180 году, в нем восемь житнец да онбар, крыт лубьем.

В прошлом во [7]195 году по указу великих Государей и по отписки и с полку царственные большие печати и государственных великих и посольских дел оберегателя ближнего боярина и дворового воеводы и наместника Новгородцкого князя Василья Васильевича Голицына стоварищи, построен для полковых припасов сарай градскими и уездными людьми, рублено облого разного лесу мерою длиною дватцать, поперек шесть сажень⁵.

¹ Подклет – нижний (обычно нежилой) этаж дома.

² Повалуша – башня в комплексе жилых хором, в которой находилось помещение для пиров и приема гостей. В русском крестьянском быту называли горницу, неотапливаемую спальню, а также холодную кладовую

³ Исаков Петр Меньшой Алексеевич, дьяк Земского приказа (1683–1686 гг.), дьяк Судного Московского приказа (1690–1696, 1701–1702 гг.). Также служил в Севске (1700 г.), Смоленске (1701–1703 г.), Новгороде (1704–1705 гг.), Дерпте (1706–1708 гг.). В Курске в 1709 г. постригся в монахи и умер в 1710 г. [2; 4, с. 64, 197].

⁴ Степанов Василий, дьяк Земского приказа (1693–1697 гг.). Служил в Суздале в 1657 г., в Костроме в 1664–1669 гг. [1, с. 136, 260; 4, с. 64].

⁵ На листах 493–756 этого же дела находится сметная книга г. Курска 7198 (1690) года, в которой описание крепости и города практически слово в слово повторяет сметную книгу 1689 года, за исключением последних нескольких абзацев, выделенных фигурными скобками. Данный раздел там читается следующим образом:

«Другой двор у житницкого двора на нем строения:

Горница передняя: на жилом подклете, в ней 6 окон больших, в том числе 5 окончин (рама. – *Прим. авт.*), печь кафленая, зеленая, лавки с опушкою (отделка тёсом по краям лавки. – *Прим. авт.*), дверь на железных клюках.

Против той горницы середняя горница: на жилом подклете в ней два окошка больших с окончины, печь кафленая, зеленая, лавки с опушкою, дверь на железных крюках. Меж ими сени с передним крыльцом.

[Далее идет описание великих Государей денежные казны]

РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Ед. хр. 126. л. 147–374.

Строельная книга г. Курска [7]193 (1685) года

Лета [7]193 году октября в 20 день по указу Великих Государей царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержцев и по грамоте из розряду, какова прислана в Куреск к боярину и воеводе Алексею Семеновичу Шеину¹ с товарищи, в прошлом во [7]192 году июня в 20 день за приписью дьячка Ивана Ляпунова велено ему боярину и воеводе Курска города, которые места по ево боярина и воеводы рассмотрению довелись починить и вновь зделать и тому Курскому городовому всякому строению как то все строенья в отделки будет учинить строельные книги, и в те строельные

Против той средней горницы горенка ж. В ней 3 окошка с окончины, лавки с опушки, печь кафленая, круглая, зеленая, дверь на железных крюках, против ея сени с крыльцом же.

По боць средней горницы повалуша о трех жилцях. Меж средней горницы и повалуши сени з задним крыльцом. По боць повалуши чулан.

По боць малой горницы изба, черная, под нею житница, мыльня, перед нею сени.

Погреб. На нем оплетено плетнем.

Конюшня плетневая с конскими стойлами.

И в прошлом во [7]197 году марта в 17 день по указу великих Государей и по отписки из большого полку, тот вышеписанной двор отдан для приезду в Куреск преосвященному Авраамию (инок суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, с 1680 г. – игумен тверского Отроча монастыря, с 1681 г. – архимандрит московского Спасо-Андроникова монастыря. В 1684–1702 гг. – митрополит Белгородский и Обоянский. – *Прим. авт.*) митрополиту Белгородцкому и Обоянскому со всем дворовым строением.

Двор Государев же со всяким дворовым строен[и]ем, где живут курских стрельцов ии казаков головы, строенья их же стрельцов и казаком.

В городе для осадного времени курчан дворян и детей боярских и всяких чинов людей осадные дворы.

А на короуле у городских у всех проезжих ворот и в розрядной избе курских стрельцов выдтки (?) [будки? – *Прим. авт.*], с переменою по тритцати человек стоят.

Житейной двор, огорожен старым острогом, построен во [7]180 году, в нем восемь житнец да онбар. Да в новопостроенной Стрелецкой слободе девять житнец, крыты лубьем.

В прошлом во [7]197 году по указу Государя и по отписки из большого полку при думном дворянине и воеводе при Авраме Ивановиче Хитрово построен для полковых припасов сарай вновь грацкими и уездными людьми, рублен облаго лесу, мерою в длину дватцати, поперег шести сажень, крыт лубьем.

Да и во [7]194 году за Виденевыми ворота поставлены два струба погребные, дубовые, облаго лесу, мерою стен по 2 сажени з двумя аршины и с потолоком, один на 10-ти, другой на 11-ти ва... [далее неразборчиво. – *Прим. авт.*].»

¹ Шеин Алексей Семёнович – боярин (с 1682 г.), генералиссимус (с 1696 г.), курский воевода в 1683–1685 гг. Участник Крымских и Азовских походов [6, с. 69–72].

книги велено написать, а именно сколько чего того городского дела починено или что вновь зделано будет порознь, и сколько на то строенья какова лесу и которых городов тех городских и всяких крепостей зделают порознь и у того городского дела те люди с которого числа и по которое число будут и тому городовому делу строельные книги с перечневою выпискою за дьячею приписью велено прислать в розряд.

И потому Великих Государей Царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержцев указу и по приказу боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина стоварищи Курска города, которые места по ево боярина и воеводы рассмотрению довелись починить и вновь зделать велено салдатцкого строю полковнику Самойлу Вестову¹ да ево ж полку полковнику Андрею Калдервуну², до курскому осадному голове Ефрему Звегинцову, Белогородского розряду разных городов городовые службы всяких чинов, а сколько того городского дела починено и что вновь зделано порознь и сколько на то строенья какова лесу и которых городов и каких чинов люди и которого числа и по которое число на той городской работе были и то всих строельных книгах писать ниже сего порознь.

Зделано городского строения:

Против Никицких ворот у мосту земленая выводная башня в четыре стены, от трех углах что была прежняя земленая башня обвалилась, по мере та башня в по[до]шве ширины трех сажень и два аршина, в круг та башня с наружню сторону в по[до]шве дватцати шести сажань и дву аршин, внутри двенатцати сажань и дву аршин в вышину с наружною сторону от реки Кура трех сажень с аршином и з гребнем вверху, перепег под гребнем дву сажень и четверть аршина в вышину гребень и с приступком сажени у той башни у мосту поставлена для короулу изба з байницами. Верх ее выкладен гребень землею в вышину и поперег сажени, в той башни проезжая ворота ширины дву сажань, в вышину сажань с аршином, в той же башни на правой стороне байница пушечная, четыре бойницы пищальных, рублено из дубового лесу в избе и в бойницы семьдесят бревен, от колотой выводной земляной башни ров, ширины полутреть сажени, глубины дву сажень. Меж рву и валу приступок, ширины сажени и четверть аршина, от приступа ров, выкладен дерном, которая сторона башни верх дерну для крепости ослонено дубовыми бревны. Ослон под валом привязан палями дубовыми ж, через ров мост с периллы трех сажань с аршином и на ворота изошло пятьдесят бревен, на ослон что ров ослонен и на пали сто пятьдесят бревен, на мост в той башни и через ров пятьдесят бревен.

¹ Вестхофф Самуэль (Самойло Вестов) – иностранец на русской службе, офицер солдатских полков, полковник. Участник Чигиринских походов.

² Колдервуд Эндрю – шотландский офицер, состоял на русской службе с 1661 г. по приглашению П. Гордона.

Да сделано ж у Никицких ворот из города в большой ров труба где и ... [написано неразборчиво. – *Прим. авт.*] воде что была прежняя труба и розмыта водою, по тою трубою рублена режь в дубовых бревнах закладена с по[до]швы до верху дерном по воловому, да по другую сторону ниже башни да рву, где вода розмыла, выложено дерном же на трубу и на ржу и зашло пятьдесят бревен.

От той Никицкой земляной выводной башни до речки Кура сделан заровной бой и малой вывод, по мере того заровного бою и выводу пятьдесят семь сажань.

В том числе[:]

В середине тот вывод пяти сажень с полусаженем от коло девять сажень, ширины дву сажень, в вышену сажени без 44лавнейшее44, приступак у заровного бою в вышину и в ширину аршина с четвертью.

От той же Никицкой башни до Пятницкой проезжей башни сделано заново ж по бережней осыпи заровного бою сто пятьдесят три сажени.

Да худых мест рву починено и дерном выложено, в длину тринадцать по перег шести сажань.

Против Пятницких ворот у моста построена земляная ж выводная башня, что обвалилась. Старой земляной башни стена идучи в город налевой стороне конец мосту вновь ширины в по[до]шве трех сажень, с наружною стороны длины посема сажени в [написано неразборчиво. – *Прим. авт.*] ото рва дву сажень и три четверти. На угле той стены в вышину от большого городского рва три сажени с четвертью, внутри в вышину до гребня два сажени, поперег под гребнем ширины дву сажань без четверти, в вышину и в ширину гребень с приступком сажени, на гребни девятнадцать байниц пищальных, в той стене в по[до]шве байница пушечная, четыре байницы пищальных рублены из дубового лесу, да к той же пушечной байницы внутри от по[до]швы выложено дерном два приступка в вышину полусажени, в длину дву сажань без четверти. От той стены к Пятницкому мосту привалак в длину дву сажань и шести вершков в вышину с наружную сторону з гребнем сажань с аршином и з двумя вершки внутри в вышину до гребня сажень без четверти, в по[до]шве в ширину полтретя сажани, поперег под гребнем дву сажень, в вышину гребень с приступком сажени без четверти, поперег сажень и четыре вершки. Около той земляной башни с наружные стороны выкопан вновь ров, выложен тот ров обои стороны дерном глубины дву сажань с четвертью, ширины дву ж сажень и три четверти длины, с наружною сторону тритцать семь сажань, другая сторона к валу дватцати девять сажань с четвертью, меж того рва из земляной башни приступак, для крепости выложен дерном, ширины сажени с четвертью и четыре вершка, по правой стороне идучей в город от той башни у Пятницкому мосту привалак выложен дерном в по[до]шве в ширине дву сажань, длины полутора сажань и трех вершков, с наружною сторону вышины сажань с четвертью, внутре вышины до гребня три четверти сажени, вверху ширины

полтора сажени, в вышину гребень с приступом три четверти сажени ширины тож. От той же башни отвалился испод выкладено дерном в длину получетверта сажани и в вышину три четверти сажени, из рва что около земляные башни выведена труба в большой ров где испот [исход. – *Прим. авт.*] воде. Рублена режь из дубового лесу в длину двенатцати сажань. В той же земляной башни зделано три лесницы из дубовых бревен, да от земляного выводного рва зделаны надолобы до валочного рву [до рва около крепостного вала. – *Прим. авт.*] из дубовых бревен в длину три сажени на выводную трубу и на лестницы и на надолобы изошло сорок бревен.

От той Пятницкой проезжей башни к реке Тускори зделано заново ж по прежней осыпи заровного бою сто шесть сажань.

Да малой вывод к реке Тускори конец горы в середине тот вывод шесть сажань с аршином, тот вывод и заровной бой в вышину сажени поперег дву сажень.

Приступак вверх и поперег аршина с четвертью.

Да от реки ж Тускари прибавлено выкопано рву в длину.

Да в Курску ж в деревянном городе по острогу зделано вновь облатов и кроватей на семдесят сажней и катки в тех местах положены вновь же.

Лесу на те обламы и на котки изошло тысяча двести пятьдесят пять бревен дубовых, а именно на то городовое строения бревна с Курска с Обоянска Суджи со всяких чинов людей порозвытке.

А делали то годовое строения из земляной заровной бой и земляные выводные башни городовые службы всяких чинов, люди и салдаты, курчентя, ливенцы, новосильцы, чернявцы, черняне, волновцы, судженцы.

Для той городской работы тех вышеписанных городов и города Курска городовые службы всяких чинов люди и салдаты росписаны были на три трети.

И на той вышеписанной городской работе были апреля з 27 числа [7]192 году сентября по 11 число нынешнего [7]193 году переменяя помечно [помесячно. – *Прим. авт.*].

На городской работе в Курску были:

Курчентя салдаты:

[Часть текста опущена. Далее идет росписной список строителей, который завершается итоговой ведомостью]

Итого на городской работе было[:]

Курчен:

салдат 362 человека

даточных 5 человек

Ливенцов было

детей боярских 217 человек

стрельцов 8 человек

казаков 40 человек
пушкарей 8 человек
По норяду небыло
стрелец 1 человек
казак 1 человек
пушкарей 2 человека

Новосильцев было
детей боярских 76 человек
по норяду небыло
детей боярских 4 человека

Чернавцов было:
детей боярских 307 человек
казаков 108 человек
по норяду небыло
детей боярских 3 человека
казаков 3 человека

Чернян было
детей боярских 20 человек
стрельцов 5 человек
казаков 16 человек
пушкарей 8 человек
по норяду небыло
детей боярских 10 человек

Вольновцов было
детей боярских 33 человека
казаков 37 человек
по норяду небыло
детей боярских 11 человек
казаков 3 человека

Суджанцов было
детей боярских 117 человек
салдат 216 человек
по норяду небыло
детей боярских 26 человек
салдат 12 человек

Всего на городской работе тех вышеписанных городов было всяких
чинов людей 1 583 человека

по норяду не было 76 человек.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Ед. хр.126. Л. 95–146.

Источники и литература

1. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. М., 2010.
2. Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс] // URL: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=8063 (дата обращения: 19.06.2018 г.).
3. Гордон П. Дневник. 1677–1678. М., 2005.
4. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.
5. Позняков Л. Курский острог (крепость) XVII века // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912.
6. Раздорский А.И. Князья, наместники и воеводы Курского края XI–XVIII вв. Курск, 2004.
7. Раздорский А.И. По поводу 1000-летия Белгорода // Отечественная история. 1997. № 5. С. 192–199.
8. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
9. Русский биографический словарь / под ред. А.А. Половцова. СПб., 1901. Т. 21.
10. Танков А.А. Историческая летопись Курского дворянства. Т. I. М., 1912.

И. С. Ефремова

РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРДОВЫХ МАГИСТРАТОВ И СИРОТСКИХ СУДОВ КУРСКОГО НАМЕСТИНИЧЕСТВА)

Издревле крепкая семья считалась оплотом централизованного государства. Казалось бы, самой природой женщине отведена роль хранительницы домашнего очага и незримой спасительницы Отечества. В своих опусах литераторы восхищались внутренней силой крестьянок и непоколебимой стойкостью княгинь [33, с. 34] Непрекращавшиеся феодальные конфликты и нашествия степняков демонстрировали небывалую доблесть, проявляемую горожанками при защите осажденных крепостей [29, с. 12–62]. XVIII в. стал феноменом отечественной истории: более семидесяти лет страной управляли женщины. Как повлияло разрушение патриархальных стереотипов на развитие гендерного законодательства, рассмотрим на примере курских мещанок. Источниковой базой настоящей работы послужили материалы городских судов Курского наместничества, фонды которых состоят на хранении в Государственном архиве Курской области (далее – ГАКО). Также анализу

подверглись некоторые акты центрального законодательства. Методика исследования основана на оценке текста законов и результатов их апробации судебными инстанциями.

Российское гендерное законодательство зародилось в период раннего феодализма, и подчеркивало ограниченную дееспособность женщин в юридических вопросах. «Русская правда» не рассматривала их в качестве полноправного субъекта правоотношений. Официальным представителем супруги выступал муж, а за убийство «женки» уплачивалась половина виры [32, с. 132–133]. При этом сравнение «Пространной правды» начала XII в. с ранней редакцией первой половины XI в. демонстрирует постепенное расширение их юридических прав. В статьях 90–95 за женщинами закреплялся «выдел» из отцовского и мужнего имущества, а также возможность наследования семейного капитала за отсутствием сыновей [32, с. 132; 31, с. 77–80]. Позднее эти преференции подтверждались «Судебником» 1497 г. [34, с. 355].

Однако до 1-й пол. XVI в. внутрисемейные конфликты оставались прерогативой церковного права [30, с. 9; 41, с. 56]. Лишь с изданием «Домостроя» духовные постулаты о брачных и кровнородственных отношениях срачивались со светскими законами [26, с. 89, 97]. В «Соборном уложении» 1649 г. отчетливо прослеживалась гендерная специфика при рассмотрении гражданских, вотчинных и уголовных правонарушений. Оставаясь юридически ущемленными, женщины перестали быть безмолвными [38, с. 20–21, 23, 25]. В 1679 г. вышли законы, отстаивавшие их имущественные интересы. Акты от 21 февраля и 19 июля провозглашали приданое неприкосновенной собственностью супруги, запретив мужьям самовольные манипуляции [1, с. 199; 11, с. 206]. В 1716 г. обязательный «супружеский выдел» составлял четверть имущества покойного. При этом права вдов на раздел оставшегося капитала не ограничивались [27, с. 459]. Феномен женского царствования демократизировал гендерную политику. В 1767 г. жены каторжников получили право на развод, а в 1770-е гг. девиц защитили от неравных и кровосмесительных браков [37, с. 170–171; 35, с. 1063–1064; 36, с. 863–863].

В воспитании подрастающего поколения особую роль играл семейный микроклимат. В вопросах нравственности мужчина и женщина занимали разные позиции в глазах общественности. Так, взгляды на супружескую измену существенно разнились в зависимости от пола прелюбодея. С раннего возраста девочкам внушалось, что бесчестье позорит семью, а выйти замуж «беспорочной» является «великим делом» [26, с. 99]. К проявлениям мужской распущенности относились более благосклонно. Добрачные связи, как правило, не осуждались, а за нарушение венчального обета грозила порка [38, с. 156]. Это наказание распространялось и на церковников. В феврале 1785 г. бывший священник г. Яблонова Милский пожаловался в корочанскую ратушу на

несправедливое обвинение мещанина А. Зайцова «...якобы в блуде духовника с женой однодворца Морозова» [19, л. 39]. Для разбирательства из обоянского магистрата командировался ратман Г. Такорев, уличивший Зайцова в клевете. Наказанием для лжеца стала публичная порка [19, л. 30].

Особое порицание вызывало рождение внебрачных наследников. Помимо морального аспекта, оно имело юридическую подоплеку. Во избежание излишнего расщепления капитала статьей 280 главы X «Уложения» дети, рожденные вне брака, лишались наследственных прав [38, с. 41]. Однако не все мирились с подобным ущемлением. В феврале 1781 г. в Курский совестный суд обратился отставной капрал И. Ф. Щетинин с жалобой на путивльскую мещанку И. В. Воропонову, самолично присвоившую имущество его умершего отца. В суде ответчица заявила, что таким образом защищала права своего годовалого сына, прижитого от связей с покойным. В итоге, действия Воропоновой были признаны незаконными [15, л. 3]. Материнство вне брака и в материальном, и в психологическом отношении являлось тяжким бременем, и чем статусней была прелюбодейка, тем сильнее ее осуждали. При этом за попытку избавиться от плода карали еще сильнее: если измена грозила поркой, то аборт смертью [38, с. 156].

Провозглашенная церковью существом порочным, женщина требовала постоянного контроля сначала со стороны отца, затем супруга. Благочестивое воспитание жен и дочерей являлось основной обязанностью мужчины, не гнушавшегося рукоприкладством. Более того, подобные методы одобряла церковь, а гражданские суды не расценивали как повод для иска [26, с. 99, 108]. Так, в феврале 1781 г. в курский магистрат поступило прошение от присяжного палаты уголовного суда И. Иванова, желавшего сыскать его сбежавшую жену. По свидетельству хозяина постоянного двора Г. Пуховлитинова, у которого временно остановились супруги, истец неоднократно избивал спутницу, что и послужило причиной ее бегства [4, л. 514]. Однако суд проигнорировал факт побоев, возвратив ответчицу в семью. Выбор наказания отдавался на усмотрение приходского священника [4, л. 519].

В то же время, если на членовредительство решалась супруга, это рассматривалось как веский повод для возбуждения дела. Если подобное посягательство приводило к смерти, то виновницу казнили. Единственным спасением было поручительство детей или ближайших родственников. В таких обстоятельствах быстрая казнь заменялась «...держанием в земле, ... пока та не умрет» [38, с. 155]. В случае беременности ответчицы наказание откладывалось до родов, а весь период вынашивания она содержалась в тюрьме под присмотром пристава [38, с. 155]. При этом за бесчестье, причиненное супруге, или избиение, повлекшее выкидыш, мужа в худшем случае пороли батогами, а при отсутствии злого умысла и вовсе оправдывали [38, с. 155]. Если девица вела «...непотребное, неистовое и

соблазнительное житие...» [10, л. 1 об.], а сдать ее на поруки было некому, виновницу отправляли в смиренный дом «...на время или на житье вечное...» [10, л. 1 об.].

Судебная реформа 1775 г., сохранив в качестве основного источника права «Уложение», демократизировала процедуру судопроизводства. В соответствии с «Учреждениями для управления губерний...» тяжбы, касаемые взаимоотношений между родственниками, из области церковного права переходили в гражданское. За разрешение подобных споров отвечал совестный суд, который с позиции гуманности максимально смягчал судебное решение [40, с. 278–279]. Так, благодаря этой инстанции в марте 1780 г. смертельный приговор в отношении мещанки Пересветовой, обвиняемой в отравлении супруга, заменялся поркой и епитимьей [6, л. 512]. Несколько дел, касаемых незаконного соблазнения девиц, также передавались в совестный суд. В составе ф. 123 «Курский совестный суд» этих документов не сохранилось, однако соответствующие записи имеются в журналах заседаний курского магистрата [12, л. 78]. 14 марта 1796 г. поступила жалоба от вдовы рыльского купца Е. Иевлевой на фатежского коммерсанта Ф. С. Басова, который в период замещения должности соляного сидельца снимал у нее комнату. Вскоре купчиха стала примечать, что по вечерам торговец угощает ее дочь Марфу «неким напитком, после которого та ходит, как во хмелю» [4, л. 66]. Через полгода Басов был переведен в Тим, а младшая Иевлева «...под Покров неожиданно родила» [4, л. 66 об.]. Поверив увещеваниям дочери, что «телесного сношения» она с купцом не имела, Екатерина обвинила его в колдовстве. Однако совместными усилиями совестного и магистратского судов удалось выяснить, что употребляла Марфа обычную водку, а на блуд пошла в надежде «...вступить в законное супружество» [4, л. 66 об.]. В связи с этим Басова было велено «...сыскать и заставить жениться» [4, л. 67]. Женитьба на Иевлевой была вынужденной мерой, освобождавшей купца от телесного наказания [38, с. 154].

Городская среда, более благоприятная для культивирования просвещенного начала, стремительно искореняла штампы в отношении женщин, что незамедлительно сказывалось на судебной практике. «Уложение» 1649 г. во многом ограничивало судебную инициативу мещанок. Если родители могли пожаловаться на неблагочестивое отношение отроков, то жена правом обвинить супруга не обладала [38, с. 44]. Во многом ущемлялись и их наследственные права. Совершеннолетние мужчины беспрепятственно получали отцовское имущество, а девушкам вплоть до замужества требовался опекун [38, с. 84]. При этом дееспособными они становились тремя годами раньше – в 17 лет [2, с. 544]. Обладая правом собственности на отцовское приданное, женщина не могла им распоряжаться. Ревизские сказки и коммерческие сводки составлялись мужьями, а после их смерти вдову старались отдать на поруки [2, с. 540–546].

После судебной реформы 1775 г. эти запреты постепенно ослабевали. Почти треть исков, поступивших в Курский городской магистрат за 1780–1782 гг., принадлежала женщинам. В традициях «Судебника» 1497 г. закон разрешал истицам пользоваться услугами «наймитов» [34, с. 354]. Как показывает практика, масштабы такого представительства регулировались самой заявительницей. Так, в июне 1781 г. вместо вдовы купца 2 гильдии Т. Н. Лоскутовой на заседания суда ходил секретарь И. Долголев [5, л. 9]. При этом копию судебного решения истица приняла самостоятельно и под всеми документами ставила свою подпись [5, л. 10 об.]. Из журнальной выписки следовало, что тяжесть наказания была определена по статусу супруга, а значит – Лоскутова унаследовала гильдейские привилегии [5, л. 11]. Указанное обстоятельство доказывало, что после 1775 г. вдовствующие горожанки являлись полноценными участниками правовых отношений, самостоятельно принимая решения о назначении судебного представительства и коммерческого опекуна. Только в ситуациях явной недееспособности о попечительстве просил священник или ближайшие родственники [40, с. 247].

Согласно судебной практике, чаще всего вдовы жаловались на мужних кредиторов или просили разобраться за побои и оскорбления. В первом случае дело решалось в соответствии с «Вексельным уставом» 1729 г., предусматривавшим погашение долга за счет наследства [39]. Так, М. И. Голиковой в угоду векселедателей пришлось распрощаться с торговыми лавками и половиной имения, оставшись без средств к существованию [9, л. 25]. Во второй ситуации осуществлялась стандартная процедура. Например, 22 июня 1781 г. купеческая вдова Лоскутова обвинила курского купца В. И. Семенова в публичном оскорблении [5, л. 1]. Поскольку ответчику не удалось собрать необходимое количество подписей о своей благопристойности, он был заключен под стражу и приговорен к штрафу [5, л. 10 об.].

Российским законодательством женщина-мать наделялась более высоким статусом, чем женщина-жена. В описях магистратов Курского наместничества нет ни одного дела, касаемого недовольства супруги, зато иски против отпрысков встречаются довольно часто. В делопроизводстве подобные тяжбы можно разделить на три категории: 1) прямое оскорбление или посягательство на жизнь и здоровье; 2) растрата семейного капитала; 3) отказ от финансирования. Особенно примечательна последняя группа. Пунктом 5 главы XXII «Уложения» дети, унаследовавшие семейный капитал, обязывались выделять фиксированную сумму на содержание престарелых родителей. За нарушение предписания грозила порка [38, с. 154]. В 1720-е гг. в качестве дополнительной меры пресечения виновных отправляли в смиренные дома. Их целью являлось «ограждение общества от многих продерзостей, добронравие повреждающих,.. для общего благочиния и спокойствия семей... для

людей, которые непотребного и невозможного жития» [10, л. 2]. Как следствие, частыми клиентами оказывались «...сыновья и дочери, кои родителям своим непослушны или пребывают злого жития или ни к чему доброму не способны...» [10, л. 2]. Но боязнь санкций не останавливала нарушителей. 1 мая 1789 г. в обоянский магистрат обратилась купеческая вдова Т. Г. Сотникова с жалобой на сына Михаила, который «...забыв правила Святых Отцов и законные положения...» [7, л. 1] вышел из послушания и заставил «...при старости... лет нуждаться и нести в пропитании и в прочем лишения» [7, л. 1]. В период следствия фигуранты пришли к консенсусу, о чем Сотникова незамедлительно сообщила в магистрат: «...сын мой, вспомня Бога,.. проявил ко мне снисходительное почтение, чем я от него довольна, а потому и претензию свою оставляю» [7, л. 7] Из 1974 ед. хр. ф. 108 таких исков девять, причем пять из них подали горожанки. Прошения отправлялись к городничему через приказ общественного призрения, а затем передавались в магистрат с пометкой «учинить разбирательство и поступить по законам» [7, л. 7].

Нередко родители жаловались на излишнюю беспечность своих чад, угрожавшую состоянию семейного капитала. В марте 1780 г. курская мещанка А. М. Медведева просила об отправке в смиренный дом ее сына, который в уплату карточных долгов роздал большую часть унаследованного имущества [15, л. 3]. Если вдова самостоятельно распоряжалась семейным бизнесом, она могла ограничить коммерческую дееспособность неотделившихся детей, чтобы не нести ответственность за их долги. Для этого было достаточно подать прошение в магистрат. Так, в феврале 1784 г. Прасковья Мальцова требовала оповестить соседние наместничества о неплатежеспособности ее сына Дмитрия [3, л. 34]. Поводом для обращения стали вексельные долги отрока, который обманом закладывал материнское имущество. За финансовой несостоятельностью Дмитрия кредиторы остались неудовлетворенными [3, л. 37]. Наиболее тяжкими считались преступления, подразумевавшие посягательство на жизнь или здоровье родителей. За злословие на отца и мать или причинение им увечий «Уложение» призывало «...бить кнутом нещадно» [38, с. 154], а за убийство карало смертью [38, с. 154]. 28 августа 1781 г. в курский магистрат поступило прошение от купца П. И. Ишунина, требовавшего арестовать его сына Николая, который «...ежедневно обращается в шумстве и пьянстве и в неистовстве и чинит непотребности, противные чести...» [6, л. 714]. Решением суда ответчик приговаривался к порке и 7 дням партикулярных работ. Ответственность за исполнение наказания возлагалась на городничего Балобанова [6, л. 720]. Если же родители умертвили чадо, им полагалось принести прилюдное покаяние и год отсидеть в тюрьме [38, с. 154]. Казнь грозила лишь гулящим женам, умерщвлявшим незаконных детей [38, с. 156].

В 1780-е гг. определяющим фактором дееспособности женщины являлась имущественная состоятельность. Те из горожанок, кто обладал

собственностью или самостоятельно вел торговлю, являлись активными участниками правоотношений. Так, рыльская купчиха Е. Иевлева выступала обвинителем по делу о склонении к блудодеянию ее дочери Екатерины, обоянская мещанка Е. Равенкова обличала атамана из сл. Медвенки И. Еременкова в похищении ее сына, а купеческая жена Е. Пчелина в отсутствии сына распоряжалась лавками умалишенного супруга [4, л. 66; 3, л. 163; 8, л. 672]. Горожанки все чаще отстаивали свои права в суде, выступали в качестве свидетелей и поручителей, а также подавали запросы на выделение площадей под застройку и оборудование торговых мест. По сводным ведомостям Курского наместнического правления за 1782 г. «О разбивке г. Курска на кварталы и отводе мест жителям» земли за р. Куром получили 22 купеческих и 34 мещанских вдовы [17, л. 47–70 об.].

Как показывает практика, после смерти супруга наследство вдовы состояло из двух частей: ее собственной, представленной приданым, и мужней. Духовная грамота затрагивала лишь последнюю. Например, в июне 1792 г. с жалобой на деверя в суд обратилась мещанская вдова Т. А. Захарьина. Причиной иска послужило незаконное завладение ответчиком частью имения в г. Обояни, завещанной ей покойным супругом [25, л. 1]. Оправдание Е. А. Захарьина, что к вдове отошел дом в пригородней слободе Медвяный Колодезь, магистрат отверг, поскольку тот составлял приданое просительницы. В итоге, имущество было поделено на три части между Татьяной, ее семилетним сыном, состоявшим под материнской опекой, и братом покойного [25, л. 36]. В 1780-е гг. мещанки свободно распоряжались причитавшейся им собственностью. Так, в январе 1795 г. вдова С. Л. Кавелина при жизни составила духовную на свой дом во Флоровском приходе г. Курска на имя дочери Натальи и зятя купеческого сына С. Ф. Гнучего. Единственным условием было обеспечить ей достойное содержание, о чем наследники быстро забыли [11, л. 3]. В итоге, истица просила признать духовную недействительной, а дом «...возвратить во владение по-прежнему» [11, л. 11], что и было произведено. Сведения Курского городского магистрата, учиненные по материалам обывательских книг за 1799 г., подтверждали высокий коммерческий потенциал местных купчих. Например, среди торговцев, имевших капитал свыше 16 тыс. руб. и выход на внешний рынок, значилась вдова Матрона Яковлевна Хлапониная. По описи имущества за ней состояло более 13 строений, 10 из которых каменные [13, л. 3 об.].

Но не все женщины обладали коммерческим потенциалом. Замужние горожанки по-прежнему были ограничены в правовой инициативе. Например, о разбирательстве в избиении мещанки М. Л. Ковалевой купцом Такоревым просил ее муж, как и в случае с Ефимией Дурнобраговой, Марфой Мухиной и многими другими [23, л. 1; 24, л. 1]. Больше свободой обладали те, кто превосходил супруга по статусу. В частности, жена курского купца 2 гильдии Варвара Попова по

предъявлении справки о дворянском происхождении лично занималась оформлением купчей на отцовское имение [22, л. 192]. Стоит отметить, что купеческое и мещанское состояние в соответствии с «Городовым положением» 1785 г. передавалось по мужской линии. Даже если супруга наследовала имущество и самостоятельно вела торговлю, в документах она именовалась как «жена купца [ФИО] вдова» [20, л. 6]. В отношении сыновей такая формулировка сохраняла актуальность до объявления собственного капитала [21, л. 8].

Если существовала опасность разорения, пунктом 185 главы X «Уложения» имущество вдов и девиц сдавалось на поруки [38, с. 45]. Институт опекунов начал активно формироваться в 1720-е гг. С 1725 г. назначение опекунов к мещанским вдовам и сиротам изымалось из ведения церкви в пользу магистратов. После 1775 г. осиротевшие горожане отошли на попечение приказов общественного призрения и сиротских судов [40, с. 361]. Последние контролировались губернским магистратом и состояли из гражданского старосты, двух ратманов и градского головы [40, с. 361]. В задачи головы входило председательство на судебных собраниях и сбор сведений о лицах, нуждавшихся в попечительстве [40, с. 361]. Сиротский суд возбуждал дело только по факту иска от частного или должностного лица, либо организации [40, с. 361]. Назначению опекунов предшествовала оценка имущества опекаемого. Для этого местный магистрат рапортовал в наместническое правление, которое высылало оценщиков и ценовщиков, составлявших опись [40, с. 261–296]. Опекуны выбирались двумя способами: или из родственников и лиц, указанных в духовных грамотах, или из числа субъектов, подавших прошения. При назначении суд руководствовался критериями, прописанными в «Учреждениях» [40, с. 261, 362]. Надзирателями определялись люди с высокими моральными качествами, состоятельные и не имевшие долгов [40, с. 261, 362]. Особое внимание уделялось личным отношениям искомателя с умершим мещанином [40, с. 261, 362]. Например, в материалах рыльского суда имелось дело об отказе купцу Л. Сойникову в попечительстве над своей племянницей Александрой ввиду напряженных отношений просителя с отцом сироты [18, л. 78].

Обязанности опекунов были весьма внушительны. На них ложилась ответственность не только за материальное состояние опекаемого, но и заботы о его образовании [40, с. 362]. Когда речь шла о вдове или девице, то попечитель обязывался подобрать ей хорошую партию для замужества [16, л. 9]. Если за покойным числились партикулярные или вексельные долги, их погашение возлагалось на наследников. Как официальный распорядитель имущества опекун рассчитывался с кредиторами, о чем доносил в губернский магистрат [40, с. 362]. Когда опекаемый выходил из-под попечительства, его дело из сиротского суда передавалось в магистрат. В августе 1787 г. при сообщении из Обоянского сиротского суда в городской магистрат поступило разбирательство о вексельных долгах

сирот Зиборовых [16, л. 1]. Поскольку их мать Екатерина повторно вступила в брак, из ведения сиротского суда она исключалась [16, л. 12]. Теперь официальным представителем мещанки в суде и при совершении коммерческих сделок становился действующий супруг Разиньков [16, л. 25]. К слову, в случае смерти родительницы к отчиму отходило только имущество, принадлежавшее покойной, а над долей сирот устанавливалось опекуновство.

По достижении совершеннолетия опека над капиталом прекращалась. Опекун составлял отчет в губернский магистрат и после проверки счетов получал вознаграждение в виде 5 % от стоимости опекаемого состояния [16, л. 25]. В силу скрупулезного контроля, проявлявшегося в периодических ревизиях, растрата сиротского и вдовьего капитала практически исключалась. Помимо магистратов за опекунами надзирала община, напрямую заинтересованная в сохранности капитала. На серьезность подхода указывала и частота судебных сессий, осуществлявшихся ежедневно [40, с. 362]. С обретением имущественной состоятельности опекаемым возвращалась и правосубъективность [16, л. 77].

Таким образом, секуляризация сознания в последней четверти XVIII в. способствовала развитию гендерного законодательства. Зародившись в период раннего феодализма, оно не наделяло женщин юридической самостоятельностью. Получив в собственность часть капитала, незамужняя девица не могла им распоряжаться. До вступления в брак ее средствами руководил опекун, а после венчания – супруг. Более устойчивую позицию занимали вдовы, которые при наличии предпринимательских способностей продолжали семейное дело. После судебной реформы 1775 г. женщины стали более самостоятельными в защите своих интересов. В документах магистратов они фигурировали в качестве истцов и ответчиков, свидетелей и поручителей, должников и векселедателей. Однако границы женской дееспособности зависели от многих обстоятельств: являлась ли она матерью или вдовой, состояла ли в браке, вела ли собственное дело. Робкая демократизация правового пространства облегчила положение женщины, но не покончила с гендерным неравенством. В суде их слово было слабее мужского, а одинаковые проступки вызвали большее порицание. Но, несмотря на трудности, в XVIII в. российская история узнала первых женщин-предпринимателей, ученых и цариц.

Источники и литература

1. Боярский приговор от 21 февраля 1679 г. № 751 «О запрещении мужьям продавать и закладывать своим именем вотчины жен своих без их согласия» // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. II. С. 199.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.

3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 108. Оп. 8. Д. 88.
4. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 90.
5. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 132.
6. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 171.
7. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 274.
8. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 339.
9. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1233.
10. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1337.
11. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1368.
12. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1579.
13. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1864.
14. ГАКО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 95.
15. ГАКО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 214.
16. ГАКО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 27
18. ГАКО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1.
19. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 35,
20. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 54.
21. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 67.
22. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 163.
23. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 365.
24. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 394.
25. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 569.
26. Домострой // Литературные памятники / под ред. В.В. Колесова, В.В. Рождественской. СПб., 1994. С. 271–285.
27. Именной указ от 15 апреля 1716 г. № 3013 «О выделе мужу после умершей жены, а жене после мужа из всего имения четвертой части и о разделе прочих частей» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. V. С. 459.
28. Именной указ, с боярским приговором, от 19 июля 1679 г. № 762 «О неотчуждении продажею и залогом мужьям от своего имени жениных вотчин» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. II. С. 206–207.
29. Пушкарева Н.Л. Женщина в Древней Руси. М., 1989.
30. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX). М., 1997.
31. Русская правда краткой редакции (по Академическому списку) // Памятники русского права. Памятники права Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. I. С. 77–80.
32. Русская правда пространной редакции (по Троицкому I списку) // Памятники русского права. Памятники права Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. I. С. 108–120.
33. Слово о полку Игореве / пер. В.А. Жуковского. М., 1967.
34. Судебник 1497 года // Памятники русского права. Памятники права периода образования централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. Вып. III. С. 342–416.
35. Указ Синода от 17 декабря 1774 г. № 14229 «О невенчании малолетних женихов с возрастными девками» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. XIX. С. 1063–1064.
36. Указ Синода от 31 июля 1779 г. № 14899 «О производстве бракоразводных дел и вступивших в супружество, не достигнув узаконенных лет» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. XX. С. 863–863.

37. Указ Синода от 6 июля 1767 г. № 12934 «О позволении женам, оставшимся после сосланных в вечную ссылку мужей, с разрешения архиереев вступать в новый брак» // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. XVIII. С. 170–171.

38. Уложение от 29 января 1649 г. № 1 // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. I. С. 1–161.

39. Устав вексельный от 10 мая 1729 г. № 5410 // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45 т. Т. VIII. С. 147–198.

40. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. № 14392 // ПСЗРИ. Собрание первое: в 45-ти т. СПб., 1830. Т. XX. С. 229–306.

41. Цатурова М.К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991.

КУРСКАЯ ГУБЕРНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Т. Н. Потаскаева

О СОСТОЯНИИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КУРСКОМ КРАЕ В XIX–XX вв.

До 1918 г. служба судебно-медицинской экспертизы как таковая отсутствовала. Медицинскую экспертизу, при обращении судебного следователя, проводили врачи, которые находились на службе в ведомстве Курской врачебной управы, учрежденной 19 января 1797 г. В ее подчинение были переданы уездные врачи, казенные и вольные аптеки, госпитали.

В функции врачебной управы входило, кроме принятия мер по пресечению болезней, наблюдения за чистотой, то есть санитарией, и устранением вредных для здоровья населения явлений, контроль за соблюдением правил содержания полковых лазаретов и госпиталей, а также освидетельствование трупов и установление причин смерти и др.

С 1817 по 1840 г. в состав врачебной управы входили:

- инспектор;
- акушер;
- письмоводитель;
- 15 уездных врачей;
- ветеринарный врач;
- помощник ветеринарного врача;
- 15 старших лекарских учеников;
- 15 младших лекарских учеников;
- 1 старшая повивальная бабка;
- 15 младших повивальных бабок.

На основании указа, данного Правительствующему Сенату 20 ноября 1864 г. был утвержден Устав уголовного судопроизводства [2, л. 330]. В вышеуказанном документе в главе IV «Об исследовании событий преступления» в отд. I «Осмотр и освидетельствование» имеется пункт 3 «Осмотр и освидетельствование через врачей», где в статьях 336–356 подробно описаны действия следователя и врача. Согласно упомянутым статьям для осмотра и освидетельствования мертвых тел, различного рода повреждений, следов насилия и состояния здоровья потерпевшего от преступления или самого обвиняемого, судебный следователь приглашал судебного врача. Обязанности судебного врача возлагались в уездах на уездного, а в городах – на городского или полицейского врача; «но если, по болезни или другой уважительной причине, они явиться не могут, то, вместо их, следователь приглашает всякого другого военного, гражданского или вольнопрактикующего врача» [9, с. 215, 239].

По указу Александра II от 8 июня 1865 г. врачебная управа была присоединена к губернскому правлению и реорганизована во врачебное отделение. Деятельность врачей врачебного отделения Курского губернского правления в вопросе проведения медицинского освидетельствования не изменилась.

В документах уголовного отделения Курского окружного суда, а также врачебного отделения Курского губернского правления содержатся протоколы судебно-медицинских осмотров. Анализ вышеупомянутых протоколов показывает, что проводились они со строгим соблюдением Устава уголовного судопроизводства. Вследствие отношения судебного следователя, врач (уездный или городской) проводил внешний осмотр, а при необходимости вскрытие, записывая все показатели и результаты в соответствии с установленной формой. В одном из таких протоколов, направленных от судебного следователя Обоянского уезда во врачебное отделение, зафиксировано обследование трупа с целью установления причины смерти: «... При осмотре оказалось следующее: А. Наружный осмотр. 1. Труп находится в сл. Павловке в старой сельской школе на полу. ...3. Осмотр производился 1888 года 29 декабря в 11 часов по распоряжению господина пристава 3-го стана Обоянского уезда [...] В. Внутренний осмотр...» [1, л. 4, 5–5 об.]. Далее следуют пункты протокола, фиксирующие этапы внутреннего осмотра.

С началом нового этапа в истории страны начался новый этап в истории службы медицинской экспертизы. С образованием на основании декрета СНК от 18 июля 1918 г. Курского губернского медико-санитарного отдела, в его состав наряду с другими был включен подотдел судебной экспертизы.

На 1 июля 1920 г. подотдел судебно-медицинской экспертизы состоял из заведующего подотделом В. Г. Голенкина, заведующего химической лабораторией Длусского Алекс. Казимировича, судебно-медицинского эксперта по г. Курску, а также по каждому уезду:

Курск и Курский уезд – Зискинд Давид Иосифович;
Белгородский уезд – Авдеев Филипп Васильевич;
Грайворонский уезд – Яровицкий Леонид Николаевич;
Старооскольский уезд – Захаров Федор Юлианович;
Новооскольский уезд – Белозеров Иван Иванович;
Щигровский уезд – отсутствует;
Тимский уезд – Еськов Владимир Николаевич;
Фатежский уезд – отсутствует;
Дмитриевский уезд – Безуглов Михаил Григорьевич;
Суджанский уезд – Автомонов Тихон Георгиевич;
Львовский уезд – отсутствует;
Рыльский уезд – Ткаченко Иван Онуфриевич;
Путивльский уезд – отсутствует;
Корочанский уезд – Белявский Сигизмунд Арт.;

Обоянский уезд – Дучинский Александр Афанасьевич [3, л. 1].

Из документа следует, что в ряде уездов на 1 июля 1920 г. отсутствовали судебно-медицинские эксперты. Экспертизы в этих уездах проводили по очереди свободные врачи на безвозмездной основе. Экспертам зачастую, кроме своих основных обязанностей, приходилось проводить административную, санитарную и лечебную работу [3, л. 2 об.].

В распоряжении подотдела имелся рабочий кабинет, в котором проводилось освидетельствование. Кабинет не был снабжен принадлежностями для исследований, но имелась лаборатория для проведения химических и микроскопических работ. В связи с недостатком места и оборудования под лабораторию для проведения судебно-химических и фармацевтических анализов была отведена химическая лаборатория и микроскопический кабинет, принадлежавшие провизору Длусскому. Дом располагался по ул. Смирительная, 11, в глубине сада, вдали от построек, что было удобно и соответствовало правилам противопожарной безопасности. В нем под лабораторию было отведено две комнаты. В первой находился рабочий и письменный столы, сложный микроскоп, спектроскоп, фотографические аппараты, краски и реактивы для микроскопических работ, пишущая машинка. Вторая комната была оборудована для проведения химических анализов. В ней находился вытяжной шкаф, 4 рабочих стола, 4 шкафа, этажерки на которых размещались приборы, реактивы, штативы, стеклянная и металлическая посуда, кроме того имелись холодильники, прибор для горячего и холодного фильтрования, умывальник [3, л. 4].

К ноябрю 1920 г. структура губздравотдела состояла из 13 подотделов, в том числе судебно-медицинской экспертизы. Подотдел судебно-медицинской экспертизы проводил анализы вещественных доказательств, трупов и выдавал заключения в суды [4, л. 273].

В октябре 1921 г. было утверждено положение о судебно-медицинских экспертах. Согласно этому положению судебно-медицинский эксперт являлся должностным лицом и должен был иметь звание врача. Находясь на службе в подотделе медицинской экспертизы в губернском отделе здравоохранения, эксперты должны были работать в тесном деловом контакте с уездными, городскими и районными отделами здравоохранения, выполняя все инструкции Наркомздрава [5, л. 260–262].

Согласно отчету о деятельности судебных экспертов за 1922 г. за отсутствием помещения в городе Курске экспертизы проводились в трупном покое Губернской Народной больницы и в частной квартире [5, л. 363 об.].

Одним из тех, кто стоял у истоков службы был заведующий подотделом судебно-медицинской экспертизы Галенкин Владимир Георгиевич. В личном деле указано, что В. Г. Галенкин 1858 г. р. в период с декабря 1919 по 18 октября 1921 г. первоначально был заведующим Курским уездным здравотделом, затем заведующий организационным

подотделом и подотделом судебной медицинской экспертизы в Губздравотделе. Владимир Георгиевич окончил военно-медицинскую академию. Был женат. Имел 4 дочери и 2 сына. Умер 18.10.1921 г. [7, л. 1–9]. На должность был назначен новый заведующий – Лейбович, который и подписал новое положение о судебно-медицинских экспертах.

Курским губернским и Курским уездным судебно-медицинским экспертом с 1920 по 1926 г. работал Зискинд Давид Иосифович. Родился он в 1887 г. в городе Почеп Черниговской губернии в еврейской семье. После окончания 8 классов Орловской гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета. С 1914 по 1918 г. служил врачом в царской армии. После 1918 г. был демобилизован. Работал земским врачом городе Хорол Полтавской губернии, затем в лечебнице города Харькова. В 1919 г. продолжил работать в должности врача в Красной Армии. В 1920 г. поступил на службу в здравотдел губернским и уездным судебно-медицинским экспертом. Читал лекции в акушерском техникуме. Был делегирован на 2-й Всероссийский съезд судебно-медицинских экспертов в Москве [6, л. 1–4].

С ликвидацией губернского отдела здравоохранения, в июле 1928 г. отделы и подотделы перешли в подчинение окружным отделам здравоохранения.

С 1934 г. с образованием Курского областного отдела здравоохранения бюро судебно-медицинской экспертизы вошло в состав последнего, с непосредственным подчинением облздравотделу.

В 1968 г. бюро судебно-медицинской экспертизы располагалось в одноэтажном здании площадью 220 кв. м в пер. Ахтырском, 7. Служебные помещения располагались в 15 кабинетах, в которых размещались кабинет начальника, канцелярия, фотолаборатория, регистратура, 3 кабинета врачей, гистологическая, биологическая, физиотехническая лаборатории. Морг располагался на базе кафедры судебной медицины Курского мединститута. Штат составлял 60 штатных единиц [8, л. 5]. На 1991 г. Бюро судебно-медицинской экспертизы находилось по адресу: г. Курск, ул. Садовая, д. 42-а.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 5869.
2. ГАКО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 6827.
3. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 330.
4. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 46.
5. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 696.
6. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 2-л. Д. 32.
7. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 2-л. Д. 59.
8. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 2468.
9. Полное собрание законов. Собрание второе. Т. XXXIX. Отделение второе. 1864. СПб., 1867.

ИЗ ИСТОРИИ КУРСКОГО ИППОДРОМА

Курский ипподром – считается старейшим в стране. Он был построен еще в 1873 г. одним из первых в российской провинции. За эти годы здесь прошли испытания сотни рысистых и верховых лошадей, выросли замечательные наездники [1, с. 4].

Редкого посетителя ипподрома интересует его прошлое и настоящее, все внимание приковано к беговой дорожке. Даже неискушенный зритель, попавший сюда в первый раз, заряжается общим спортивным азартом, с огромным вниманием следит за борьбой, происходящей на беговой дорожке. Действительно, соревнование рысистых лошадей может вызывать только восхищение. Красавцы рысаки невольно приковывают к себе взгляд.

Созданию ипподрома способствовали местные помещики братья Емельяновы, Мухторов, Бакеев, Лаврениус и другие страстные любители конского бега, основавшие в своих имениях заводы рысистых лошадей. Основателем регулярных беговых и скаковых испытаний в России стал граф А. Г. Орлов (1737–1807). На принадлежащих ему конных заводах была выведена одна из самых известных в мире пород лошадей – орловский рысак.

Курск всегда славился выездами породистых лошадей, которые смотрелись особенно красочно на масленичных катаниях по Московской улице, когда по ней лихо неслись несколько десятков экипажей [4, с. 154]. Ипподром в переводе с греческого означает «место для бега лошади» и главным стимулом для появления ипподрома в Курске послужила знаменитая Коренная ярмарка, на которую в иной год приводилось для продажи до 30 тыс. лошадей на общую сумму до полумиллиона рублей. Ставилась временная беседка, кое-как разбивался беговой круг, и пускались лошади на пари и на призы, «кто кого объедет» [5, с. 21].

В 1872 г. «кружок лиц из охотников, осознавая серьезную сторону любимого дела и желая поставить ее на более прочные основания», ходатайствовали перед Главным управлением государственного коннозаводства об учреждении в Курске бегового общества. Вскоре было получено разрешение и началось строительство ипподрома. [5, с. 21]. Живейшее участие в создании ипподрома на земельном участке на Конной площади за Херсонскими воротами принял энергичный городской голова Прокопий Адрианович Устимович. На заседании городской думы он добился постановления: «Отдать в пользование курского общества охотников конского бега участок земли на Конной площади и отпустить на постройку беседки и трибун необходимый материал из городского леса». Отведенная земля была немедленно занята, лес перевезен на место

построек трибун и беседок. [4, с. 154]. С тех пор улица, на которой располагался ипподром получила название Беговая.

9 сентября 1873 г. впервые состоялись соревнования на курском ипподроме (история сохранила имена победителей этих заездов: первой пришла лошадь по кличке Умница, вторым был Летун). «Журнал коннозаводства» (№ 5 за 1874) поместил заметку «О рысистых бегах, бывших в Курске в сентябре 1873 г.»: «Близ городских ворот, называемых Херсонскими, на совершенно ровной местности, принадлежавшей городскому обществу, и благодаря 63лавнейшее его же содействию, отстроен, хотя и в одну дорожку, но великолепный ипподром в заворотах и роскошной беседкой, отделанной резьбою в русском вкусе; в середине ее устроена судейская с бельведером для наблюдений за сбоями, а по обе стороны места для публики и оркестра и сверх того отдельные комнаты для судейских совещаний и для буфета. Не знаю ни одного губернского ипподрома столь роскошно устроенного» [4, с. 154].

Первоначально беговая дорожка была не шоссированная, черноземно-грунтовая, что снижало резвость состязающихся лошадей и приводило к частому падению наездников и поломке экипажей. В 1889 г. были сделаны две гладкие, посыпанные глиной и песком дорожки. Внутри круга была устроена третья дорожка, повороты стали более широкими и их обнесли высоким забором. Затем приступили к устройству общественных конюшен и зданий с номерами для приезжавших [5, с. 21].

Ипподром использовался не только по прямому назначению. Городское общество велосипедистов проводило здесь велогонки, в дни праздников здесь устраивались народные гуляния, иногда на поле проходила джигитовка казаков Донского полка, расквартированного в городе, отличавшаяся трудностью исполнения фигур, что собирало всегда много народу. 15 мая 1883 г. здесь собралась масса горожан по случаю коронации императора Александра III. Были устроены игры и состязания, выступали песенники, выступал военно-духовой оркестр, гулянье закончилось блестящим фейерверком.

Однако с началом Первой мировой войны дело начало приходить в упадок. С 1916 по 1927 г. ипподром бездействовал ввиду того, что пришел в негодное состояние.

После ремонта построек и дорожек он был вновь открыт звонким ударом стартового колокола 31 июля 1927 г. В первый беговой сезон после восстановления на нем участвовало 99 лошадей, принадлежавшим госкон заводам, госконюшне, разным учреждениям и частным лицам. Наряду с бегами на ипподроме устраивались праздники, пионерские и физкультурные парады [2, с. 3].

В 1954 г. в Курске было запланировано возведение завода «Маяк». На поле ипподрома пришли геодезисты и забили первые колышки под строительство. И тут же возникла проблема: по какому адресу прописывать ипподром? Среди вариантов значились и район нынешнего

ЮЗГУ, и пустырь недалеко от Цыганского бугра [3, с. 3]. В конечном итоге ипподром определили на южной окраине Курска, на улице Магистральной. Он начал действовать в 1956 г. и до 1970 г. был сезонным, а потом перешел на круглогодичную работу.

Источники и литература

1. Бойцов К. Старейший в стране // Курская правда. 1968. 15 окт.
2. Ермилов А. Десятилетие ипподрома // Курская правда. 1936. 13 сент.
3. Кочергин В. Когда бессильна сила лошадиная // Курский вестник. 2000. 29 нояб.
4. Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997.
5. Самойлова Е.Н. Бега и скачки // Открытый музей. 2013. № 2. С. 21–22.

Ю. В. Озеров

ПЛАН г. КУРСКА 1904 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НАЗВАНИЙ И МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ УЛИЦ ГОРОДА

Одним из важных и часто используемых документов в историко-краеведческой работе является план г. Курска, составленный городским землемером Д. М. Антоновым, изданный книжным магазином К. И. Ивановой и дозволенный цензурой 14 июля 1904 г. [3]. Охарактеризуем данный источник для изучения улиц города начала XX века.

В легенде, помещенной слева, представлен список из 120 городских урбанонимов (собственные имена внутригородских топографических объектов). Кроме улиц, составляющих большую часть из них, здесь имеются 8 переулков (Генеральный, Гостинный, Дядин, Кузнечный, Троицкий, Хуторской и два Кладбищенских). Также в этот список входят 10 площадей: Анненская, Богословская, Генеральная Бурнашевская, Георгиевская, Коренная ярмарочная, Красная, Большая Московская Десято-Пятницкая, Подвальная, Старо-Острожская и Цыганская.

Сюда не относятся показанные на плане города улицы пригородных слобод, отмеченные на нем частично. Полнее всего в этом качестве представлена Ямская, фрагментарно – Стрелецкая слобода (указаны лишь улицы Раздельная, Луговая, Расправская и Церковная). Совсем не обозначены названия улиц Казацкой и Пушкарной слобод, входившие, как и выше отмеченные две, в Курский уезд.

Главными курскими магистральями были Московская (ныне – Ленина) и Херсонская (ныне – Дзержинского) улицы, делившие вместе с р. Кур город в административно-полицейском отношении на четыре части.

Эти две улицы отделяла друг от друга Красная площадь. На плане Д. М. Антонова она совершенно игнорирует Знаменскую площадь («заходя» на ее пространство), существовавшую перед одноименным монастырем и показанную на плане Кулжинского в «Курском сборнике» с путеводителем 1901 г. [7].

Рассмотрим показанные названия некоторых городских улиц (годонимы) в контексте соответствия их реального местонахождения. Из плана 1904 года видно, что Красную площадь пересекает улица Юрьевская, идущая от ул. Тускарной. Однако такое обозначение выглядит не соответствующим исторической действительности. Согласно «Алфавитному списку улиц» 1892 г., Юрьевская находилась только во 2-й части города, в то время как в сторону Тускарной (1-я часть города) шел Навозный переулок, на рассматриваемом плане не обозначенный. Факт начала улицы Юрьевской от Красной площади на запад подтверждается и более поздним документом 1915 г. [1, л. 96 об.].

Параллельно Юрьевской, севернее ее, согласно плану 1904 г., показана идущая от Тускарной на запад к р. Кур Нижняя Гостинная [до революции писалась с двумя «нн». – Ю.О.] улица. В современном протяжении она соответствовала частично улице Марата до костела и ул. Гостиной. Рядом, землемером показана идущая от костела в сторону ул. Москалевской (ныне – Почтовой) улица Верхняя Гостинная (ныне – часть Марата от католической церкви на запад).

Данные обозначения представляются, также как и в случае с Юрьевской улицей, ошибочными. «Алфавитный список улиц г. Курска» 1892 г. указывает, что ул. Нижняя Гостинная находилась только во 2-й части города, а потому она начиналась не от ул. Тускарной (из 1-й части города; ныне – Володарского), а от Красной площади. Пространство на восток было просто Гостинной улицей [6, с. 83].

По данным на 1915 г. [1, л. 104 об. – 109], согласно нумерации Нижней Гостинной, она начиналась от Юрьевской улицы нынешним (с 1928 г.) Верхне-Гостинным переулком, затем одной частью переходила в Нижне-Гостинный переулок [4, л. 90], завершаясь современной Гостиной улицей. Верхняя Гостинная улица перед революцией [1, л. 109 об. – 116] соответствовала современной улице Марата.

Обращают на себя внимание названия ряда улиц 1-й части города, проходящих вдоль р. Тускарь: Верхняя, Средняя и Нижняя Набережные. Они соответствуют названиям «Алфавитного списка улиц г. Курска» 1892 года [6, с. 84]. Однако наше изучение заявлений домовладельцев конца XIX – начала XX вв. об уплате квартирного налога из фондов 143 и 144 Госархива Курской области показало, что жители данных территорий не придерживались строго этих наименований. Присутствующая на плане города ул. Верхняя Набережная показывалась в документах как 3-я Сергиевская (ныне – А. Аристарховой), улицы Средняя и Нижняя

Набережная понимались жителями как либо Набережная, либо Нижняя Набережная.

Аналогичная ситуация была и с улицами Тускарной и Сушковской 1-й части города, также обозначенными на плане 1904 г., которые воспринимались большей частью домовладельцев как одна улица 2-я Сергиевская (ныне – Володарского). В данном случае землемер Д. М. Антонов отразил усеченное название запроектированной в 1782 г. ул. Тускарной Набережной [5]. На плане города начала 1860-х гг. она представлялась уже как две улицы – Тускорьская и Сушковская, разделяемые Можаяевской [2]. «Алфавитный список улиц г. Курска» 1892 г. дает их названия как Тускарная и Сушковская. Однако в то же время он отмечает и как будто бы особую от них 2-ю Сергиевскую. В отличие от плана начала 1860-х гг., землемер Д. М. Антонов на плане 1904 г. показал, что данные две улицы стыкуются между собой не при соединении с Можаяевской, а при Первышевской улице (ныне – Уфимцева).

Еще одной проблемной зоной в понимании истинного обозначения и расположения исторических улиц Курска является район затускарной части города, где концентрировалось кожевенное производство.

Если сопоставить расположение улиц 2-й и 3-й Кожевенных, как с современным состоянием, так и с данными на начало 1860-х гг. [2], то следует прийти к выводу, что они показаны ошибочно в силу того, что землемер поставил одну улицу на место другой, видимо, ориентируясь на план Кулжинского [7], где они также поменяны местами.

Обращают на себя внимание также улицы Добрынинская (ныне – Кутузова) и Очаковская. Их расположение на плане относительно места друг друга также не соответствующее современному состоянию и заставляет думать о вероятной ошибке. Однако, с другой стороны, показание ул. Добрынинской на месте Очаковской присутствует и на плане города начала 1860-х гг. [2]. Не исключено, что это могло быть связано с неправильными уличными табличками, создававшими путаницу. Отметим в этой связи, что первые дома улиц Добрынинской и Очаковской в 1928 г. были поменяны в адресах, точнее в названиях улиц, с одного указания на другое [4, л. 38, 96.].

Отличает план Курска 1904 г. и наличие на нем двух улиц Малиновых в 3-й части города. Одна из них – отрезок современной ул. Малиновой от ул. Кольцова на юго-запад, другая – ныне являет собой улицу Антокольского. Примечательно, что последняя имела второе название Успенской, зафиксированное в «Алфавитном списке улиц г. Курска» 1892 года, но оно оказалось не востребованным землемером.

Особенностью плана Д. М. Антонова является указание не только одного первоначального названия, но и других – либо новых, либо полуофициального характера. Из легенды следует, что ул. Городовая известна была как Воротня, 1-я Мещанская как Театральная, 3-я Мещанская как Морозовская, Нижняя Солдатская как Щемиловка и т. д.

Однако некоторые улицы в этом списке подобные сведения не получили. Например, 2-я Мещанская 4-й части города не имела указания на свое неофициальное название – Иевлевская, хотя именно так отразилась в более раннем плане Кулжинского. Указание именно 2-й Мещанской, вероятно, связано было с постепенным забвением прежнего народного названия, достигшего пика известности во второй половине XIX века.

Не отмечено на плане Д. М. Антонова и второе, «церковное», имя Черкасской улицы – Богословская, хотя именно такое название содержится в «Алфавитном списке улиц г. Курска» 1892 г.

В то же время другие «церковные» улицы нанесены в максимально полном наименовании: Спасо-Преображенская (вместо Ново-Преображенская по списку 1892 г.) и Михаило-Архангельская (вместо просто Архангельская, как это встречается в большинстве документов). Вероятно, такое написание связано с тем, что землемер стремился максимально шире растянуть названия улиц, чтобы заполнить всё свободное пространство, предназначенное для помещения уличного имени.

Сравнивая названия из плана 1904 г. с «Алфавитным списком улиц» 1892 г., можно заметить, что, несмотря на определенное тяготение к обозначению ряда архаичных наименований, землемер Д. М. Антонов зафиксировал и подтвердил обновленные на рубеже XIX–XX столетий топонимы существовавших к тому времени городских улиц:

- Кривецкая, вместо ул. Цыганский бугор;
- Петровская (вслед за планом Кулжинского из «Курского сборника» 1901 г.) вместо ул. Новой Авраамовской;
- Семеновская, вместо улиц Княжей и Береговой;
- Новая Береговая, вместо ул. Береговой 2-й части города (перед революцией называлась Береговой-Куровой [1, л. 88 об. – 89]);
- Нижняя Раздельная, вместо ул. Козиновки;
- Овчинная (на плане Кулжинского показана как Овчарная), предположительно, появилась вместо Очаковского переулка.

В то же время на плане 1904 г. не показаны (не подписаны) улицы, которые реально существовали на тот момент. К ним можно отнести: Выгонную, Глинище, Гнучевскую (она же Гнучева гора), Пески, Ровецкую, Ямскую (она же Ямская гора).

На рубеже XIX–XX столетий город активно развивался, модернизировались прежние общественные территории, прокладывались и благоустраивались новые улицы и переулки. План Курска 1904 г. зафиксировал эти новые организовываемые пространства и их урбанонимы: Мурановскую, Никитскую, Прогонную, Севскую, Тамбовскую и Хуторскую улицы; Береговой тупик и Иорданский спуск; Генеральный, Гостинный, Хуторской, Кладбищенские (2-й и 4-й частей города) переулки и Цыганскую площадь.

Некоторые годонимы на плане землемера Д. М. Антонова, вероятно, только на нем и остались. Так, упоминаемые в «Алфавитном списке» 1892 г. улицы Буйволовская и Кузнечная показаны на плане землемера как Буйловая и Кузнечный переулок, но именно под названиями позапрошлого века они известны в документах XX столетия.

План г. Курска 1904 г. является ценным источником по истории урбанонимов города. В отличие от иных подобных документов он полнее всего содержит в себе как наименования улиц, переулков и площадей, так и объектов городской инфраструктуры, рассмотрение которых не было целью данной статьи. Зафиксировав расширение территории Курска в конце XIX – начале XX столетий в северном, юго-западном и юго-восточном направлении, план отразил новые топографические объекты и особое в их названиях миропонимание современников повседневных реалий на микроуровне.

План землемера Д. М. Антонова не лишен недостатков, а потому не может претендовать на абсолютную точность в понимании внутреннего устройства города и передаче представлений курян о наименовании тех или иных объектов, конкретных мест их жительства. В то же время он показывает, что многие урбанонимы даже в очень незначительном историческом промежутке не отличались устойчивостью и изменялись в соответствии с духом времени и общественными потребностями.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 195. Оп. 1. Д. 12.
2. ГАКО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 60.
3. ГАКО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 60а.
4. ГАКО. Ф. Р-866. Оп. 1. Д. 266.
5. ГАКО. Ф. Р-962. Оп. 1. Д. 29.
6. Алфавитный список улиц г. Курска с указанием полицейских частей и участков: городских судей и судебных следователей, в ведении коих эти улицы находятся // Памятная книжка Курской губернии на 1892 год. Курск, 1892. Отд. III.
7. План Курска [Приложение] // Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города / сост. А.А. Танков и Н.И. Златоверховников. Курск, 1901. Вып. I.

**СМЕШАННЫЕ КРЕДИТНЫЕ КООПЕРАТИВЫ ГОРОДОВ
КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
НАЧАЛА XX вв.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
И ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Вторая половина XIX – начало XX вв. стали временем складывания, развития и расцвета российского кооперативного движения. Возникшее в 60-е гг. XIX в. оно постепенно охватило своей деятельностью значительную часть населения страны. Повсеместно, как в сельской местности, так и в городах, функционировали кооперативы различных типов. Среди наиболее распространенных были финансовые кооперативы. Не являлась в этом исключением и Курская губерния.

На 1 июня 1914 г. в здесь губернии функционировало 206 финансовых кооперативов. Среди них, конечно же, по количественным показателям безоговорочно преобладали общества, действовавшие в сельской местности. Тем не менее, присутствовали и общества, охватывавшие своей работой городские поселения.

В конце XIX – начале XX вв. на территории Курской губернии располагалось 18 населенных пунктов, имевших официальный статус города: губернский Курск, 14 уездных и 3 заштатных.

Из указанных выше 206 обществ к рассматриваемым кооперативам мы можем отнести 11 товариществ (8 кредитных и 3 ссудо-сберегательных). Среди них 8 кредитных товариществ: Августовское (правление в г. Белгороде), Корочанское, Миропольское, Ново-Оскольское, Обоянское, Суджанское, Фатежское, Щигровское) и 3 ссудо-сберегательных товарищества: Курское, Львовское, Путивльское мещанское [12, с. 106– 113].

Следует при этом указать на то, что все данные товарищества мы можем отнести к кооперативам «смешанного» типа, поскольку в них входили и лица, проживающие в сельской местности. Даже если, на первый взгляд кооператив не выходил за рамки пригородов, необходимо учитывать, что во многих случаях они не являлись официально частью города. Так Курское ссудо-сберегательное товарищество действовало не только в рамках города, но в его состав входили и территории пригородных слобод, являвшихся частью Курского уезда [1, л. 5].

При этом сельские жители преобладали фактически во всех обществах. Так в крупнейшем обществе Курской губернии – Фатежском кредитном товариществе, в район деятельности которого входили г. Фатеж и все села и хутора, расположенные на расстоянии в 10 верст, из 1 322 членов, состоявших в нем к 1904 г., в селе проживало 1 072 человека [5, л. 164].

Не менее яркой является статистика отражающая состав членов по роду занятий. В том же Фатежском товариществе на январь 1910 г. числилось 4 309 членов. Из них: землевладельцев – 3 818 (88,6 %), ремесленников – 74 (1,7 %), торговцев – 171 (4 %), чиновников 18 (0,4 %), других – 228 (5,3 %) [10, л. 2– 57].

Таким образом, среди членов преобладали лица, занимавшиеся сельским хозяйством. Подобная ситуация была характерна фактически для всех рассматриваемых обществ.

Единственным исключением являлось созданное в 1906 г. Курское ссудо-сберегательное товарищество. С момента его возникновения значительную часть членов кооператива составляли служащие различных учреждений г. Курска. В августе 1909 г. их насчитывалось 269 при общем числе членов 520, а в июне 1910 г. – 537 из 1 213. В дальнейшем в результате давления государственных органов, ориентирующихся на производительный характер выдаваемых кредитов, произошли определенные изменения в составе членов. Тем не менее, чиновники продолжали иметь значительное представительство. По сведениям на ноябрь 1912 г. в товарищество входило: земледельцев – 957, торговцев и промышленников – 204, ремесленников – 184, священников – 18, домовладельцев – 59, служащих торговых фирм – 62, железнодорожных рабочих – 44, служащих в различных учреждениях – 546 [1, л. 57 об, 76, 96]. В итоге, непроизводительные слои населения составляли около 45 % членов кооператива. Но следует признать, что пример данного товарищества единичен не только для Курской губернии и смешанных товариществ всего Черноземья, но для большинства сельскохозяйственных регионов Российской империи.

Что же касается сословного состава обществ, то фактически во всех кооперативах более 90 % членов составляли крестьяне. Это положение соответствовало социальным характеристикам Курской губернии, где к крестьянству относилось большая часть не только сельских, но и городских жителей.

Говоря о непосредственной деятельности финансовых кооперативов, следует указать, что главной их задачей являлось обеспечение членов необходимыми для хозяйственной деятельности средствами. Поэтому в качестве основного направления деятельности как кредитных, так и ссудо-сберегательных товариществ выступали ссудные операции. Через них членам товариществ предоставлялась возможность получения недорогого кредита. На это общества нацеливали как законодательные акты, так и реалии провинциальной жизни, так как в местных городах практически отсутствовал доступ большинства населения к другим кредитным учреждениям.

Выявленные архивные источники позволяют проследить, на какие цели использовались полученные ссуды. Согласно требованиям законодательства, да и просто кооперативным принципам, они должны

были направляться на производительные цели. В местных кооперативах так в основном и происходило. При этом конкретная направленность использования во многом зависела от состава обществ.

Как уже отмечалось, значительную часть членов смешанных обществ Курской губернии составляли крестьяне-земледельцы. Поэтому на потребности, связанные с ведением сельского хозяйства, расходовалась главное количество ссуд, предоставляемых кооперативами. Так в Суджанском кредитном товариществе Курской губернии на это в предвоенные годы использовалось более 55 % выдаваемых ссуд [2, л. 122 об.].

Если же фундаментом кооператива являлись ремесленники, то их основная масса предназначалась на покупку сырья и ремонт ремесленных орудий и машин. Так в Миропольском кредитном товариществе в 1904 г. данный показатель составлял 61 % [4, л. 145–156].

В том же случае, если в кооперативе значительное представительство имели непроизводительные слои, в первую очередь различные категории служащих, то главенствовали потребительские ссуды. Например, подобная ситуация прослеживалась в первые годы существования Курского ссудо-сберегательного товарищества. В результате по данным за 5 месяцев 1906–1907 гг. доля потребительских ссуд равнялась 56 %. В то же время в денежном выражении они составляли лишь 18,6 % выданных средств. В дальнейшем их процент в количественном отношении снизился в связи с увеличением в кооперативе производительных слоев, в основном земледельцев. В результате за 7 месяцев 1912–1913 гг. на личные расходы было направлено 22 % от общего числа предоставленных ссуд и 11 % от выданных средств [1, л. 42об., 48].

В большинстве остальных смешанных кредитных кооперативов на потребительские цели уходили еще меньшие суммы. Так в Суджанском кредитном товариществе Курской губернии они составляли от 0,4 до 9,1 %. [2, л. 122 об., 144 об.].

От состава участников зависел и срок, на который выдавались ссуды. В большинстве же изучаемых обществ практиковалось их предоставление на срок до 1 года. Долгосрочные ссуды широкого распространения в Курском регионе не получили.

Особо стоит обратить внимание на объемы ссудных операций. В предвоенные годы в смешанных кооперативах губернии они достигли значительных размеров. Например, из 8 смешанных товариществ 4, т. е. 50 %, выдали своим членам в 1912 г. ссуд на сумму, превышавшую 100 тыс. руб. [11, с. 178–189].

При этом анализ статистических сведений говорит о том, что суммы выданных ссуд кооперативами, работавшими на территории городских поселений, были выше подобных общегубернских показателей. По сведениям на конец 1912 г. показатель смешанных обществ был выше

общегубернского в 3 раза (на одно смешанное товарищество в среднем приходилось 99 310 руб., в то время как в среднем по губернии – 31 850 руб.) [11, с. 178–189].

Рост количества ссуд продолжился и после 1912 г. Определенный удар по данной операции нанесла Первая мировая война. В целом ряде обществ суммы выданных средств сократились. Уже в 1914 г. падение произошло в Курском, Новооскольском, Фатежском, Щигровском товариществах. В последующие годы сокращение отмечено и в других кооперативах.

Данные события были обусловлены значительным сокращением оборотов в хозяйствах членов товариществ, происходящим призывом их в действующую армию, и, в целом, нестабильностью в экономической жизни, как региона, так и всей страны. Но, несмотря на все это, выдаваемые кооперативами суммы оставались по-прежнему достаточно высокими.

Предоставлением ссуд деятельность кооперативов не ограничивалась. Для выдачи ссуд необходимы были средства. Имелось несколько способов их получения. Первым являлось создание собственного паевого капитала. На такой основе строили свою деятельность ссудо-сберегательные товарищества. Тем не менее, уже первые из них, созданные в 70-е гг. XIX в., оказались неспособными организовать работу исключительно на таких условиях. Паяных взносов, как правило, не хватало для удовлетворения потребностей членов. В результате с момента своего возникновения, кооперативы были вынуждены прибегать к другим способам получения средств: займам и вкладам.

Займы предоставлялись государственными структурами (в первую очередь Государственным банком), земскими органами власти, частными лицами и учреждениями. После создания Московского народного банка появился новый источник средств – кооперативный. Им, например, воспользовалось Новооскольское кредитное товарищество. В 1914 г. банк открыл ему кредит в 25 тыс. руб. для личных целей и 40 тыс. для учета векселей других кооперативов [6, л. 5].

В целом же по суммам привлеченных средств через заемные операции смешанные кооперативы намного превосходили большинство сельских учреждений. По имеющимся сведениям в конце 1912 г. на одно смешанное товарищество в среднем приходилось 19 590 руб. заемных средств, при среднем по губернии – 11 440 руб. [11, с. 178–189].

Значительно же большие ресурсы для своей деятельности кооперативы привлекали через организацию вкладных операций. Этой деятельностью активно занимались уже первые ссудо-сберегательные товарищества, созданные во второй половине XIX в.

Так удачно работало в этом направлении Суджанское ссудо-сберегательное товарищество. Обнаруженные материалы, раскрывающие функционирование данного общества в течение 18-ти из 25-ти лет его

существования, свидетельствуют, что за период с 1882 по 1900 г. доля вкладов не опускалась ниже 15 % от всех средств, имевшихся в распоряжении товарищества на конец отчетного года. Наивысший показатель был достигнут по итогам 1896 г. – 34 %. За данный отчетный год кооператив привлек вклады на сумму в 28,2 тыс. руб. [3, л. 83; 7, л. 4 об., 15 об., 28 об.; 8, л. 3 об., 12 об.].

В последующие годы размах данного направления деятельности продолжал увеличиваться. Анализ выявленных сведений позволяет сделать вывод, что в преобладающей части кооперативов вклады составляли более 60 % всех имеющихся средств.

Сравнение же показателей количества привлеченных вкладов смешанными обществами с общегубернскими данными подтверждает, что городские условия благоприятно влияли на данные операции. По итогам 1912 г. средняя сумма средств, полученных одним обществом в кооперативах, функционирующих на территории городских поселений Курской губернии, значительно превосходила показатель среднестатистического губернского товарищества – в 4,7 раза [11, с. 178–189].

Наиболее крупные средства находились на счету Фатежского кредитного товарищества – 247 тыс. руб. В дальнейшем рост вкладов продолжился. К началу 1914 г. их было на сумму 305 тыс. руб.

При этом резкий рост имел место не только в давно действующих обществах, но и вновь созданных. В 1911 г. начало свою деятельность Новооскольское кредитное товарищество. Его показатели в различные годы: январь 1912 г. – 21 тыс. руб., январь 1913 г. – 48 тыс. руб., январь 1914 г. – 103 тыс. руб. Таким образом, за три года сумма вкладов увеличилась в 5 раз. [6, л. 1, 3].

Успешная работа по привлечение вкладов привела к тому, что смешанные товарищества получили значительные финансовые ресурсы, которые не поглощались их членами в качестве ссуд. В результате кооперативы сами стали выступать в качестве кредиторов и вкладчиков.

Уже первые ссудо-сберегательные товарищества второй половины XIX в. успешно проводили операции по размещению излишков средств в различных государственных финансовых учреждениях или по вложению их в ценные бумаги. Например, Суджанское ссудо-сберегательное товарищество в конце 1900 г. хранило в таких бумагах около 12 % имевшихся в его распоряжении средств, вместо 5 %, требуемых законодательством [9, л. 12 об.].

Не отошли от таких способов и кооперативы, созданные в начале XX в. Смешанные товарищества помещали крупные суммы в местные отделения Государственного банка, в сберегательные кассы, частные учреждения. Продолжалось и приобретение процентных бумаг.

В этот период появился еще один распространенный способ вложения средств – размещение их в других кооперативных организациях.

Именно таким образом использовалось основное количество свободных капиталов смешанных товариществ Черноземья. Постановления о финансировании других обществ были также приняты Курским, Новооскольским, Суджанским товариществами. Этими действиями смешанные кооперативы, будучи более обеспеченными оборотными капиталами по сравнению с сельскими обществами, не только находили способ выгодного размещения излишков, но и оказывали существенную помощь последним, предоставляя им наличные средства.

Активность в данной сфере усилилась после создания Московского народного банка. Отдельные смешанные общества получили право стать его корреспондентами и занялись снабжением соседних кооперативов деньгами и товарами, опираясь как на собственные средства, так и на выделяемые банком. Эти операции проводились путем учета векселей, выдаваемых товариществами.

О ее размахе говорит пример Новооскольского кредитного товарищества, которое являлось корреспондентом банка не только для обществ своего уезда, но и Корочанского и Старооскольского уездов Курской губернии, Бирючанского и Коротоякского уездов Воронежской губернии. В ноябре 1913 г. оно кредитовало 12 товариществ на сумму 150 тыс. руб. [6, л. 13–14 об.].

Все приведенные факты говорят о том, что общества, охватывавшие своей деятельностью территорию городских поселений Черноземья, успешно решали вопросы размещения излишних средств, оказывая при этом помощь другим кооперативным организациям.

Чисто финансовая работа по привлечению средств, выдаче ссуд, размещению излишков наличности являлась основной для кредитных кооперативов, но не единственной. Занимались они и другой деятельностью. Наиболее характерными в этом плане были посреднические операции по закупке и перепродаже различных товаров своим членам, в первую очередь необходимых для ведения сельского хозяйства. Такую работу активно в разное время проводили Новооскольское и Фатежское кредитные товарищества.

Тем не менее, в предвоенный период посредничество не превратилось в целенаправленную деятельность.

К активной работе в этом направлении подтолкнула первая мировая война. Отсутствие необходимых товаров, их высокая стоимость заставили кооперативы уделить им большее внимание. По существу не имелось в Курской губернии ни одного общества, которое не начало бы или не приняло бы решения о проведении таких операций в 1915–1916 гг.

Многие товарищества не стали теперь ограничиваться закупкой только сырья, ремесленных и сельскохозяйственных машин и орудий. Они начали приобретение продуктов питания и других товаров первой необходимости. Так существенные товарные операции отмечены в

Курском, Суджанском, Фатежском обществах. Но, тем не менее, все они по-прежнему серьезно уступали ссудным операциям.

Подводя итог, следует указать, что смешанные финансовые кооперативы, составлявшие незначительную часть в сравнении с сельскими кооперативами, сыграли достаточно важную роль в экономической жизни региона. Охватывавшие своей деятельностью не только городские поселения, но и прилегающие к ним территории, по количеству членов они серьезно превосходили своих чисто сельских «собратьев». При осуществлении абсолютно одинаковых видов деятельности (ссудной, привлечение займов и вкладов) смешанные кооперативы по своим показателям также значительно превосходили другие общества. Это объяснялось выгодным размещением в городской местности, участием в их работе большего числа членов, наличием лучше подготовленных организаторов и руководителей.

С появлением свободных средств многие смешанные учреждения занялись и другими видами деятельности: кредитованием соседних кооперативных организаций, посредническими операциями. Но все это служило лишь дополнением к главной работе товариществ по предоставлению членам возможности получения недорогого кредита.

В целом следует еще подчеркнуть, что хотя в количественном отношении смешанные кредитные кооперативы в Центрально-Черноземных губерниях уступали сельским, но по размаху деятельности они намного их превосходили.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 582 Оп. 4. Д. 12992.
2. РГИА. Ф. 582. Оп. 7. Д. 122.
3. РГИА. Ф. 583. Оп. 7. Д. 221.
4. РГИА. Ф. 582. Оп. 7. Д. 357.
5. РГИА. Ф. 582. Оп. 7. Д. 381.
6. Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Ф. 255. Оп. 1. Д. 953
7. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 184. Оп. 1. Д. 6407.
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6977.
9. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 9283.
10. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 11722.
11. Отчет о состоянии кредитных товариществ по данным на 1-е января 1913 г. Пг., 1914.
12. Список действующих кредитных и ссудо-сберегательных товариществ по губерниям и областям империи на 1 июня 1914 г. Пг., 1915.

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ КУРСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В XX в.

«Серебряный век» русской культуры рубежа XIX–XX вв. стал периодом невероятного роста просвещения среди простого народа. Многие стали открывать для себя тайны и сокровища музеев, особенно это было заметно в провинции, где в этот период времени стали массово открываться музеи. В Курске музей был организован в 1903 г. при непосредственном участии нового губернатора Н. Н. Гордеева. Новый губернатор уделял значительное внимание не только развитию экономики губернии, вопросам культуры и просвещения.

Открытие в Курске историко-археологического и кустарного музея было одной из наиболее значимых заслуг Гордеева. В основу экспозиции легли немногочисленные экспонаты из кабинета исторических редкостей губернского статистического комитета. Будучи на аудиенции у императора Николая II, Николай Николаевич высказал предположение по формированию курского музея. Вскоре последовало распоряжение императора на устройство музея. Императором лично было выделено 10 тыс. руб. на его устройство.

Воспоминания А. А. Танкова, опубликованные в 1910 г. в «Историческом вестнике», ярко представляют образ хозяйственного и серьезно настроенного губернатора. Алексей Алексеевич писал: «И вот пошел у нас ряд заседаний в губернаторском доме, где обсуждались вопрос за вопросом по музею. Сам Н. Н. Гордеев, вооруженный большими серьезными знаниями, опытом, начитанный в высшей степени, вкладывал всю душу в предпринятый им подвиг. Без него в здании музея не делалось ничего более или менее важного» [3]. Своей активной деятельностью этот человек увековечил свое имя не только в среде музейных работников.

Учрежденный 21 апреля (6 мая по новому стилю) 1903 г. историко-археологический и кустарный музей уже 18 января (31 января по новому стилю) 1905 г. открыл свои двери для широкой публики [5]. Однако создатель музея недолго смог наблюдать за жизнью своего детища: уже в 1906 г. Николай Николаевич умер. В том же году, по предложению предводителя курского дворянства В. Н. Доррера, портрет Н. Н. Гордеева после его смерти занял почетное место в музейной экспозиции. С 2002 г. по решению Курского областного комитета культуры лучшие специалисты музейного дела, внесшие весомый вклад в развитие краеведения и музейного дела в Курской области, курского края ежегодно удостоиваются премии имени Н. Н. Гордеева [4].

Практически в неизменном виде Курский историко-археологический музей просуществовал до 1934 г., когда вскоре после создания Курской

области, 30 сентября он был переименован в Курский областной краеведческий музей. Это название он носит и по сей день [5].

В настоящее время Курский областной краеведческий музей – это крупнейшее музейное учреждение региона. Он состоит из следующих отделов:

- юридическая служба, бухгалтерия, ОК, АХЧ;
- отдел научно-просветительной и выставочной работы;
- отдел истории;
- отдел природы;
- отдел учета и хранения фондов [6].

Фонды музея насчитывают свыше 31 000 единиц хранения, при этом фонды ежегодно пополняются новыми экспонатами. Многие из них представляют собой ценности не только регионального, но и федерального уровня. Так, в 2019 году многие предметы из коллекций Курского областного краеведческого музея попали в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации [8].

Также музей предлагает широкий спектр различных форм работы с посетителями. За последние десятилетия сотрудниками были разработаны:

- более 50 тематических экскурсий;
- 20 музейных интерактивных, познавательных игр и программ по природе, этнографии, народным промыслам, Великой Отечественной войне, истории города и пр.;
- 5 абонементов;
- 5 мастер-классов.

Ежегодно музей устраивает выставки, как из собственных фондов, так и из фондов других музеев и частных коллекций, посвященные различным историческим событиям и памятным датам.

Музейные работники стремятся приучить детей к мысли, что в музее можно не только познать себя и окружающий мир, но и достаточно весело провести время. Так, за годы работы накоплен большой опыт проведения разных интерактивных программ.

В настоящее время активно работают интерактивные программы по военной тематике: «По дорогам войны», «Юные защитники Родины», «Долгий путь к победе», которые предлагают юным посетителям узнать о Великой Отечественной войне через изучение и исследование предметов войны в игровой форме [7].

В 2017 году на базе Курского областного краеведческого музея была организована выставка «Мы наш новый мир построим», посвященная Октябрьской революции, а также праздничным и юбилейным датам, связанным с этим событием.

На выставке были представлены плакаты, документы, фотографии, денежные знаки, открытки, значки и памятные знаки, предметы живописи и графики, иллюстрирующие историю нашего государства [1].

Также в 2018 году на базе Курского областного краеведческого музея была организована выставка «Не расстанусь с комсомолом...» [2], посвященная деятельности ВЛКСМ на территории курского края с 1918 по 1991 г.

На выставке «Не расстанусь с комсомолом...» были представлены фотографии первых комсомольских организаций Курской губернии, комсомольские билеты, постановления и резолюции комсомольских съездов, почетные грамоты, плакаты, рассказывающие о жизни молодежи, коллекция значков, сувенирная продукция, а также знамена комсомольских организаций Курского края.

Как мы можем видеть, Курский областной краеведческий музей организует достаточно плодотворную деятельность, направленную на приобщение широкой аудитории к истории курского края. Для достижения данной цели используются различные формы работы, которые в различной степени позволяют вовлечь посетителей в жизнь музея.

Источники и литература

1. Выставка «Мы наш новый мир построим» // Курский областной краеведческий музей [Электронный ресурс] // URL: <http://kursk-museum.ru/vyistavka-my-i-nash-myi-novuiy-mir-postroim/> (дата обращения: 04.10.2019 г.).
2. Выставка «Не расстанусь с комсомолом...» // Курский областной краеведческий музей [Электронный ресурс] // URL: <http://kursk-museum.ru/ne-rasstanus-s-komsomolom/> (дата обращения: 04.10.2019 г.).
3. Кузнецова Л.А. «Большой барин и вполне порядочный человек...» // Курскъдореволюціонный и Курская губернія до 1917 года [Электронный ресурс] // URL: <http://old-kursk.ru/people/ng020407.html> (дата обращения: 03.10.2019 г.).
4. Кузнецова Л.А. В память о себе – музей // Городские известия. 1998. 23 июня.
5. Курский областной краеведческий музей в 1944–1963 гг. [Электронный ресурс] // URL: <http://kursk-museum.ru/kurskiy-oblastnoy-kraevedcheskiy-muz/> (дата обращения: 04.10.2019 г.).
6. Список отделов // Курский областной краеведческий музей [Электронный ресурс] // URL: <http://kursk-museum.ru/spisok-otdelov/> (дата обращения: 04.10.2019 г.).
7. Услуги музея // Курский областной краеведческий музей [Электронный ресурс] // URL: <http://kgkm.kursk-museum.ru> (дата обращения: 04.10.2019 г.).
8. Фонды // Курский областной краеведческий музей [Электронный ресурс] // URL: <http://kgkm.kursk-museum.ru> (дата обращения: 04.10.2019 г.).

КУРСКОЕ ЭХО ДОНБАССКОЙ ТРАГЕДИИ

5 июня 1909 г. газета губернского земства «Курская быль» поместила информацию следующего содержания: «Помощник окружного инженера Кальмиусского горного округа препроводил на имя господина начальника Курской губернии триста семьдесят восемь рублей с просьбой выдать их родителям рабочих, погибших во время взрыва, бывшего 18 июня 1908 г. на Рыковских копиях Екатериновского горнопромышленного общества» [1, 5 июня]. Что за трагедия произошла годом ранее на Донбассе и какое отношение имели куряне к этим событиям?

Отходничество на заработки избыточного сельского населения из Курской губернии как форма проявления трудовой миграции известно с 1860-х гг., и стало широко распространенной практикой в начале XX в. Индустриальное отходничество было связано, прежде всего, с Донской областью и Новороссией, в том числе – Донбассом в силу географической близости этих регионов и наличия транспортной инфраструктуры.

Земли, на которых располагался Рыковский рудник, первоначально принадлежали донскому казаку Григорию Яковлевичу Чеботареву. В начале 1870-х гг., когда в Донбассе начались массовые угольные разработки, Чеботарев организовал примитивный рудник, названный «Чеботаревским». После его смерти рудник отошел его жене, которая вторично вышла замуж за военного – Петра Петровича Рыковского, ставшего впоследствии генерал-майором. В 1898 г. Рыковские продали землю и шахты созданному Бельгийскому Анонимному Обществу Рыковских каменноугольных копий. В 1904 г. Рыковские копи перешли к новому владельцу – Екатериновскому Горнопромышленному Обществу, основные рудники которого располагались в районе ст. Ханжонково. Вокруг Рыковских копей Общество владело землями общей площадью 2 500 десятин.

Рыковский рудник включал в себя Григорьевский рудник (старейшая шахта № 12, заложенная в 1891 г., имевшая паровой подъем), Макарьевский рудник (шахты № 3 и № 4–4-бис) и Кальмиусский рудник. Макарьевский рудник Рыковских копей Екатериновского Горнопромышленного Общества находился в Макеевской волости Таганрогского округа Области войска Донского, на границе его с Екатеринославской губернией. В 1908 г. на руднике имелось две действующих шахты: № 4, глубиной 105 сажень (1 саж. равна 2,1336 м), разрабатывавшая Ливенский (Макарьевский) угольный пласт и № 4-бис глубиной 182 саж. эксплуатирующая Смоляниновский угольный пласт. Надшахтное здание для обеих шахт было общим. Обе шахты имели прямоугольное сечение и были креплены сплошной венцовой крепью из

дубовых брусьев. Добыча каменного угля всего рудника доходила до 20 млн пуд. в год. Рабочая смена, ко времени взрыва, в шахте № 4-бис составляла около 450 человек, кроме того, в забое находилось 47 лошадей [2, с. 3].

Авария на Рыковском руднике 18 июня 1908 г. и по сей день остается самой крупной аварией на угледобывающих предприятиях России. В крупнейшей и влиятельной ростовской газете «Приазовский край» первая информация о взрыве в шахте была краткой и эмоциональной: «214 рудокопов, погибших в Екатерининском руднике, похоронены. В течение двух дней под развалинами шахты оставалось 150 чел. живых. Их крики о помощи были слышны через стены шахты. Спасательные работы почти безрезультатны. Вечером были вытащены еще 52 трупа, изуродованных до неузнаваемости. Многие спасенные сошли с ума» [3, 22 июня].

Сообщение Петербургского Телеграфного Агентства раскрывало некоторые детали произошедшего: «18 июня вечером на Макарьевской копи Екатеринославского общества, расположенной в Области Войска Донского, в районе залегания каменных углей, отличающихся обильным выделением газа, произошёл взрыв с последовавшим затем пожаром. Эти бедствия были причиной гибели почти всех находящихся в данном месте в копи людей. По последним сведениям поднято на поверхность погибших 228 чел., кроме того отправлено в больницу 19 пострадавших» [4, 24 июня].

Рыковские рудники были печально известны большими скоплениями метана, что приводило к выбросам и взрывам. Свое первое народное название — «болотный» — газ получил потому, что он, как это с незапамятных времен наблюдалось людьми, образуется на болотах. Здесь, в самом деле, имеются наиболее благоприятные условия для его образования: масса отжившего и медленно гниющего под водою растительного вещества. Руководство угольных предприятий, да и сами рабочие разделяли царивший тогда в обществе пассивный фатализм, принимая несчастные случаи, как неизбежное природное явление.

Взрыв метана 18 июня 1908 г. стал не первым происшествием не только на Донбассе, но и на Рыковском руднике. Первый акт трагедии случился в ночь на 5 января 1891 г., когда на Рыковском руднике произошел взрыв, унесший жизни 48 человек. В 1903–1907 гг. произошли еще четыре взрыва на Григорьевском руднике Рыковских копий, в результате которых пострадало 12 человек, в том числе 9 — погибли [2, с. 6–11].

Популярный иллюстрированный журнал «Нива» так описывал трагедию в Юзовке: «Несчастье произошло 18 июня, в 8 часов вечера. В 6 часов вечера произведена была смена рабочих, и в глубину шахты спустили свежую смену, в состав которой входило 388 человек. Немногие из них благополучно выбрались на свет Божий! Никто не заметил и не

запомнил никаких особых указаний, по которым можно было бы опасаться несчастья. Партия, бывшая раньше на работе в шахте, не имели никаких поводов предупреждать сменщиков ее о какой бы то ни было опасности... В 8 часов вечера далеко по окрестностям прокатился зловещий рокот подземного взрыва. Местное население, знающее, что мог означать этот грохот, кинулось к месту, откуда он раздался. Из жерла шахты хлынуло пламя. Раздался протяжный свисток – сигнал бедствия.

Немедленно к месту происшествия, вместе с толпами обезумевших от страха родственников работавшей под землей смены, явились спасательные артели с разных рудников. Спуск в шахту тотчас после взрыва грозил смельчакам страшную опасность. Однако, такие смельчаки все-таки нашлись и, рискуя жизнью, устремились в подземелье. Их скоро подняли обратно: большинство лишились чувств из-за спертых воздуха. Но, одному из них все-таки удалось кое-что рассмотреть и расследовать: он мог указать, где лежат убитые взрывом люди. Приступили к расчистке шахты, которая после ужасного взрыва, конечно, всегда загромождается обломками. Скоро, по счастью, удалось окончить эту расчистку и приняться за розыски и извлечения рабочих.

Много людей нашли в главной продольной галерее копи. Здесь, между прочим, напали на группу, состоявшую из восьми человек живых и мало пострадавших. Они все накрыли лица мокрыми тряпками, сквозь которые и дышали. В другом месте нашли человека уже едва живого, но его удалось привести в чувства; нашли кое-кого живых и мало пострадавших и еще в разных местах. Но из остальных живых немного было не пострадавших. Были изуродованные, обожженные, были мгновенно помешавшиеся. Всех их извлекли и окружили заботливым врачебным уходом. Работа спасательных артелей шла 18, 19, 20 и закончилась лишь 21 июня. За 19 июня удалось извлечь 218 трупов, 20-го – еще 19 трупов. 20 числа хоронили 218 человек, 21-го – еще 25, 22-го – 14» [5, с. 546–547].

Через 17 лет, в номере местной областной газеты «Диктатура труда» были напечатаны воспоминания одного из оставшихся в живых очевидцев той страшной катастрофы 1908 г.: «Задолго до этого дня мы, старые шахтеры, обращали внимание администрации рудника на скопляющийся газ и указывали на необходимость очистки шахты от скопления газов. Администрация медлила, а газ уже давал о себе знать: свистел, гудел на разные голоса и завывал какую-то адскую мелодию, от которой бросало то в холод, то в жар. Так было и в этот злополучный день. На тысячи ладов, не переставая, свистел и визжал по продольной газ, когда мы шли к своей печке. Газ разыгрывал свою демоническую музыку, от которой у молодых шахтеров поджилки тряслись, да и нас, стариков, охватывал ужас, но нужда и голод заставляли идти туда, где поджидала смерть.

Не успели мы поработать и двух часов, как привычное ухо уловило какой-то треск. Я прыгнул в печку, куда вскочили еще несколько человек.

Не знаю, опытность или инстинкт подсказали нам, что делать дальше, но я нагнулся и стал подымать брезент, и то же самое без всякой команды и приказа сделали и другие. Мы быстро закрыли брезентом вход в печку и так же инстинктивно стали сильно прижимать его, чтобы не было отверстия, куда бы мог проникнуть шедший по галерее газ. А последний, как уже было слышно нам, начал свою разрушительную работу, несущую смерть.

Мы слышали, будто раскаты грома; трещало, шумело и как будто что-то катилось по продольной. Как выяснилось после и как мы, старые шахтеры, догадывались, это газ своей стремительной силой разворачивал рельсы, крутил их в кольца и в то же время разбрасывал все стоящее на пути к выходу, т. е. к спуску или стволу.

Сколько прошло времени, как долго продолжалась разразившаяся, хотя и предвиденная нами катастрофа, определить мы не могли, т. к. мы как будто утратили все чувства, а самые мысли наши притупились: мы потеряли способность о чем-либо в этот момент думать или что-либо рассуждать.

Когда же пришли или стали приходить в чувство и, так сказать, осязать друг друга и поняли, что мы живы, то слышали голоса. Мы хотели двигаться, но ноги не двигались, голова кружилась, нас тошнило, т. к. газ все-таки проник к нам в печку, как ни быстро он пронесся мимо нас по галерее и как ни плотно мы прижимали брезент, защищаясь от него. Товарищи из спасательной команды узнали, что мы находимся в печке. Не то радость, не то пережитый ужас сковал мне язык и все члены, и я пришел в себя уже наверху. Помню только, что внизу ствола были нагромождены рельсы, вагончики и какая-то темная масса не то трупов, не то обгорелых чурбанов.

А наверху я слышал вой, но вой уже не газа, а людей, которые были на разные голоса и причитывали над трупами погибших. И разносился этот вой и плач по всей степи. А трупы все вывозили и вывозили наверх. Сколько их, до сих пор не знаю, т. к. при одной мысли о пережитом ужасе забываешь обо всем окружающем» [6, 21 июля].

Вскоре все центральные и южнорусские газеты разместили информацию о начале официального расследования причин юзовской катастрофы: «25 июня Министерством торговли и промышленности командирован член ученого комитета, горный инженер Коцовский для обозрения горных округов донецкого бассейна с целью выяснения вопросов, насколько в местных копиях, выделяющих рудничный газ, осуществлены меры против взрывов, в какой мере, как горное управление, так и горный надзор выполнили задачу приведения в жизнь различных мероприятий и какое влияние оказало на улучшение надзора за безопасностью горных рабочих усиление штата горной инспекции» [3, 27 июня]. Член Горного ученого комитета, действительный статский советник Н. Д. Концовский, по причине болезни, не смог принять участие

в работе комиссии, которую возглавил начальник Юго-Восточного горного управления, тайный советник Вагнер.

Комментируя факт создания правительственной комиссии нелегальный орган Областного бюро Центрального промышленного района, Московского и Московского окружного комитетов РСДРП(б) газета «Рабочее знамя», едко отмечала: «Из Петербурга давно выехала особая комиссия для исследования этого вопроса. Поехал товарищ министра, поехали инженеры, поехали другие чиновные люди. Наверное, наши юзовские товарищи уже заметили результаты работ этой комиссии: ее члены получили хорошие деньги на дорогу, хорошее вознаграждение за труды, хорошие обеды и разные развлечения от заводчиков. Наверное, и остановились-то они у заводчиков. В конце концов, комиссия, верно, скажет: да, некоторые упущения были, но без них никакое дело не обойдется. Несчастье произошло по божьему попущению и по вине какого-нибудь мелкого служащего, если не самих рабочих. Чтобы положить конец таким несчастиям, необходимо назначить новых чиновников, дать им хорошее жалование и расшить золотом мундиры. Тогда все будет ладно» [7, 4 авг.].

Вместе с тем, уже к сентябрю 1908 г. комиссия завершила расследование причин рыковской трагедии и предложила ряд практических мер по предотвращению подобных случаев в будущем: «В отношении упомянутых копей Кальмиусского горного округа означенные меры заключались в прекращении работ в части рудника впредь до выполнения требований Комиссии о постановке правильной, ею рекомендованной, системы вентиляции, в изоляции электромоторов установкой предохранительных на них сеток, в исправлении направления чистой струи воздуха вплоть до постановки для этой цели нового вентилятора, причем Комиссией была возложена на горных надсмотрщиков обязанность строжайше наблюдать за содержанием в воздухе газа и выполнением предложенных ею мероприятий. В отношении копей Макеевского округа были обнаружены недочеты вентиляции, не имеющие угрожающего характера, почему в отношении каждой из копей в отдельности были указаны Комиссией необходимые меры для улучшения вентиляции. В одной из копей Таганрогско-Хрустальского горного округа, в виду грозившей опасности, Комиссия временно приостановила работы на одном из разрабатываемых пластов до окончания работ по устройству второго из него выхода; одновременно было предложено оконитовые электрические провода устраивать бронированными, а электрическое освещение допускать лишь в струе чистого воздуха лампами, снабженными колпаками из толстого стекла с проволочными поверх их сетками. Наконец, в отношении других копей того же округа и одной Воронежско-Донского, принятые меры касались исправления существующей вентиляции» [2, с. V–VI].

Как установил донецкий краевед Валерий Степкин, в сентябре 1908 г. в Таганрогском окружном суде прошло судебное разбирательство под председательством судьи Попова и в присутствии членов суда Кулибина и Вендеровича. После долгих разбирательств с привлечением экспертов суд вынес следующий приговор: технический директор Екатерининского горнопромышленного общества француз Диран был приговорен к четырем месяцам тюрьмы, электромонтер Дикинсон и вентиляционный штейгер Бакитько приговорены к трем месяцам тюрьмы, заведующий рудником Левицкий – к двум месяцам тюрьмы. К аресту были приговорены управляющий рудником Лашкин (к двум месяцам военной гауптвахты), штейгер Винча (к одному месяцу военной гауптвахты) и штейгер Иванов (к одному месяцу ареста при полиции) [8].

От взрыва погибло 150 человек, в больнице от отравления скончалось еще 120 человек [2, с. III]. В современных публикациях называется цифра в 271 человек, погибших при взрыве шахты [9, с. 44]. Поскольку все рабочие были застрахованы, Совету съезда горнопромышленников Юга России предстояло выдать семьям погибших существенные суммы, которые по оценке Екатерининского общества, отвечающего за убытки, достигали 800 тыс. руб. [3, 30 июня].

Для оказания помощи потерпевшим Император Николай II выделил 10 тыс. руб., предназначенных в качестве временного пособия для семей погибших шахтеров, пока они не начнут получать пенсии на основании Закона от 2 июня 1903 г. [3, 23 июня].

Но лишь небольшая часть семей погибших рабочих проживала на руднике, основная масса шахтеров была из отдаленных губерний: Виленской, Могилевской, Черниговской, Курской, Смоленской, Тверской и др. Выдача пособий началась 26 июня 1908 г. и продолжалась по мере прибытия семей пострадавших на место трагедии. Другая часть пособий была передана в губернии при посредничестве местных администраций. Вдовы получали единовременно по 30 руб., на каждого ребенка выделялось по 5 руб., близкие родственники потерпевших, пользовавшиеся их материальной поддержкой, получали по 25 руб.

Трагедия нашла отклик в сердцах людей и вызвала приток частных пожертвований: от Совета съезда горнопромышленников Юга России – 8 тыс. руб., от Товарищества «Карл Беш в Москве» – 1 тыс. руб., Французского горнопромышленного комитета – 1 890 руб. 35 коп., от служащих и рабочих Любимова и Сольве, Товарищества Будянской фабрики, общества «Продуголь» – 1 138 руб. 97 коп., от разных лиц через редакцию газеты «Приднепровский край» – 337 руб. 42 коп., от полковника П. П. Рыковского – 1 тыс. руб. и от разных лиц, что в общей сложности составило 14 тыс. 641 руб. 42 коп. [2, с. IV].

Вероятно, 378 руб., поступивших в 1909 г. в Курскую губернию – это часть средств, не распределенных ранее по какой-то причине между

родственниками погибших или деньги, выделенные горнопромышленниками к годовщине юзовской трагедии.

В завершении приводим именной список курян, погибших в аварии 1908 г.:

Барков Иван Михайлович, крестьянин Щигровского уезда, Троицкой волости, сл. Пригородней;

Булгаков Даниил Иванович, крестьянин Щигровского уезда, Средне-Расховецкой вол., с. Переволочное;

Берёзкин Тихон Фёдорович, крестьянин Тимского уезда, Крестищанской вол., с. Крестище;

Быковец Павел Михайлович, крестьянин Старооскольского уезда, Салтыковской волости, дер. Рождественской;

Ефремов Тимофей Пименович, крестьянин Белгородского уезда, Никольской волости, дер. Дменной;

Заблоцкий Пётр Петрович, крестьянин Тимского уезда, Погоженской волости, села Солобузьки;

Курчин Козьма Васильевич, крестьянин Старооскольского уезда, Ястребовской волости, с. Никольское;

Константинов Матвей Михайлович, крестьянин Старооскольского уезда, Ястребовской волости [населённый пункт не указан. – *В.Р.*];

Литвинов Михаил Григорьевич, крестьянин Тимского уезда, Верхосемской волости, с. Репец;

Миненко Иван Васильевич, крестьянин Щигровского уезда, Средне-Расховецкой вол., с. Переволочное;

Мезенцев Василий Сергеевич, крестьянин Щигровского уезда, Средне-Расховецкой вол., с. Переволочное;

Мишков Игнат Григорьевич, крестьянин Тимского уезда, Погоженской волости [населённый пункт не указан – *В.Р.*];

Мезенцев Иван Кузьмич, крестьянин Щигровского уезда, Средне-Расховецкой вол. [населённый пункт не указан – *В.Р.*];

Некрасов Иван Фёдорович, крестьянин Дмитриевского уезда, Сковородневской волости, дер. Подровное;

Посадских Пётр Азарович, крестьянин Дмитриевского уезда, Кузнецовской волости, с. Ясловое;

Половинкин Алексей Фёдорович, крестьянин Фатежского уезда, Местнинской волости [населённый пункт не указан – *В.Р.*];;

Парфенов Иван Данилович, крестьянин Тимского уезда, Погоженской волости, сельца Яковлевское;

Рябцев Иван Прохорович, крестьянин Щигровского уезда, Липовской волости, с. Кошелево;

Рукавицын Егор Ефимович, крестьянин Щигровского уезда, Озеренской волости, с. Озерово;

Рябцев Иван Фёдорович, крестьянин Курского уезда, Дьконовской волости [населённый пункт не указан – *В.Р.*];

Репрынцев Демьян Николаевич, крестьянин Щигровского уезда, Средне-Расховецкой вол., с. Переволочное;

Седых Тихон Григорьевич, крестьянин Путивльского уезда, Бирюховской волости, д. Весёлая;

Тилинин Андрей Никифорович, крестьянин Тимского уезда, Погоженской волости, с. Погожее;

Торубаров Козьма Тимофеевич, крестьянин Тимского уезда, Рогозецкой волости, с. 2-я Быстрца;

Харин Степан Семёнович, крестьянин Щигровского уезда, Средне-Расховецкой вол., с. Гурово;

Ширяев Сергей Григорьевич, крестьянин Щигровского уезда, Липовской волости, с. Кошелево [1].

Так трагедия на Донбассе отозвалась в двадцати шести семьях курян. Возможно, что кто-то увидит в списке погибших шахтёров имена своих родных или знакомых. Тогда наша публикация позволит им больше узнать об этих людях.

Источники и литература

1. Курская быль: Ежедневная политическая и литературная газета Курского края. 1909.

2. Горный журнал. 1908. Т. 3. Сентябрь.

3. Приазовский край: Газета политическая, экономическая и литературная. Ростов-на-Дону. 1908.

4. Донские областные ведомости: Новочеркасск. 1908.

5. Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1908. № 31.

6. Диктатура труда: Орган Сталинского окрком ВКП(б), окрисполкома и ОСИС. Сталино (Донецк). 1925.

7. Рабочее знамя: Орган Областного бюро Центрального промышленного района, Московского и Московского окружного комитетов РСДРП (б). 1908.

8. Донецкие новости: Региональный портал Донбасса [Электронный ресурс] // URL: <https://dnews.dn.ua/news/551033> (дата обращения: 01.10.2019 г.).

9. Гражданкин А.И. Историография отечественных угольных катастроф // Промислова безпека. 2012. № 4(43).

ФОНДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»

На хранении в ОКУ «Госархив Курской области» находится 12 фондов учреждений духовного ведомства, из них 11 – за досоветский период и фонд учреждений церковного управления и суда Курской епархии, созданных после отделения церкви от государства в 1918 г., – за советский период.

Все имеющиеся фонды условно можно подразделить на 3 группы: фонды учреждений церковного управления и суда Курской епархии; фонды монастырей и церквей; фонды учебных заведений.

Бесспорно, самыми значимыми, самыми информативными и объемными являются: фонд Курской духовной консистории (Ф. 20), насчитывающий 1 244 ед. хр. за 1720–1918 гг. и фонд учреждений церковного управления и суда (Ф. Р-750), в составе которого 3 664 ед. хр. за 1918–1924 гг.

В составе фонда Курской духовной консистории хранятся документы, начиная с первой половины XVIII в. Среди них – указы Синода и консистории, в тот числе Белгородской (до 1833 г. [1] консистория находилась в Белгороде), рапорты, ведомости о строительстве церквей. Все документы, датированные XVIII веком, отнесены к категории особо ценных и включены в отдельную опись.

В фонде Курской духовной консистории имеется немало дел о закладке, строительстве и освещении храмов. Как правило, все сведения о храмах представлены в виде описания – в делах отсутствуют графические, проектные документы.

Фонд духовной консистории – богатый источник по истории монастырей и пустыней, находившихся на территории Курской губернии. Помимо описания монастырей, в фонде за 1870-е – 1890-е гг. содержатся именные списки о настоятелях и настоятельницах, монашествующих, послушниках и послушницах Глинской Богородицкой пустыни, Коренной Рождество-Богородицкой общежительной пустыни, Курского Свято-Троицкого женского монастыря, Обоянского Знаменского монастыря, Путивльского (Молчанского) Печерского монастыря, Рыльского Николаевского монастыря [2–7].

В фонде духовной консистории имеется информация о проведении крестного хода из Коренной пустыни в Курский Знаменский монастырь.

В архивном фонде консистории и фонде научно-справочной библиотеки архива содержится богатый материал по описанию торжеств по случаю открытия мощей святителя Иосафа в г. Белгороде.

Среди фондов учреждений духовного ведомства особое место принадлежит фондам церквей и монастырей. Документы церквей Курской

епархии включены в объединенный фонд «Церкви Курской губернии» (Ф. 217). Самостоятельными фондами представлены Курская Коренная Рождество-Богородицкая пустынь (Ф. 187), Знаменский мужской (Ф. 186) и Свято-Троицкий женский (Ф. 654) монастыри, а также евангелистическо-лютеранская кирха святых апостолов Петра и Павла (Ф. 726) и римско-католический костел (Ф. 1621).

Документы объединенного фонда «Церкви Курской губернии» (Ф. 217) содержат богатый материал по истории церквей не только города Курска и уездов Курской губернии, расположенных в рамках границ современной Курской области, но также и Белгородского, Грайворонского, Корочанского, Новооскольского, Старооскольского уездов, территория которых в настоящее время входит в состав Белгородской области.

В фонде содержатся документы за 1770–1922 гг. Основу фонда составляют метрические книги церквей Курской епархии. На хранении в архиве имеются как консисторские, так и приходские экземпляры. Отличить эти экземпляры друг от друга достаточно сложно.

Метрические книги являются единственным источником, на основании которого можно подтвердить дату рождения, бракосочетания и смерти, поэтому они до сих пор не потеряли своего практического значения. В архив поступают многочисленные заявления с просьбой о подтверждении родственных связей при разрешении наследственных дел.

В метрических книгах, хранящихся в архиве, выявлены сведения о рождении одного из глав советского государства Н. С. Хрущева, известного композитора Г. В. Свиридова, писателя Пимена Карпова и других.

В фонде «Церкви Курской губернии» хранятся клировые ведомости, представляющие большой интерес для изучения истории не только храмов, но и населенных пунктов. В них в сжатой, но достаточно полной форме дается характеристика храма, состав его прихода и причта. В составе архивного фонда имеются клировые ведомости церквей Белгородского уезда за 1840 г., Новооскольского и Старооскольского уездов за 1919–1921 гг., Грайворонского уезда за 1922 г., Белгородского Рождество-Богородицкого женского монастыря за 1885 г.

Клировые ведомости храмов Курской епархии по городу Курску и всем уездам в рамках границ современной Курской области имеются также в фонде «Благочиннические округа Курской губернии» (Ф. 483).

Для изучения истории сел, состава населения по социальным группам ценными документами являются исповедные книги (ведомости), которые представляют собой своеобразную ежегодную (церковную) перепись населения, отражают возрастные изменения в составе населения приходов. Учет населения велся по следующим социальным группам: священнослужители, военные, статские, посадские (купцы и мещане), однодворцы, государственные крестьяне, дворовые и помещичьи (после 1861 г. – временнообязанные) крестьяне.

К сожалению, в 1965 г. большое количество исповедных книг было выделено к уничтожению, как не представляющих ценности. Оставлены были книги до 1861 года и незначительная часть после 1861 года, в которых имелись статистические сведения. Сохранились в фонде исповедные книги церквей Белгородского уезда за 1770–1771 годы, исповедные ведомости Николаевской церкви слободы Стрелецкой города Курска за 1785–1830 гг., Николаевской церкви села Лещинской Платы Тимского уезда за 1790–1836 гг. и др. [8–19].

Исповедные ведомости хранятся в составе архивных фондов «Церкви Курской губернии» и «Благочиннические округа».

Среди фондов церковных учебных заведений в первую очередь следует назвать объединенный фонд Курской духовной семинарии, училищ и церковно-приходских школ Курской губернии (Ф. 792). Среди них, пожалуй, лишь документы фонда Курского духовного училища, насчитывающего 318 ед. хр. за 1792–1917 гг., могут претендовать на относительно полное освящение деятельности училища. В фонде имеются формулярные и послужные списки учителей.

К сожалению, фонд Курской духовной семинарии, открытой в 1787 г., насчитывает всего 2 ед. хр. Отсутствуют в фонде списки учеников семинарии, сведения о преподавателях. Этот пробел восполняют «Курские епархиальные ведомости» (издание с момента выхода в 1871 г. и по 1916 г. хранится в полном объеме научно-справочной библиотеке архива). В этом издании имеются списки учеников уездных духовных училищ, Курской духовной семинарии.

Достаточно полно представлены документы фонда Курского епархиального женского училища (Ф. 25), открытого в 1866 г. В его составе документы об учебно-воспитательном процессе, о строительстве зданий училища, домового церкви и приюта при училище, имеются именные ведомости успеваемости воспитанниц училища.

С 1883 г. на территории Курска действовал епархиальный свечной завод (Ф. 159), где изготавливали свечи, кафельный уголь, церковное вино. Завод просуществовал до 1918 г. Несмотря на то, что в составе фонда всего 8 ед. хр., имеющиеся документы: журнал заседаний ревизионного комитета завода по проверке отчетности, ведомости продаж свечей, сведения о состоянии капитала завода – дают представление о деятельности этого небольшого предприятия, обеспечивавшего своей продукцией храмы Курской епархии.

Деятельности местной церковной власти после издания Декрета СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23.01.1918 г. [20, с. 272–273] нашла освещение в документах объединенного архивного фонда «Учреждения церковного управления и суда Курской епархии, созданные после отделения церкви от государства» (Ф. Р-750).

После прекращения деятельности Курской духовной консистории главным учреждением управления и суда Курской епархии стал Епархиальный Совет (1918–1920 гг.); в 1920 г. его функции были переданы Канцелярии Курского Епархиального Архиерея, а с 1922 г. – Курскому епархиальному управлению, деятельность которого отражена в документах до 1925 г.

В составе фонда имеются документы нормативного характера (указы, циркуляры, распоряжения); сведения об освящении, открытии и закрытии прихода церквей. Большой интерес представляют дела по личному составу духовенства, в том числе послужные, наградные и формулярные списки священнослужителей; в отдельную опись выделены документы о расторжении браков и выдаче разрешений на повторный брак за 1918–1924 гг.

История церкви, храмов Курской епархии после 1918 г. частично отражена в документах местных органов власти и управления.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 20. Историческая справка к фонду.

2. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 400.

3. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 403.

4. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 406.

5. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 407.

6. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 408.

7. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 409.

8. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1852.

9. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 4255.

10. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 1.

11. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 2.

12. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 3.

13. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 4.

14. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 5.

15. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 6.

16. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 7.

17. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 8.

18. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 9.

19. ГАКО. Ф. 217. Оп. 2. Д. 10.

20. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 23 января 1918 г. № 17. Отд. 1. Ст. 263.

КУРСКИЙ КРАЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Е. Г. Атрепьева

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИК ФЕДОР ИОСИФОВИЧ ЛАППО (К 115-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Говоря о поколении первых советских историков, посвятивших свои научные труды истории Курской губернии, непременно стоит обратиться к работам Федора Иосифовича Лаппо, которому в этом году мы отмечаем юбилей – 115 лет со дня рождения.

Лаппо Федор Иосифович родился 29 мая 1904 г. в местечке Новобелица предместья гор. Гомеля Гомельского уезда Могилевской губернии (в настоящее время Новобелицкий район г. Гомеля Белоруссии) [1, л. 1].

« Я с 1915 г. по 1918 гг. учился в 1-й Гомелевской гимназии. В 1918 г., когда гимназия была закрыта, был в 4 классе. В 1919 г. в мае месяце поступил работать на Артсклад в Новобелице, но проработал лишь один месяц, так как во время выгрузки вагона ящиком мне сломало ногу. В 1920 гг. в апреле поступил в Губсобез (г. Гомель) делопроизводителем...», – писал в автобиографии Ф. И. Лаппо [3, л. 5].

В 1921 г. Ф. И. Лаппо начал учебу в 1-й Гомельской железнодорожной школе 2 ступени, после окончания которой, работал сначала библиотекарем в этой же школе, а затем, после окончания в 1924 г. краткосрочных педагогических курсов был назначен учителем в школу села Новый Ропск Новозыбковского уезда Гомельской губернии.

Во время работы на селе молодому учителю приходилось выполнять различную общественную работу – профорга, члена ревизионной комиссии сельпо и т. п., а с 1925 г. «добавилась» и комсомольская нагрузка после вступления в РКСМ.

В 1926 г. поступил во 2-й Московский государственный университет на общественно-экономическое отделение, который окончил досрочно в 1930 г. и уже с этого же года началась его преподавательская карьера. «...Я был командирован на работу в г. Анжеро-Судженск (Западная Сибирь), но здесь, ввиду отсутствия постоянного места, я проработал лишь 2 месяца в Вечернем рабочем техникуме...», – значит в автобиографии Ф. И. Лаппо [3, л. 9].

Осенью 1930 г. он поступил на работу на педагогический рабфак при Московском педагогическом институте на должность заместителя заведующего учебной частью и преподавателя истории. Уже в 1934 г., в связи с поступлением в аспирантуру, работу пришлось оставить. Проходил аспирантуру при кафедре истории СССР в МИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского).

В период учебы подготовил и защитил диссертацию «Контрреволюционная политика царизма в Польше в 1793 году», получив ученую степень кандидата исторических наук.

В 1937 г. по направлению Наркомпроса Ф. И. Лаппо был направлен в Курский государственный пединститут сначала на должность доцента, а с 1939 г. – доцента и заведующего кафедрой истории СССР.

В октябре 1941 г. вместе с коллективом пединститута эвакуировался в Удмуртскую АССР, а в октябре 1943 г. он снова вернулся в Курск на прежнюю работу [1, л.1].

В характеристике на заведующего кафедрой истории СССР Курского государственного педагогического института Федора Иосифовича Лаппо, написанной заместителем директора института А. Веселовым, мы читаем: «...за время работы в институте тов. Лаппо Ф.И. проявил себя как высококвалифицированный доцент по истории СССР и способный научный работник. Кроме учебной и научной работы т. Лаппо проводил большую общественно-политическую работу в институте и вне его, являясь внештатным лектором Обкома ВКП(б), председателем Месткома профсоюза работников Высшей школы и научных учреждений при институте, членом партбюро института и т. п....» [2, л. 2]. Этот документ бережно хранится в личном фонде Ф. И. Лаппо в ОКУ «Госархив Курской области».

Говоря о вышеуказанном фонде, нельзя не упомянуть и о наиболее интересных биографических документах – дневниках Ф. И. Лаппо, его письмах, адресованных коллегам по работе, архивистам, краеведам, а также о материалах и документах некоторых членов семьи – жены Клавдии Петровны Лаппо (урожденной Шкуриной), сына Феликса, сестры Анны Иосифовны Дроздовой (урожденной Лаппо), второй жены Зои Дмитриевны Белоусовой [1, л. 4а].

Область научных интересов Лаппо в курский период – социально-экономическая история Курского и Белгородского регионов во второй половине XVIII в. По этой тематике он опубликовал несколько содержательных статей, основанных на впервые выявленных в местных архивах источниках. Под его редакцией опубликовано несколько книг по истории Курского края.

В 1960 г. он переезжает в Москву, где начинает работу в должности старшего научного сотрудника института музееведения Министерства культуры СССР. Позже, в период с 1965 по 1975 г. он работал на историческом факультете Московского государственного университета внештатным сотрудником: читал спецкурс по истории внешней политики России в конце XVIII в.

Федор Иосифович Лаппо принимал активное участие в проведении конференций и семинаров в институте славяноведения АН СССР, особенно уделял внимание аграрной истории славянства [1, л. 2].

Он стал автором работ по истории крестьянства Черноземного центра России; разделов (по XVIII в.) в коллективных трудах по истории Курского края. Готовил докторскую диссертацию по аграрной истории Черноземного края в XVIII в., которая осталась незавершенной из-за тяжелой и продолжительной болезни, которую он преодолеть уже не смог.

Защиту кандидатской диссертации он рассматривал как первую ступень в науку. К задуманной диссертации удалось собрать интереснейший материал. Очень много времени ушло на разработку ревизских сказок 3 и 4 ревизий населенных пунктов Курско-Белгородского края.

В ходе работы над кандидатской и докторской диссертациями Ф. И. Лаппо публиковался в центральной и местной печати. В основном его работы были посвящены истории сел и городов. Позднее часть этих статей легла в основу множества статей Советской исторической энциклопедии.

Федором Иосифовичем проводилась большая общественно-политическая работа, начиная в должности внештатного лектора Курского обкома ВКП(б) и заканчивая членом партбюро педагогического института.

26 марта 1986 г. после продолжительной болезни Ф. И. Лаппо умер.

В ОКУ «Госархив Курской области» с 1985 г. от него самого начали поступать документы на постоянное хранение. Последняя часть документов была передана его сыном Феликсом в 2006 г. [1, л. 4б.]. В настоящее время на хранении находятся 363 дела, включенных в опись № 1 за 1781–1995 гг., и 107 дел за 1762–1782 гг., включенных в опись № 2.

Историческим интересам Ф. И. Лаппо не было предела. Среди тем, которые он изучал основными были: история сел Курской губернии; внешняя политика России 1775–1792 гг.; революционное движение в Курской губернии; царская Россия и антифранцузская коалиция; город Курск и губерния в период разложения крепостнических отношений; торговля, сельское хозяйство Белгородской провинции (XVIII в.); интернациональная помощь Советских вооруженных сил народам Европы в 1941–1945 гг. и многие другие.

Особое внимание и пристальный интерес в кругах историков и ученых вызывают научные работы Ф. И. Лаппо, а именно: монографии по истории Курско-Белгородского крестьянства середины XVIII в.; доклады на различные темы, например: «Восстание однодворцев в 1766 году», «Социальный состав населения Белгородской провинции в сер. XVIII в.», «Карты и планы XVIII в., как исторический источник», «Источники по административно-территориальному делению 1775–1797 гг.» и др.; статьи о населении Курско-Белгородского края 1740–1760-е гг., о промышленности Курско-Белгородского края в середине XVIII в., о состоянии сельского хозяйства Белгородской провинции в 60-х гг. XVIII в., о торговле в Белгородской провинции и социально-экономических отношениях в Орловской провинции 1760-х гг., о городе Курске в период

разложения крепостнических отношений во второй половине XVIII в., о волнениях рабочих людей и крепостных крестьян на Глушковской мануфактуре в 1791–1797 гг. и многие другие; исторические справки о малых городах Курской губернии: Дмитриеве, Льгове, Рыльске, Судже; многочисленные материалы по описанию городов – Курска, Корочи, Обояни, Фатежа, Белгорода, Путивля, Суджи, Щигров, Рыльска, Нового Оскола и других.

Им были разработаны и методические пособия: «Документы об истории сел. Из истории краеведческой работы учителей-историков» и «Музейно-выставочный показ достижений современной промышленности в краеведческих музеях».

Ф. И. Лаппо написаны множественные рецензии на книги и рукописи различных историков.

В личном фонде имеются и брошюры с дарственными надписями Бернгарда Борисовича Кафенгауза – доктора исторических наук, советского историка, который принимал участие в подготовке ряда важных изданий по русской истории, таких как: «Очерки СССР», «История Москвы», «Письма и бумаги Петра Великого».

Работая с документами из личного фонда Лаппо, можно найти и картографическую информацию: имеются многочисленные фотокопии карт Курского наместничества XVIII в., плана губернского Курска за 1782 г. и схем маршрутов по Курской губернии.

Подводя итог вышеизложенному, можно лишь еще раз напомнить о том неocenимом вкладе в историю в целом, и краеведение, в частности, который внес доцент, кандидат исторических наук Федор Иосифович Лаппо. О его научной деятельности можно говорить долго и много, но правильнее сегодня обратиться к документам личного фонда, где заинтересованные люди смогут найти для себя максимум важной и полезной информации.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-30. Историческая справка к фонду.
2. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 288.

**К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ (СИСТЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
И ПЕРЕПОДГОТОВКИ) РАБОТНИКОВ НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В 1920-е – 1930-е гг. В КУРСКОМ КРАЕ**

Процессы индустриализации России в конце XIX – начале XX вв. выявили отставание массовой школы от потребностей общества. В этот период стали предлагаться программы социально-педагогических преобразований: демократизация общественного строя, децентрализация образования, широкое привлечение общественности и родителей к управлению образованием, развитие местного самоуправления, отделение школы от церкви и т. п. Эти положения были сформулированы В. И. Чарнолуским в 1915 г. и легли в основу последовавших затем образовательных реформ. К сожалению, не все новшества были приняты чиновниками. Весной 1917 г. Государственный комитет по народному образованию при Министерстве народного просвещения Временного правительства принял проект о новой орфографии и положение «О Единой общественной общеобразовательной школе». Преобразования, потребность в которых назрела ранее, начали осуществляться после Октябрьской революции 1917 г.: вводилась светская единая школа, совместное обучение, равное право на образование и т. д. Приоритетным направлением стала борьба за всеобщую грамотность. Опыт дореволюционной школы наполнялся новым идеологическим содержанием. Молодой Советской республике необходимы были новые педагогические кадры, способные и готовые проводить в массы идеологию и политику государства.

Согласно декрету Совнаркома РСФСР «Об организации дела народного образования в Российской республике» от 26 июня 1918 г. в губерниях стали образовываться отделы народного образования, в ведении которых находилась вся сеть учебных детских внешкольных заведений и просветительных учреждений. В июле 1918 г. согласно этого же декрета были образованы уездные комиссариаты народного образования (позже переименованные в уездные отделы народного образования). Эти органы руководили делом народного просвещения в уездах [4, с. 496]. С целью более быстрого претворения в жизнь реформ, в сентябре 1918 г. был организован Курский учительский институт, реорганизованный в январе 1919 г. в педагогический, а в ноябре 1919 г. – в Курский институт народного образования (КИНО). Согласно постановлению Главпрофобра от 22 сентября 1921 г. КИНО реорганизован в Курский педагогический институт, а 14 марта 1922 г. – в Курский практический институт народного образования (ПИНО). Институт готовил воспитателей дошкольных детских учреждений, учителей школ I и II ступеней и преподавателей по трудовым процессам агрономического уклона. Срок обучения в институте

до преобразования в ПИНО был четырехгодичный, а затем был сокращен до 3 лет [4, с. 502].

Подготовку педагогов вели педагогические техникумы, открытые на базе годичных педагогических курсов. Всего в 1920-е – 1930-е гг. в губернии действовало 5 техникумов: Курский – был открыт в 1921 г., Суджанский – в 1924 г., Дмитриевский, Тимский и Фатежский открыты в 1931 г. С 1936 г. все вышеназванные учебные заведения стали называться педагогическими училищами (Фатежский – с февраля 1937 г.). Училища готовили учителей для начальных классов. В период немецко-фашистской оккупации Курской области училища прекратили деятельность до ее освобождения в 1943 году. При этом Фатежское педучилище в 1946 г. было реорганизовано в физкультурно-педагогическое училище, а Суджанское – в 1949 г. реорганизовано в учительский институт (с 30 августа 1955 г. вновь педучилище). Подготовку учителей эти учреждения вели до середины 1950-х гг. (ликвидированы: Дмитриевское – в октябре 1954 г., Фатежское – в августе 1954 г., Тимское – в августе 1955 г., Суджанское – в июле 1956 г.) [5, с. 633–634].

Подготовку педагогов с высшим образованием стал вести с 1934 г. Курский государственный педагогический институт, организованный по постановлению СНК СССР от 22 июля 1934 г. и решению облисполкома от 25 июня 1934 г. № 32 с подчинением Наркомату просвещения РСФСР [5, с. 627]. В том же году был образован Институт повышения квалификации кадров народного образования (ИПККНО). 9 декабря 1928 г. в соответствии с приказом Наркомпроса РСФСР от 28 сентября 1938 г. преобразован в Курский областной институт усовершенствования учителей [5, с. 628].

Возникает вопрос: а какое учреждение и каким образом проводило работу по повышению квалификации и переподготовке педагогов до образования ИПККНО? Ведь этот процесс должен осуществляться непрерывно, а в период создания нового государства и смены социально-экономических формаций, введения новшеств в работу школ и учителей он становится архиважным. В ОКУ «Госархив Курской области» имеются циркуляры ГубОНО, отчеты и переписка об открытии и работе курсов по переподготовке и подготовке работников просвещения [1, 2].

В этих документах мы обнаружили: расписание занятий на курсах переподготовки школьных работников, протоколы конференций, заявления граждан о зачислении на курсы по переподготовке школьных работников г. Курска, протоколы рабочего дня, отчеты о работе, журналы посещения занятий, анкеты слушателей курских губернских 2-х месячных курсов по переподготовке школьных работников первой ступени за 1924 г. [2, л. 11–93].

Курсы проходили в течение двух недель в доме работников просвещения. На курсах занимались педагоги из 15 всех уездов Курской губернии. Всего, с 4 июня по 10 сентября было обучено 739 человек.

Занятия велись в утреннее и вечернее время. К проведению занятий привлекалось 19 лекторов. Учебный план был рассчитан на 140 часов и включал в себя следующие темы: «Основы ленинизма», «Диктатура пролетариата», «Профсоюзное движение», «Религия и коммунизм», «Основы политической экономии», «Исторический материализм», «История ВКП (б)», «История женского движения», «О кооперации», «Аграрная политика Советской власти», «Детское движение», «Экономическая география», «Структура и деятельность Губернского отдела местного хозяйства» (ГОМХ), «Кооперация школ», «Охрана материнства и младенчества», «Цели и задачи школы и роль учителя», «Математика в новых программах ГУС», «Методика математики», «Методика русского языка», «Методика естествознания», «Изучение элементов в природоведения в производственном и комплексном плане», «Методика комплексного преподавания», «Психология детского возраста», «Гигиена школьной жизни», «Личность и общество», «Обществоведение в школе 1 ступени», «Основы ведения сельского хозяйства», «Ботаническая экскурсия» [1, л. 37].

Как видим, в учебном плане достаточно большой объем часов отводился вопросам, связанным с изучением политики государства, истории политических движений (партийного и детского), идеологическим проблемам. Кроме того, рассматривались вопросы, связанные с изучением методик преподавания (комплексный метод и методики преподавания отдельных предметов, о классах лабораториях, о движении бойскаутов).

Так, в протоколе совещания при Агитпропе Курского Губкома РКП(б) за 4 июня 1924 г. утверждался летний план кампании по переподготовке учительства, в выступлениях участников совещания говорится о необходимости охвата большого количества районов курсами. Уже в тот период поднимался вопрос о качестве образования, о сложностях охвата в короткий срок большого количества педагогов, звучали критические замечания и предложения. В докладе завгубсоцвеса П. К. Тысячного на тему: «Цели и задачи трудовой школы», говорилось о принципах трудовой школы, задачах, стоящих перед учителем новой школы. В выступлении заведующего губернским отделом народного образования П. Ключко были обозначены цели и задачи, решение которых призваны обеспечить курсы переподготовки школьных работников: «... но нельзя объять необъятное. Главная задача – качественно подготовить кадры. Революция поставила не только узкие педагогические задачи, но и политические, а именно, задачу включения в общественную работу – это первая задача. Вторая задача – профессиональная. Важнейший вопрос: насколько быстро освободимся от прежнего балласта навыков, ... но на курсах проходят одно, а в школе другое» [3, л. 69–75].

В ходе проведения курсов переподготовки курсанты не только слушали лекции, но и посещали учебные заведения, промышленные предприятия, выполняли практические задания, готовили доклады-

обследования, например, на такие темы: «Обследование типографии № 1 им. К. Маркса», «Городской водопровод», «Обследование производства «Куршвей» и др. Активной формой работы, которая использовалась на курсах, являлась работа кружков по интересам. Каждый кружок включал, как правило, 7–10 человек. Названия кружков были следующими: «Участие школы в окружающей жизни», «Домашние животные», «Революционные весенние праздники», «Революционные зимние праздники», «Приготовление к зиме», «Город осенью. Приближение зимы», «Весенние работы». По окончании работы каждого кружка, заполнялась схема учета, т. е. своеобразный протокол, включавший следующие пункты: 1) номер кружка; 2) тема; 3) когда работал кружок (дата); 4) продолжительность работы кружка; 5) состав кружка (персонально); 6) активно руководящий кружка (сегодня это – модератор); 7) содержание работы; 8) какими пособиями пользовались; 9) принятое решение по работе кружка; 10) общие выводы (оценка); 11) подпись активно руководящего кружком. Таким образом, работа кружка позволяла вовлечь слушателей в процесс разработки тем и материалов для уроков по определенным дисциплинам, познакомиться с литературой, наметить план дальнейшей работы по самообразованию [1, л. 117–134].

По окончании курсов каждый слушатель заполнял анкету, которая включала 16 вопросов:

1. Ф.И.О.
2. Кем делегированы?
3. Сколько времени в среднем уделяли ежедневно на общую работу, на самостоятельную и общественно-политическую в неделю?
4. Удовлетворены ли Вы постановкой административной стороны курсов?
5. Есть или нет, то в чем недостатки и как их всего целесообразнее устранить в будущем?
6. В чем выразилась самоорганизация курсантов (бюро, комитет, комиссия, совет и пр.)?
7. Был ли организован учет работы курсантами (дневники, конференции, отчетные доклады, выставки и т. п.)? Какой способ считаете наиболее рациональным?
8. Удовлетворены ли Вы курсами со стороны: а) содержания (полностью, частично); б) форм и методов работы?
9. Чего, по вашему мнению, не доставало?
10. Удовлетворены ли Вы практическими работами (лабораторные, кабинетной в учреждении, экскурсиями, кружками)?
11. Можно ли было вести работу другими методами?
12. Ваше отношение к руководителям курсов.
13. Считаете ли Вы цели курсов достигнутыми и почему?
14. Какую область (род занятий) намечаете после курсов?
15. Какие сведения были полезны?

16. Общие выводы и предложения [1, л. 175–175 об.].

Кроме индивидуальных, в материалах присутствуют анкеты, которые заполняла каждая группа слушателей; проходило коллективное обсуждение итогов работы курсов (сегодня этот метод работы называется групповой дискуссией или фокусированным интервью). Ответы на эти вопросы, на наш взгляд, позволяли провести коллективную рефлексию, получить обобщенную информацию об итогах курсов переподготовки работников просвещения. Вопросы в какой-то степени повторяли индивидуальную анкету, но в то же время и дополняли ее, позволяя получить более объективную картину, сопоставив их.

Какие же вопросы ставились в этой анкете:

1. Что нам дали курсы?
2. Каковы недостатки с организационной стороны курсов?
3. Недостатки в постановке учебного плана и его практической разработки?
4. Недостатки и достоинства отдельных лекторов.
5. Что можно внести в организацию курсов дабы избежать грубых ошибок?
6. Каково, по вашему мнению, отношение слушателей к занятиям?
7. Что дали курсы с общественно-политической точки зрения?
8. В какое время года лучше организовать курсы? Почему? Можно ли это сделать? [2, л. 256].

Как видим, анкета включала вопросы, ответы на которые позволяли руководителям курсов и преподавателям получить информацию о качестве и организации работы на курсах. Причем, ответы на вопросы в большинстве изученных нами анкет носят достаточно развернутый характер. Слушатели не только констатировали то или иное событие, но и анализировали ситуацию, вносили предложения, намечали планы дальнейшей индивидуальной работы после окончания курсов.

Какие же предложения и критические замечания высказывали слушатели? Чаще всего предложения касались организационных моментов: времени и продолжительности курсов, выделении времени на самостоятельную работу, организации питания и проживания, оплаты проезда. Высказывались предложения, касающиеся уровня и качества проводимых занятий: слушатели предлагали больше времени отводить практическим занятиям, кружковой работе (по разработке комплексных методов преподавания), проведению конференций по наиболее злободневным вопросам, по посещению школ, предприятий, работе с учебными планами для сельских школ, организации воспитательной работы в школах.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-309. Оп. 6. Д. 32.

2. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 6. Д. 36.
3. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 6. Д. 210.
4. Государственный архив Курской области. Путеводитель / под ред. Ф. И. Лаппо, П. П. Пятовского. Курск, 1958.
5. Государственный архив Курской области. Путеводитель / отв. сост. Л. С. Ласочко. Курск, 2005.

Е. И. Емельянова

МОНАШЕСТВО КУРСКИХ ОБИТЕЛЕЙ В 1920-е гг.: НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

С приходом Советской власти в конце 1917 г. в рамках реализации антирелигиозной политики начались массовые закрытия церквей и монастырей по всей стране. Церковные и религиозные общества лишались права владения собственностью, права юридического лица, а все имущество объявлялось народным достоянием. Лишение имущества сопровождалось прекращением какой-либо государственной поддержки содержания церквей и священнослужителей. Монахи и духовные служители церквей и религиозных культов были отнесены к категории лиц, которые «не избираются и не могут быть избранными».

В Курской области процесс ликвидации монастырей начался в 1923 г. Постановлением Президиума Курского губисполкома от 4 сентября 1923 г. охрана всего движимого и недвижимого имущества ликвидируемых монастырей Курской губернии была возложена на коммунальный отдел. Предписывалось, что ни одна организация и ни одно учреждение не могли пользоваться имуществом ликвидируемых монастырей. Должен быть разработан план реализации и использования «всего живого и мертвого инвентаря ликвидируемых монастырей, по которому все суммы, поступающие от реализации имущества ликвидируемых монастырей, должны быть обращены на усиление местного бюджета Губисполкома». Реализация имущества в той местности, где были расположены монастыри, не разрешалась. Категорически запрещалась передача имущества в пользование отдельных лиц. Постройки и земельные участки, принадлежавшие ликвидируемым монастырям, должны были быть использованы в первую очередь под культурно-просветительные учреждения [2, л. 252–253].

Насельники монастырей были выселены из обителей. Часть из них возвращалась к родственникам на родину, часть оставалась в Курске по разным адресам. Все они были вынуждены искать себе приют и работу для пропитания.

В г. Курске накануне революционных событий 1917 г. действовало две древнейшие обители: Знаменский мужской монастырь и Свято-Троицкий женский монастырь, которые и были ликвидированы.

В Государственном архиве Курской области в фонде «Управление милиции и уголовного розыска ЦЧО 1919–1933 гг.», в деле «Домовые книги по ул. Максима Горького за 1922–1923 гг.», находим документы, в которых содержатся списки, проживающих по адресу: ул. М. Горького, 19, обозначенного как Свято-Троицкий женский монастырь. Сохранились две книги: одна содержит списки в алфавитном порядке от буквы «А» до буквы «В», вторая – от «М» до «Р». Общая численность по спискам 110 человек [5, л. 57–104 об.]. Можем предположить, что книги, содержащие списки монахинь, чьи фамилии начинались на другие буквы русского алфавита, были утеряны.

Список насельниц монастыря приводится по сквозной нумерации с сохранением последовательности фамилий и публикуется впервые. Написание населенных пунктов, фамилий и имен (возможно указано мирское имя или имя в постриге), сохранено как в оригинале документа. Возраст насельниц указан на 1923 г.

1. Аболмасова Ксения Павловна, уроженка д. Любаз Нижне-Реутской волости Фатежского уезда. 42 года.

2. Алтухова Надежда Петровна, уроженка с. Карандаково Покровской волости Щигровского уезда. 39 лет.

3. Алехина Дарья Ивановна, уроженка д. Любаз Нижне-Реутской волости Фатежского уезда. 37 лет.

4. Алехина Ольга Терентьевна, уроженка с. Вышний Любаз Нижне-Реутской волости Фатежского уезда. 35 лет.

5. Алябьева Феодора Флоровна, уроженка с. Муравлево Муравлевской волости Курского уезда. 32 года.

6. Андианова Наталья Стефановна, уроженка с. Касторная Косторнянской волости Суджанского уезда. 48 лет.

7. Ашихмина Анна Васильевна, уроженка с. Большой Змеинец Николаевской волости Щигровского уезда. 50 лет.

8. Алтухова Анна Евсеевна, уроженка с. Карандаково Покровской волости Щигровского уезда. 34 года.

9. Алтухова Ксения Яковлевна, уроженка с. Карандаково Покровской волости Щигровского уезда. 44 года.

10. Алтухова Анна Павловна, уроженка с. Карандаково Покровской волости Щигровского уезда. 55 лет.

11. Арноутова Марфа Артемьевна, уроженка д. Колычева Сдобниковской волости Фатежского уезда. 31 год.

12. Агафонова Акулина Феодоровна, уроженка с. Игина-Жилень Нижне-Реутской волости Фатежского уезда. 50 лет.

13. Агафонова Анна Ивановна, уроженка Нижне-Реутской волости Фатежского уезда. 36 лет.

14. Агафонова Ольга Иосифовна, уроженка Нижне-Реутской волости Фатежского уезда. 60 лет.
15. Атанова Пелагея Ивановна, уроженка с. Крестище Крестищенской волости Тимского уезда. 42 года.
16. Алферова Раиса Агапьевна, уроженка с. Знаменское Рождественской волости Курского уезда. 47 лет.
17. Алябьева Евфалия Афанасьевна, уроженка д. Алябьева Троицкой волости Курского уезда. 72 года.
18. Андрианова Валентина Зиновьевна, уроженка с. Касторная Косторнянской волости Суджанского уезда. 80 лет.
19. Андрианова Наталья Григорьевна, уроженка с. Касторная Косторнянской волости Суджанского уезда. 27 лет.
20. Алферова Агафия Гавриловна, уроженка с. Знаменское Рождественской волости Курского уезда. 37 лет.
21. Алтухова Вера Петровна, уроженка, с. Карандаково Покровской волости Щигровского уезда. 31 год.
22. Анненкова Ольга Ивановна, уроженка, д. Большая Анненкова Миленинской волости Фатежского уезда. 42 года.
23. Алтухова Мария Захаровна, уроженка д. Мальцево Косторнянской волости Суджанского уезда. 49 лет.
24. Амелина София Косьминична, уроженка д. Горяинова Горяиновской волости Фатежского уезда. 51 год.
25. Алехина Параскева Акиндиновна, уроженка с. Горки Карачевского уезда Орловской губернии. 80 лет.
26. Арцыбашева Аргипина Васильевна, уроженка с. Верховье Белого Колодезя Успенской волости Тимского уезда. 67 лет.
27. Алехина Наталья Ивановна, уроженка с. Новосельки Нижне-Реутской волости Фатежского уезда. 49 лет.
28. Алябьева Татьяна Ивановна, уроженка д. Алябьева Троицкой волости Курского уезда. 50 лет.
29. Арцыбашева Анастасия Васильевна, уроженка с. Верховья Белого Колодезя Успенской волости Тимского уезда. 52 года.
30. Алтухова Наталья Яковлевна, уроженка с. Карандаково Покровской волости Щигровского уезда. 37 лет.
31. Барзенкова Марфа Георгиевна, уроженка с. Новосельки Нижне-Реутской волости Фатежского уезда. 47 лет.
32. Бабаскина Васса Григорьевна, уроженка с. Полное Рождественской волости Курского уезда. 35 лет.
33. Брежнева Соломония Агньевна, уроженка с. Полное Рождественской волости Курского уезда. 39 лет.
34. Брежнева Ирина Ивановна, уроженка д. Писклова Троицкой волости Курского уезда. 27 лет.
35. Брежнева Аглаида Павловна, уроженка с. Рождественское Рождественской волости Курского уезда. 83 года.

36. Бычихина Марина Стефановна, уроженка д. Чекмаревка Рыбинской волости Обоянского уезда. 57 лет.
37. Башкиева Марфа Васильевна, уроженка с. Костельцево Афанасьевской волости Льговского уезда. 39 лет.
38. Булгакова Анна Ивановна, уроженка с. Соколя Плата Успенской волости Тимского уезда. 41 год.
39. Борзенкова Евдокия Георгиенва, уроженка с. Новосельки Нижне-Реутской волости Фатежского уезда. 53 года.
40. Булгакова Клавдия Петровна, уроженка с. Гахово Долженской волости Обоянского уезда. 56 лет.
41. Булгакова Мария Капитоновна, уроженка с. Соколя Плата Успенской волости Тимского уезда. 57 лет.
42. Базарова Сосипатра Феодоровна, уроженка с. Леженек Успенской волости Тимского уезда. 63 года.
43. Баркова Феонила Киприановна, уроженка с. Дровосечное Нетрубежской волости Малоархангельского уезда Орловской губернии. 55 лет.
44. Боева Анна Алексеевна, уроженка слоб. Сныткина Троицкой волости Щигровского уезда. 39 лет.
45. Бобрышова Евлампия Андреевна, уроженка д. Мальнево Афанасьев-Пахонской Тимского уезда. 68 лет.
46. Богданова Татьяна Ивановна, уроженка с. Соколя Плата Успенской волости Тимского уезда. 35 лет.
47. Брежнева Мария Павловна, уроженка д. Скотской Соломыковой Медвенской волости Обоянского уезда. 45 лет.
48. Бобрышева Анна Антоновна, уроженка с. Сергиевского Сергиевской волости Фатежского уезда. 39 лет.
49. Болдырева Анна Петровна, уроженка слоб. Ямской Казацкой волости Курской уезда. 39 лет.
50. Булгакова Пелагея Павловна, уроженка с. Соколя Плата Успенской волости Тимского уезда. 31 год.
51. Бурцева Екатерина Силуановна, уроженка д. Горяинова Горяиновской волости Фатежского уезда. 58 лет.
52. Булгакова Вера Карповна, уроженка с. Рышково на Клюкве Троицкой волости Курского уезда. 41 год.
53. Воробьева Александра Андреевна, уроженка с. Муравлево Муравлевской волости Курского уезда. 46 лет.
54. Веревкина Гликерия Ивановна, уроженка с. Нижнего Реутца Нижне-Реутской волости Обоянского уезда. 41 год.
55. Воробьева Надежда Георгиевна, уроженка с. Воробьевка Чермошнянской волости Курского уезда. 46 лет.
56. Мацнева Анна Георгиевна, уроженка с. Горки Хмелевской волости Фатежского уезда. 29 лет.

57. Мезенцева Мария Михайловна, уроженка д. Куначь Мелехинской волости Щигровского уезда. 37 лет.
58. Миленина Анна Семеновна, уроженка с. Вышнего Реутца Нижне-Реутской волости Обоянского уезда. 56 лет.
59. Миленина Ариадна Васильевна, уроженка с. Вышнего Реутца Нижне-Реутской волости Обоянского уезда. 77 лет.
60. Михайлова Марфа Косьминична, уроженка с. Басова Озеренской волости Щигровского уезда. 33 года.
61. Марухина Анна Лаврентьевна, уроженка с. Пахонок Афанасьев-Пахонской волости Тимского уезда. 35 лет.
62. Малахова Нонна Гавриловна, уроженка с. Виногробль Каменевской волости Курского уезда. 79 лет.
63. Михайлова Екатерина Фоминична, уроженка с. Патепок Милехинской волости Щигровского уезда. 38 лет.
64. Мелихова Феодосья Ильинична, уроженка д. Полевая Колоденской волости Курского уезда. 32 года.
65. Меркулова Вера Ефимовна, уроженка д. Жерновец Долговской волости Курского уезда. 29 лет.
66. Могилева Евфросиния Никитична, уроженка с. Борисовки Городенской волости Льговского уезда. 51 год.
67. Михайлова Пелагия Дмитриевна, уроженка д. Михайлова Каменевской волости Курского уезда. 42 года.
68. Михайлова Марья Феодоровна, уроженка с. Мелехино Мелехинской волости Щигровского уезда. 41 год.
69. Мазурова Фелонида Дмитриевна, уроженка д. Безлесная Рышковской волости Курского уезда. 74 года.
70. Михайлова Гликерия Георгиевна, уроженка д. Михайлова Каменевской волости Курского уезда. 36 лет.
71. Михайлова Акилина Феодоровна, уроженка с. Патепок Мелехинской волости Щигровского уезда. 45 лет.
72. Миленина Анастасия Максимовна, уроженка с. Нижнего Реутца Нижне-Реутской волости Обоянского уезда. 26 лет.
73. Непочатых Дарья Марковна, уроженка с. Горки Хмелевской волости Фатежского уезда. 40 лет.
74. Новикова Марфа Никитична, уроженка с. Машкина Белицы Машкинской волости Дмитриевского уезда. 29 лет.
75. Носова Магдалина Борисовна, уроженка с. Любажа Рышковской волости Курского уезда. 51 год.
76. Новикова Параскева Владимировна, уроженка с. Машкина Белица Машкинской волости Дмитриевского уезда. 26 лет.
77. Николаева Анимаиса Алексеевна, уроженка с. Богачичевой Епафинии Каширского уезда Тульской губернии. 76 лет.
78. Найденова Анастасия Григорьевна, уроженка с. Вязового Вязовской волости Старооскольской губернии. 58 лет.

79. Никонцева Марфа Яковлевна, уроженка с. Машкина Белица Машкинской волости Дмитриевского уезда. 29 лет.

80. Озерова Акилина Матвеевна, уроженка с. Троице-Красненского Шестопаоловской волости Щигровского уезда. 56 лет.

81. Непочатых Анна Трофимовна, уроженка с. Горки Хмелевской волости Фатежского уезда. 36 лет.

82. Очкасова Маргарита Митрофановна, уроженка д. Касиновки Вышне-Ольховатской волости Щигровского уезда. 53 года.

83. Очкасова Евдокия Фоминична, уроженка д. Ачкасова Вышне-Ольховатской волости Щигровского уезда. 66 лет.

84. Останкова Мария Георгиевна, уроженка с. Нижнего Реутца Нижне-Реутской волости Обоянского уезда. 49 лет.

85. Озерова Ольга Николаевна, уроженка д. Озеровой Шестопаоловской волости Щигровского уезда. 49 лет.

86. Очкасова Татьяна Сергеевна, уроженка д. Юдинка Стакановской волости Щигровского уезда. 47 лет.

87. Пожидаева Евдокия Григорьевна, уроженка с. Хон Афанасьевской волости Тимского уезда. 62 года.

88. Приваленко Марья Фоминична, уроженка с. Раутова Глушковской волости Рыльского уезда. 57 лет.

89. Переверзева Агафья Васильевна, уроженка с. Высокое Спасской волости Курского уезда. 54 года.

90. Переверзева Таисия Борисовна, уроженка с. Спасское Спасской волости Курского уезда. 51 год.

91. Пахомова Евфросиния Петровна, уроженка с. Соколя Плата Успенской волости Тимского уезда. 41 год.

92. Полозова Мария Петровна, уроженка слоб. Ямская Казацкой волости Старооскольского уезда. 60 лет.

93. Переверзева Анна Феодоровна, уроженка с. Спасское Спасской волости Курского уезда. 23 года.

94. Переверзева Екатерина Иоасафовна, уроженка д. Медведица Чаплыгинской волости Курского уезда. 23 года.

95. Писклова Акилина Дмитриевна, уроженка д. Писклова Троицкой волости Курского уезда. 48 лет.

96. Переверзева Параскева Иосифовна, уроженка д. Камышенка Спасской волости Курского уезда. 28 лет.

97. Посошкова Анфуса Тимофеевна, уроженка д. Никулина Уколовской волости Щигровского уезда. 70 лет.

98. Павлова Дарья Афанасьевна, уроженка д. Вышне-Еремино Муравлевской волости Курского уезда. 34 года.

99. Переверзева Дарья Андреевна, уроженка с. Спасское Спасской волости Курского уезда. 41 год.

100. Переверзева Евгения Николаевна, уроженка с. Спасское 1-го Спасской волости Курского уезда. 41 год.

101. Переверзева Христина Васильевна, уроженка с. Спасское Спасской волости Курского уезда. 52 года.

102. Писклова Мария Васильевна, уроженка д. Писклова Троицкой волости Курского уезда. 26 лет.

103. Поликарпова Анастасия Наумовна, уроженка с. Доброе Афанасьево-Пахонской волости Тимского уезда. 36 лет.

104. Пронская Елена Тимофеевна, уроженка д. Пронская Больше-Жировской волости Фатежского уезда. 27 лет.

105. Полозова Евдокия Петровна, уроженка с. Ямской Казацкой волости Старооскольского уезда. 50 лет.

106. Полянская Параскева Афанасьевна, уроженка с. Верховья Белого Колодезя Успенской волости Тимского уезда. 30 лет.

107. Поликарпова Варвара Наумовна, уроженка с. Доброе Афанасьево-Пахонской волости Тимского уезда. 30 лет.

108. Реутова Пелагея Михайловна, уроженка с. Конарева Колоденской волости Курского уезда. 27 лет.

109. Рындина Серафима Николаевна, уроженка г. Курска. 59 лет.

В графе о семейном положении у всех одинаковая запись – «Деввица», в графе «Чем занимается» – общая запись: «монахини».

Насельницы были выселены из монастыря, вероятно, в июле 1923 г., так как у всех в списке единая запись даты выбытия с адреса – 3.07.23 г. Дата явки в районное отделение Уголмилиции в первой книге – 22.02.1923 г., во второй – 01.03.1923 г. В графе «Куда выбыл» значится, что одни вернулись на родину, другие выбыли, не оставив адреса. Четверо указали адреса выбытия: две – деревню Шуклинка (вероятно бывший скит Свято-Троицкого монастыря) и две – улицы г. Курска [5, л. 57–104].

Выселенные сестры обители «были оставлены на произвол судьбы, вынужденные искать себе приют и работу для приобретения куска хлеба. В городе безработица и нехватка продовольствия. Многие их них не знали другой жизни, кроме монастырской и им не под силу было приспособиться к жизни в новых жестоких условиях» [8, с. 78–81].

В документах Курского Губисполкома есть запись, что «после ликвидации монастыря в конце сентября 1923 г. монахини вели среди торговавших на базаре крестьян агитацию о неправомерности коммунистам закрывать церкви, монастыри и препятствовать религиозной практике верующих» [3, л. 15.]

В фонде «Курский губернский коммунальный отдел» содержатся сведения о монахинях бывшего Александро-Невского скита женского монастыря в деревне Шуклинка. В нем было две церкви: в честь святого благоверного князя Александра Невского и в честь святителя Николая Чудотворца, с «больницей, богадельней, приютом для детей и общиной постоянно живущих в нем сестер в количестве более 90 человек» [4, л. 4]. 17 января 1925 г. комиссия ГубФО (Губфинотдела) описала имущество и личные вещи монахинь скита и поставила его на учет Госфонда. В кельи

монахинь, а это 22 деревянных флигеля, заселились дачники из г. Курска. Сестры вынуждены были оставить свое жилье. В 1927 г. имущество бывшего скита по описи передали Шуклинскому детгородку. В бывшем скиту на 30 сентября 1924 г. проживало 62 монахини, «имеющие свои собственные домовладения, построенные на территории бывшего женского монастыря при д. Шуклинка Курского уезда» еще в конце XIX – начале XX вв. [1, л. 36–37]. Список сестер публикуется впервые. Возраст указан на момент составления списка, 1924 г.

1. Агибалова Александра Григорьевна, 50 лет.
2. Алябьева Пелагея Максимовна, 41 год.
3. Беседина Матрона Никитична, 38 лет.
4. Боева Евдокия Степановна, 52 года.
5. Бойденкова Мария Игнатьевна, 65 лет.
6. Болотова Анастасия Алексеевна, 31 год.
7. Ботырева Ольга Карповна, 45 лет.
8. Бредихина Мария Васильевна, 30 лет.
9. Бредихина Мария Ивановна, 62 года.
10. Букреева Евдокия Степановна, 38 лет.
11. Бурцева Екатерина Силаевна, 50 лет.
12. Бутилова Екатерина Ивановна, 38 лет.
13. Важова Агафия Семеновна, 53 года.
14. Васютина Евдокия Георгиевна, 37 лет.
15. Власова Александра Семеновна, 72 года.
16. Воробьева Варвара Андреевна, 40 лет.
17. Горбачева Мария Алексеевна, 39 лет.
18. Гридина Матрона Ивановна, 52 года.
19. Гуторова Евдокия Андреевна, 30 лет.
20. Давыдова Мария Ивановна, 38 лет.
21. Доманова Антонина Герасимовна, 40 лет.
22. Енютина Екатерина Дмитриевна, 50 лет.
23. Ефремова Анна Ивановна, 43 года.
24. Ефремова Анна Никифоровна, 45 лет.
25. Калмыкова Татьяна Георгиевна, 53 года.
26. Кандаурова Мелания Севостьяновна, 41 год.
27. Картамышева Стефанида Васильевна, 52 года.
28. Козлова Агрепина Николаевна, 38 лет.
29. Кондратьева Александра Константиновна, 55 лет.
30. Корнеева Пелагея Афанасьевна, 47 лет.
31. Красникова Анисья Федоровна, 25 лет.
32. Красникова Матрона Михайловна, 45 лет.
33. Кузнецова Елена Васильевна, 30 лет.
34. Кулакова Матрона Кузьминична, 62 года.
35. Ломакина Анастасия Васильевна, 40 лет.
36. Маслова Агафия Матвеевна, 62 года.

37. Маслова Марфа Максимовна, 52 года.
38. Мезенцева Елена Семеновна, 50 лет.
39. Милютина Фиона Федоровна, 32 года.
40. Михайлова Надежда Григорьевна, 40 лет.
41. Михалевская Анна Григорьевна, 73 года.
42. Недригайлова Надежда Николаевна, 40 лет.
43. Овсянникова Марфа Никоноровна, 60 лет.
44. Павлова Пелагия Ивановна, 60 лет.
45. Ползикова Марфа Ивановна, 40 лет.
46. Полянская Мария Ивановна, 42 года.
47. Проскурова Евдокия Михайловна, 50 лет.
48. Русанова Варвара Ивановна, 38 лет.
49. Рыжих Фекла Евремовна, 53 года.
50. Рюмшина Епистимия Семеновна, 72 года.
51. Седых Феодосия Федотьевна, 55 лет.
52. Солодилова Ефросинья Павловна, 40 лет.
53. Степанова Ксения Федоровна, 46 лет.
54. Тимнина Наталия Ивановна, 50 лет.
55. Ткаченко Анастасия Григорьевна, 38 лет.
56. Халина Евдокия Михайловна, 50 лет.
57. Халина Мария Афанасьевна, 40 лет.
58. Шашкова Матрона Исаковна, 36 лет.
59. Шумакова Анисия Лаврентьевна, 30 лет.
60. Шумакова Елена Григорьевна, 40 лет.
61. Шумакова Матрона Денисовна, 40 лет.
62. Юдина Анастасия Григорьевна, 33 года.

Кроме того в домовых книгах по улице М. Горького г. Курска мы находим записи о монахах Курского Знаменского мужского монастыря, проживавших в 1923 г. в доме № 43. В графе «Чем занимается» указано – «монах».

1. Куркин Еремей Матвеевич, уроженец Орловской губернии Малоархангельского уезда, 58 лет.

2. Малеванец Ефросин Максимович, уроженец Черниговской губернии Черниговского уезда, местечка Седнева, 59 лет.

3. Коханов Всеволод Григорьевич, уроженец Черниговской губернии Черниговского уезда г. Березки, 47 лет.

4. Орловский Викентий Иосифович, уроженец Курской губернии Рыльского уезда села Глушково, 36 лет.

Здесь же значится монах Гончаров Андрей Павлович, уроженец Курской губернии Корочанского уезда Нечаевской волости села Соколово, 38 лет, переехавший с улицы Чикинской, 33. Насельником какого монастыря являлся не указано. Других сведений в этих документах о передвижении монахов нет [5, л. 193 об. – 195 об.].

После закрытия Знаменского мужского монастыря в 1924 г. «братия монастыря была распущена, и каждый был отправлен на место своего прежнего проживания. Часть из них продолжила свое служение Богу как церковнослужители, и многие из них впоследствии были репрессированы, часть оставила монашество и вернулась в мир к своим прежним занятиям» [7].

Судьбы насельников этих монастырей Курской епархии после закрытия обителей еще предстоит изучить, но уже сейчас известно, что в 1932 г. по уголовному делу контрреволюционной церковно-монархической организации «Ревнителю церкви», возглавляемой курским архиепископом Дамианом (Воскресенским), проходили монахини Свято-Троицкого монастыря, обвиняемые в систематической контрреволюционной агитации против Советской власти. Одни из них были заключены в концлагерь в Мордовии, другие высланы в Казахстан [6]. Фамилии насельниц Свято-Троицкого монастыря мы находим также среди подозреваемых и осужденных по так называемому делу о контрреволюционной церковно-монархической организации «Группы освобождения церкви» [8].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-200. Оп. 2. Д. 394.
2. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 1. Д. 246.
3. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 2-с. Д. 6.
4. ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 204.
5. ГАКО. Ф. Р-2642. Оп. 3. Д. 22.
6. Бунин А.Ю. Уголовное дело «Ревнителю церкви» 1932 года: курские монахини: материалы XIV Междунар. науч.-образовательных Знаменских чтений (26–29 марта 2018 г.). Курск, 2018.
7. Знаменский мужской монастырь. Официальный приходской сайт [Электронный ресурс] // URL: <http://kursk-znamen-1.cerkov.ru> (дата обращения: 05.06.2019 г.).
8. Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК – ОГПУ – НКВД / Б. Д. Беспарточный, З. Д. Ильина, В. Г. Карнаевич. Курск, 1999.

А. В. Крохина, А. Н. Манжосов, В. Н. Новиков

**«МЫ ВСЕ УЧИТЬСЯ МАСТЕРСТВУ ПРИШЛИ...»
(СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КУРСКОГО
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТЕХНИКУМА
В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ: 1930–1941 гг.)**

С одним желаньем и думой одною,
Со всех концов своей родной земли.
Мы собралися дружною семьею,
Мы все учиться мастерству пришли...

М. Исаковский

В годы первой пятилетки (1929–1932) в СССР важное место отводилось развитию железнодорожного транспорта. В этот период особую роль играла подготовка технических кадров для железнодорожного транспорта. Но общая потребность в техниках в те годы удовлетворялась лишь на 34,3–36,3 %. Для улучшения положения дел с профессиональной подготовкой будущих железнодорожников руководство НКПС приняло ряд решений по увеличению приема в техникумы в 1929–1930 гг. и значительному увеличению выпуска специалистов в 1933 г. [20, с. 123–124].

На Курском железнодорожном узле в этот период действовала вечерняя профтехшкола, которая была организована в 1919 г. [17, с. 33], а также два училища: ФЗУ и ФЗО, готовившие рабочие кадры для железнодорожного транспорта. 1 августа 1929 г. коллектив вечерней технической школы возглавил бывший комсомольский активист Ямского района Г. К. Казаков [8, л. 20–21].

В соответствии с приказом Центрального управления кадров НКПС СССР (ЦУКАДР) № ЛТ-2/148 от 27 апреля 1930 г. вечерние рабочие профшколы на сети железных дорог СССР преобразовались в вечерние техникумы. Как отметила 15 июня 1930 г. узловая газета «Свободный путь», перед узловой профтехшколою «стояла задача провести организационную работу для подготовки перехода в техникум, с тем, чтобы в новый учебный год планомерно провести теоретические занятия».

В вечерних техникумах сроки обучения предусматривались в 30 учебных часов в декаду (8 учебных дней). Все учащиеся вечерних рабочих техникумов (ВРТ) освобождались на 2 часа от основной работы, кроме дней партийных и отдыха (рабочий день тогда составлял 8 часов).

Учебный план профтехшколы включал следующие теоретические дисциплины: обществоведение, русский и иностранный языки, математику, физику, химию, техническую механику, графику. Цикл специальных дисциплин обеспечивал изучение: технологии дерева и

металлов, технологии воды и топлива, испытание теплосиловых установок, паровозы, тепловозы с испытанием и проектированием, водоснабжение, электротехнику, организацию эксплуатации тяговых хозяйств, научную организацию труда (НОТ), общие устройства и эксплуатацию железных дорог, технику безопасности и трудовое законодательство [18].

Кроме теоретической подготовки, в учебном плане вечерних техникумов предусматривались учебные работы в мастерских. Для всех слушателей вечерних техникумов вводилась обязательная производственная практика (сроком на один год), которая осуществлялась на предприятиях Курского железнодорожного узла.

В первый год вечерний техникум (ВРТ) имел 2 группы (60 человек), в которые были зачислены рабочие и служащие Курского железнодорожного узла. Коллектив Курского вечернего рабочего техникума, возглавляемый И. К. Павловым (с ноября 1930 г. – И. П. Мальцевым) проводил большую организаторскую работу. В техникуме выпускалась стенгазета «Рабочий профшколы» ее номера выпускались один раз в месяц. В сентябре 1930 г. эта газета заняла первое место по художественному оформлению среди газет Курского железнодорожного узла. Административно-педагогический и технический персонал ВРТ внес на постройку дирижабля 45 рублей, вызвав на соревнование школу профобразования Курского ж. д. узла [19].

Осенью 1930 г. произошли изменения в руководящем составе как дневного, так и вечернего тягово-эксплуатационных техникумов. Из-за острых противоречий с Курским горкомом ВКП(б) 30 октября 1930 г. в Орел был откомандирован начальник дневного техникума Г. К. Казаков [5, л. 68 об., 82]. 14 января 1931 г. по рекомендации горкома партии в должность начальника техникума вступил Я. И. Камиссинский [7, л. 106; 22, с. 1].

В конце 1930 г. коллектив вечернего рабочего техникума возглавил И. П. Мальцев [10, л. 14 об. – 15]. Учеба в вечернем рабочем техникуме завоевала популярность среди работников Курского узла. Так, в числе передовиков учебы в техникуме числились: слесарь паровозного депо А. С. Чурюканов, машинист компрессора Г. И. Масленников, смазчик букс вагонов А. В. Фурсов и др. [6, л. 2–3].

С 1 сентября 1930 г. (на базе вечернего техникума) открылось дневное отделение, которое готовило специалистов по двум специальностям – тягово-механической и путейско-строительной. В августе 1930 г. был проведен набор 120 человек для обучения по этим специальностям. Техникум тогда располагался в здании бывшей врачебной службы Московско-Киево-Воронежской железной дороги (около Западного паровозного депо). В распоряжении педагогического коллектива было восемь проходных комнат и четыре служебных помещения. Библиотека размещалась в вестибюле второго этажа. Коллектив учебного заведения вел последовательную работу по

оснащению кабинетов и лабораторий. За короткое время по-новому были оборудованы паровозный, автотормозной, черчения, физики, химии, геодезии и обществоведения кабинеты.

Приказами начальника Московско-Курской железной дороги от 15 сентября 1931 г. № 395 «О реорганизации системы подготовки и переподготовки кадров через учебные комбинаты» и от 1 октября 1931 г. № 445 «О назначении директоров учебных комбинатов» на ст. Курск был создан учебный комбинат. В его состав вошли два тяговых техникума (дневной и вечерний), школа ФЗУ (по тяговой паровозной специальности) и школа ФЗО на договорных началах. Каждое учебное заведение продолжало свою работу, но были объединены единым руководством [10, л. 25 об.].

19 октября 1931 г. в должность начальника учебного комбината ст. Курск Московско-Курской железной дороги вступил М. И. Варфоломеев [10, л. 25 об.].

Начальник вечернего техникума И. П. Мальцев [9, л. 3–4] был утвержден заведующим производственной практикой, а Я. И. Комиссинский – заведующим учебными мастерскими техникума [10, л. 26].

Путейско-строительное отделение не долго просуществовало в Курском техникуме. В конце 1931 г. оно было переведено в Горьковский тяговый техникум. Значительную организаторскую работу в коллективе учебного заведения в этот период проводили завуч И. А. Новиков, преподаватели Л. К. Мелентьев (общий курс железных дорог), И. П. Болдырев, Н. А. Овсянников (сопротивление материалов и технология металлов), Т. Г. Сонин (математика), А. С. Русин (устройство паровоза и паровозное хозяйство). К сожалению, репрессивная политика, осуществляемая в те годы на железнодорожном транспорте по отношению к старым специалистам, не способствовала закреплению педагогических кадров. Так, в марте 1932 г. по политическим мотивам был освобожден от должности завуч техникума И. А. Новиков, а в декабре 1935 г. уволен из техникума «как сын кулака» Т. Г. Сонин [10, л. 32; 11, л. 80 об.].

15 марта 1932 г. завучем дневного отделения техникума был назначен И. П. Мальцев [10, л. 32 об.]. 9 апреля 1932 г. от должности директора учебного комбината был освобожден М. И. Варфоломеев. Учебный комбинат 10 апреля 1932 г. возглавил Я. И. Камиссинский [10, л. 32 об. – 33].

Летом 1933 г. коллектив техникума ждала новая реорганизация. Согласно приказу начальника Московско-Курской железной дороги от 15 августа 1933 г. № 671 Курский тяговый техникум был выделен из состава учебного комбината в самостоятельное учебное заведение. 22 августа 1933 г. тяговый техникум в Курске возглавил А. А. Петрушов, а школу ФЗУ – П. Е. Котов [10, л. 73 об., 83 об., 84; 21].

И. П. Мальцев с 4 июня 1933 г. исполнявший обязанности начальника учебного комбината, был назначен заведующим учебной частью дневного техникума [8, л. 72 об., 84]. Он работал в этой должности до 20 августа 1934 г. [11, л. 40 об.].

Важным событием в деятельности Курского вечернего тягового техникума стал первый выпуск 14 техников паровозного хозяйства. Он состоялся 25 июля 1932 г. [10, л. 38 об.].

Выпускники Н. А. Булатников, Ф. И. Булатников, А. Ф. Плеходанов, А. И. Панышин, Ф. С. Цветков, Д. Л. Солянин, С. И. Черников, И. Н. Болдырев, К. М. Рябуха, В. С. Власов и др. были приняты техниками нормативного бюро, нормировщиками и руководителями цехов паровозного депо Курск и Курского вагонного участка.

Необходимо отметить, что многие из них стали стахановцами первых пятилеток. Так, выпускник вечернего техникума 1930 г., машинист депо Курск-Северное А. Д. Кондратьев на паровозе ИС 20-143 в сентябре 1938 г. добился рекордного межпромывочного пробега в 66 101 км. В августе 1938 г. выпускник вечернего техникума 1933 г., машинист паровоза ИС 20-144 В. В. Табачков смог добиться межпромывочного пробега паровоза в 61 288 км.

Осуществляя подготовку кадров, техникум поддерживал связь с коллективами паровозных депо Курск-Северное и Курск-Западное. Был заключён договор о сотрудничестве учебных групп техникума с паровозными бригадами локомотивов Су 100-68 (ст. машинист А. В. Беличенко) и Эу-708-48, которые принимали участие в третьем Всесоюзном конкурсе спаренных паровозных бригад (1932–1933 гг.).

В 1931 г. на протяжении полугода коллектив преподавателей и учащихся техникума был привлечен к работе бригады профессора Д. А. Штанге. На основании материалов, собранных группой выдающегося ученого-тяговика Д. А. Штанге, был издан фундаментальный труд «Тяговое хозяйство».

Осенью 1933 г. состоялся первый выпуск дневного отделения Курского тягово-эксплуатационного техникума. 20 октября 1933 г. в соответствии с приказом по Курскому техникуму дипломы были выданы 49 выпускникам. На железные дороги были направлены: Уссурийскую – 5, Томскую – 10, Омскую – 3, Рязано-Уральскую – 5, Забайкальскую – 9, Северную – 5, Западную – 5, Московско-Белорусско-Балтийскую – 5 человек. В числе первых выпускников дневного отделения были: А. В. Григорьева, М. Р. Бусленко, М. З. Мохортова, В. П. Черников, И. В. Копытов, М. И. Савенков, А. И. Шумакова, Н. Г. Канин, Л. М. Большакова, А. С. Фёдоров, В. М. Григорьевич. Многие из них по 30–40 лет отдали работе на предприятиях железнодорожного транспорта в Курске и на других железных дорогах Советского Союза [11, л. 10–12, 15–16].

В 1935 г. Курский техникум тяговой специальности был переведен в новое здание на ул. Добролюбова, 4 (где ранее располагалась служба пути Московско-Киево-Воронежской железной дороги) [11, л. 72]. С 1 сентября 1935 г. техникум получил название – Курский техникум железнодорожного транспорта. 2 июня 1937 г. он стал называться Курским техникумом паровозного хозяйства (КТПХ) [12, л. 26 об.].

В октябре 1935 г. выпуск Курского техникума состоял из 36 человек, 11 человек были распределены на Уссурийскую дорогу (П. Ф. Лузан, П. В. Черных, Н. А. Вороновский и др.), 12 – на Московско-Белорусско-Балтийскую (Д. Е. Старосельцев, П. Н. Сотников), 13 – на Кировскую (И. И. Карачевцев, Г. В. Калашников, П. Г. Старосельцев и др.) [12, л. 63–64]. Большую организаторскую работу в эти годы проводили заместитель начальника техникума по учебной работе А. Г. Кисель, преподаватели А. С. Русин, В. Н. Щуров.

В августе 1936 г. Курский техникум пополнился за счет 20 студентов ликвидированного Мичуринского железнодорожного техникума [12, л. 92, 98].

17 мая 1936 г. 25 выпускников Курского техникума получили направления на Азово-Черноморскую, Молотовскую, Октябрьскую, Кировскую, Омскую, Средне-Азиатскую железные дороги. В их числе были П. Ф. Руцкой, М. С. Салов, В. С. Пожидаев, П. П. Бунчуков, П. И. Саков, Н. З. Мохортов и др. [12, л. 91].

В июле 1937 г. в руководстве коллективом Курского техникума паровозного хозяйства произошли изменения. 10 июля 1937 г. пост начальника техникума сдал А. А. Петрушов [12, л. 33 об.]. 1 сентября 1937 г. директором Курского техникума был утвержден инженер А. И. Чуркин [13, л. 41; 4, л. 5, 8].

В августе 1939 г. направления на работу на железные дороги Сибири, Дальнего Востока, Урала, на Полтавский и Запорожский паровозно-ремонтные заводы получили 28 выпускников (С. Т. Алфёров, С. Ф. Червонев, Ф. В. Бартеньев, И. И. Пономарёв, П. А. Субботин, П. Е. Муравьёв и др.) [13, л. 124–125].

В те годы в Курском техникуме паровозного хозяйства сложился профессиональный педагогический коллектив из более 20 человек, возглавляемый начальником техникума А. И. Чуркиным. Изменилась и подчинённость учебного заведения. Так, в марте 1939 г. техникум находившийся в ведении отдела Московско-Курской (с 1936 г. – ж. д. им. Ф. Э. Дзержинского) был передан в подчинение Центрального Управления учебных заведений НКПС СССР (ЦУУЗ НКПС СССР) [13, л. 102; 15, л. 58].

В 1940 г. в техникуме уже работал 21 преподаватель. Среди них профессионализмом, бережным отношением к питомцам отличались И. Ф. Лопатьев (с 1937 г. математика, физика), Л. К. Мелентьев (с 1931 г. паровозы и техническая механика), А. С. Русин (с 1931 г. графика,

теплотехника), О. И. Вертикова (история), О. Н. Сеницына (с 1937 г. русский язык), С. Л. Харламов (технология металлов), Н. И. Шишлов (общий курс железных дорог), И. Д. Чунихин (с 1938 г. военное дело), И. И. Гладилин (с 1932 г. физкультура), В. Ф. Свистун (математика), А. И. Мисяк (с 1937 г. тяговые расчеты).

В фондах Государственного архива Курской области сохранились финансовые отчёты по деятельности коллектива Курского техникума паровозного хозяйства за годы предвоенных пятилеток. Так, в третьем квартале 1939 г. расходы госбюджета на подготовку кадров в техникуме составили 126,5 тыс. руб. [1, л. 5]. Тогда на зарплату административно-управленческого персонала (15 чел.) расходовалось 42,3 тыс. руб., на текущие расходы здания – около 15 тыс. руб., на отопление и освещение – 800 руб., на водоснабжение и водоотведение – 3,6 тыс. руб. (итого, 96,2 тыс. в месяц) [1, л. 11].

В 1939 г. в техникуме обучалось 233 человека (при приеме в год 120 человек). Из них получали стипендию 180 учащихся [2, л. 31 об]. Согласно постановлению СНК СССР от 4 июня 1938 г. № 716 зарплата всего педагогического персонала на год рассчитывалась в сумме 109 547 руб. при общей педагогической нагрузке 17 699 часов. Как отмечалось в Постановлении правительства, должностные оклады педагогов техникумов не могли быть пересмотрены без разрешения СНК СССР.

Обратимся к среднемесячной зарплате, существовавшей в марте 1939 г. в коллективе Курского паровозного техникума. Так, начальник техникума ежемесячно при 43 часах нагрузки получал зарплату в 643 руб. [3, л. 127], зам. по учебной части – 415 руб. Помощник начальника по хозяйственной части получал 400 руб., зав. мастерскими – 400 руб., заведующий библиотекой – 245 руб., секретарь комитета ВЛКСМ имел денежное обеспечение в 400 рублей [1, л. 14, 19, 22, 33].

При КТПХ с 1939 г. работала техническая школа, на содержание которой требовалось ежемесячно 3457 руб. (из них – 1500 руб. расходовалась на стипендии для курсантов, 325 руб. – на зарплату персонала) [1, л. 8].

В 1941 г. годовой бюджет КТПХ составлял 399,6 тыс. руб., из них на культурно-массовую работу расходовалось 1000 руб. В 1941 г., в техникуме обучалось 239 учащихся (при приёме в 90 чел.) [2, л. 2–3]. На оплату общежития для наименее финансово обеспеченных студентов расходовалось 2,8 тыс. руб., а на квартплату 75 учащихся – 9 тыс. руб. [2, л. 11, 60]. На оплату стипендий учащихся бюджетом техникума в год предусматривалось 132,39 тыс. руб. [2, л. 50]. На книги и учебники – 10 тыс. руб., на учебные тетради – 6 830 руб. На капитальный ремонт в техникуме расходовалось 25 тыс. руб. ежегодно [2, л. 43]. Аренда помещений в домоуправлениях г. Курска (в том числе и двух общежитий) ежегодно обходилось техникуму в 3 736,4 тыс. руб. [2, л. 60].

К 1941 г. несколько увеличилась заработная плата основных категорий административного персонала техникума (например, зарплата начальника техникума возросла на 70 руб. в сравнении с 1939 г.) и преподавателей учебного заведения.

Выпуск 1940 г. (36 человек) был в период, когда в Европе уже разгорелась Вторая мировая война. 20 июня 1940 г. 13 выпускников были призваны в ряды Красной Армии (Н. Е. Недошивкин, А. Никифоров, Н. К. Гладких и др.). 21 человек были направлены на Дзержинскую дорогу (П. И. Конарев, Б. Ф. Шаталов, П. В. Петроченко), на пограничные Львовскую и Белостокскую дороги (С. Е. Друшляк, В. Ф. Лятач, А. П. Русин, Д. А. Головачёв, Л. М. Душин, А. Л. Калужских, В. Ф. Зацарин, В. С. Доценко и др.) [15, л. 3 об., 11–12].

Выпуск 1941 г. (состоявшийся в начале Великой Отечественной войны 4 июля 1941 г.), составлял 14 человек, 6 из которых были направлены на Горьковскую дорогу (Н. А. Бобров, А. П. Паньков, В. С. Гриневич и др.), 7 – на Молотовскую дорогу (В. М. Ерёмин, И. В. Мезенцев, И. К. Звягинцев, И. П. Назин и др.) [15, л. 85–85 об.].

Таким образом, всего за предвоенные годы техникумом для железных дорог страны было подготовлено 416 специалистов среднего звена.

Многие из выпускников предвоенных лет Курского техникума паровозного хозяйства погибли в годы Великой Отечественной войны. В их числе были: П. В. Черных (выпуск 1935 г.), П. П. Бунчуков, М. С. Салов (выпуск 1936 г.), М. И. Алутин (выпуск 1938 г.), И. С. Пашин и П. Ф. Суворов (выпускники 1939 г.), Д. А. Головачёв, Д. А. Косухин (выпускники 1940 г.) [7, л. 49–50].

Ряд выпускников Курского техникума железнодорожного транспорта предвоенных лет: И. И. Карачевцев, В. В. Кудинов, С. Е. Друшляк, В. М. Ерёмин, И. В. Мезенцев работали в техникуме в качестве преподавателей и инструкторов по слесарному делу, вносили в свой вклад в дело подготовки молодых железнодорожников.

Их имена занесены на гранитные плиты памятников, сооружений в парке около Дома культуры железнодорожников, а также возле здания Курского железнодорожного техникума – филиала ПГУПС.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-540. Оп. 1. Д. 3.
3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 8. Д. 5837.
4. ГАОПИКО. Ф. П-79. Оп. 1. Д. 503.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1324. Оп. 1. Д. 10.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1324. Оп. 1. Д. 14.
7. ГАОПИКО. Ф. П-2130. Оп. 1. Д. 7.

8. Архив управления Московской железной дороги (далее – АУМЖД). Ф. 10. Оп. 2-ЛД. Д. 18588.
9. АУМЖД. Ф. 10. Оп. 2-ЛД. Д. 27130.
10. Объединенный архив Московской железной дороги (г. Курск) (далее – ОАМЖД). Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 1.
11. ОАМЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 2.
12. ОАМЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 4.
13. ОАМЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 6.
14. ОАМЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 7.
15. ОАМЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 10.
16. ОАМЖД. Ф. 24. Оп. 1-Л. Д. 11.
17. Свободный путь (Газета рабочих и служащих Курского жел. дор. узла). 1930. 15 июня.
18. Свободный путь. 1930. 7 нояб.
19. Свободный путь. 1933. 28 авг.
20. Железнодорожный транспорт в годы индустриализации СССР. 1926–1941. Сб. документов. М., 1970.
21. Книга Памяти. Курск, 2018. Т. 17. Ч. 5.
22. Булатников В.Г. Первенец. Курск, 1923.

Е. Н. Бутенко, А. Н. Манжосов

ОБ УЩЕРБЕ, НАНЕСЕННОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМУ ТРАНСПОРТУ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941–1943 гг.

С первых месяцев Великой Отечественной войны гитлеровская авиация причиняла значительный урон железнодорожному хозяйству Курской области. Так, в августе – сентябре 1941 г. уже были совершены авиационные налеты на участки Московско-Киевской (Льгов – Блохино), им. Ф.Э. Дзержинского (ст. Охочевка и Щигры) железных дорог [21, с. 17].

29 августа 1941 г. вражеская авиация впервые подвергла бомбардировке объекты Курского железнодорожного узла. В ходе налета были сброшены десятки фугасных (от 50 до 250 кг) и тысячи зажигательных бомб. Разрушению подверглись многие жилые дома железнодорожников на Владимирском поселке. Так же возникли очаги пожаров в конторах узла, в родильном доме и в здании железнодорожной поликлиники. Но специальными пожарными командами очаги пожаров были ликвидированы [5, л. 23; 3, л. 92]. В этот день погибло до 80 курских железнодорожников и членов их семей.

На плитах памятных знаков, установленных в память о погибших курских железнодорожниках, значатся фамилии погибших 29 августа 1941 г.: инспектора по подготовке кадров 6-го Курского отделения паровозного хозяйства железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского Д. Л. Солянина и трех его малолетних детей, счетовода паровозного депо

Курск А. И. Ушаковой, табельщицы 5-го вагонно-ремонтного пункта станции Курск А. П. Юркиной [14, л. 7, 63].

2 октября 1941 г. во время вражеского налета на станцию Курск было повреждено 8 путей, разрушено здание политотдела Курского отделения железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского. В сообщении обкома ВКП(б) отмечалось, что при бомбежке были убитые и раненные железнодорожники и жители Кировского района гор. Курска (в частности семьи Гуляевых и Семенихиных проживавшие по ул. 2-я Стрелецкая) [5, л. 32; 16, с. 146]. Значительный урон налетами был нанесен также железнодорожным службам Льговского узла Московско-Киевской железной дороги.

После освобождения города Курска, весной 1943 г. интенсивность вражеских налетов значительно возросла. Как отмечалось в боевом донесении штаба МПВО г. Курска начальнику УНКВД по Курской области подполковнику госбезопасности П. М. Аксенову, во время налета вражеских самолетов на ст. Курск 11 апреля 1943 г. было повреждено 30 станционных путей общей длиной 1500 метров, 75 стрелок. Было разбито 10 паровозов и повреждено 94 вагона. В районе Владимирского железнодорожного поселка были разрушены или повреждены 19 домов железнодорожников [17, с. 237]. Погибли 30 и были ранены 90 железнодорожников и мирных жителей [2, л. 43–44].

23 апреля 1943 г. в результате вражеской бомбежки Курского узла было серьезно повреждено здание узловой электростанции, сгорело 30 вагонов, было повреждено 3 паровоза, погибли 17 железнодорожников и 20 человек были ранены (красноармейцы и местные жители) [2, л. 64–65, 89–90].

Из воспоминаний начальника Управления Военно-восстановительных работ № 3 (УВВР-3) генерал-полковника технических войск П. А. Кабанова узнаем: «... с особым ожесточением фашистская авиация бомбила узлы и станции Курск, Щигры, Елец, Мармыжи, Касторная, Валуйки. Гитлеровцы старались разрушать железнодорожные мосты. Четыре раза совершались массовые налеты на мост через реку Тим. С апреля по июнь 1943 года на магистрали Центрального и Воронежского фронтов фашистские стервятники провели более 120 налетов, сбросили около 4 400 бомб... Курский узел и станция выдержали 12 массированных ударов фашистской авиации. Так, днем 2 июня и ночью 3 июня бомбардировка Курска... продолжалась 22 часа. За это время немецкие самолеты сбросили на узел 1 600 бомб. В этом налете участвовало 824 фашистских самолета. Было разрушено 12 километров станционных путей, локомотивное депо, водоемное здание, многие стрелочные переводы, 154 груженых вагона и 8 паровозов, 300 пролетов линии связи...» [19, с. 197–198].

Весной и летом 1943 г. на Курский железнодорожный узел было совершено 29 массированных налетов, в которых участвовали

1 247 вражеских самолетов [17, с. 81]. На станцию Курск было сброшено до 12 тысяч больших и малых бомб, причинивших особые разрушения железнодорожным объектам [21, с. 66].

Важно отметить, что в результате вражеских налетов и последовавших за ними взрывов и пожаров был нанесен значительный ущерб станционным постройкам и инвентарю линейных станций Курского отделения движения. Так, согласно акту об ущербе, нанесенному Курскому отделению движения, составленного в августе 1943 г., было разрушено 18 станционных зданий. Разрушения на ст. Мармыжи оценивались в сумму 179,2 тыс. руб., на ст. Щигры – 217,2 тыс. руб. Следует отметить, что только железнодорожному вокзалу Курска был нанесен ущерб в размере 1,44 млн руб. Общий размер ущерба, нанесенного немецко-фашистскими захватчиками хозяйству Курского отделения движения оценивался в 13,874 млн руб. в довоенном исчислении [1, л. 1, 3, 7]. Ущерб, причиненный предприятиям Курского отделения паровозного хозяйства превысил 21 млн руб. [6, л. 108; 21, с. 60].

Еще до вторжения немецко-фашистских захватчиков на территорию Курской области станция Курск железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского представляла технически обустроенную станцию. В результате оккупации на станции Курск из 350 стрелочных переводов 338 (96,4 %) были взорваны или разрушены. Все рельсы общей протяженностью в 54,5 км, были взорваны как на стыках, так и в двух–трех местах [8, л. 40; 6, л. 1–2].

Как следует из отчета «О работе временного управления Курского железнодорожного узла по восстановлению хозяйства узла и прилегающих к нему линейных участков четырех направлений...», составленном начальником Временного управления узла А. И. Григорьевым в марте 1943 г. «...из трех имевшихся на узле паровозных депо полностью было разрушено Западное депо. В Северном депо, за исключением корпуса обточки на 3 канавы, который в строительной части разрушен на 30 % и 3 канав главного корпуса, разрушенного в строительной части на 80 %, а в части механического разрушенного полностью. Были разрушены цеха паровозных мастерских, за исключением механического и кузнечного цеха. Три поворотных круга взорваны. Из двух водокачек, одна – разрушена полностью, вторая – в строительной части разрушена полностью, в механической части – на 80 %. Три имевшихся на узле водонапорных башни полностью разрушены. Все гидроколонны разрушены полностью, за исключением одной бесполезной для экипировки паровозов ввиду ее отдаленности. Из двух угольных эстакад – одна эстакада (при Западном депо) разобрана немцами еще до их ухода. Железобетонная эстакада (на Северном складе топлива) в строительной части подорвана на 40 % [...] Нефтекачка сожжена на 50 %, нефтехранилище емкостью 850 м³ разрушено полностью. Все служебные помещения склада топлива разрушены... Электростанция в строительной части разрушена на 50 %, в механической – разрушена полностью...

Воздушная электросеть разрушена на 60 %, инструмент и материал отсутствуют... Все имевшиеся на узле помещения, механизмы и оборудование для ремонта вагонов взорваны и приведены в негодность... По службе эксплуатации: вокзал и все технические помещения взорваны и сожжены, а часть разобрана, сигнальные принадлежности и материалы отсутствуют... По службе связи: вся воздушная сеть на узле и линии и часть столбов разрушены. Телефонная аппаратура отсутствует, за исключением 3 немецких телефонов. Отсутствуют материалы, инструменты и специальные приспособления. По материальной службе: все складочные помещения взорваны и сожжены, остался лишь подвал складочного помещения, заваленной землей...» [6, л. 1–2].

Значительный ущерб был нанесен службе связи железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского. В докладной записке, направленной 9 марта 1943 г. начальником 7-й Курской дистанции сигнализации и связи И. Н. Казаковым на имя начальника железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского А. П. Молчанова отмечалось, что восстановление проводной связи от ст. Щигры до Мармыжей будет завершено к 13 марта 1943 г. В записке подробно анализировался ход восстановительных работ по связи первой очереди на участках Курск – Льгов, Поньри – Курск, Ржава – Курск. Подчеркивалось, что на указанных участках работало 118 связистов различных специальностей. Для оборудования селекторной, диспетчерской и стрелочной связи требовалось 42 комплекта аппаратуры и 114 телефонов [15, л. 9–10].

Был нанесен огромный ущерб и Льговскому железнодорожному узлу Московско-Киевской железной дороги. Четыре вокзала станций: Льгов-I, Льгов-II, Льгов-III и Шерекино были разрушены. Взорваны и сожжены Льговское паровозное и вагонное депо, 3 железнодорожных моста [7, л. 1–3; 11, л. 57 об.]. Согласно акту оценки нанесенного ущерба, составленного 8 марта 1943 г., руководством Льговского отделения движения, на железнодорожном узле были взорваны 2 паровозных депо, с подсобными цехами, поворотным кругом, бытовыми зданиями, ущерб составил 5,5 млн руб. Были уничтожены 3 водокачки, 3 водоемных здания со всем оборудованием, электростанция, которой ущерб причинен на сумму 2,3 млн руб. По вагонной службе было разрушено депо с подсобными цехами, автоконтрольным пунктом и другими цехами, убыток 1,6 млн руб. Оккупанты уничтожили почти 1 000 погонных метров мостов на сумму 5 млн руб. Рельсов и стрелочных переводов было уничтожено на сумму 2,7 млн руб., зданий и сооружений обслуживающих путевое хозяйство на сумму 500 тыс. руб. Льговскому железнодорожному узлу в целом был нанесен ущерб на сумму 22,35 млн руб. [4, л. 5]. Не менее ощутимый урон был нанесен службе пути Московско-Киевской железной дороги: 59 км верхнего строения пути подверглись разрушениям. Были взорваны 36 мостов, в их числе через реки Сейм, Реут, Свапу, был нанесен ущерб 225 стрелочным переводам на сумму 7,7 млн руб. Например, на

станции Коренево было взорвано 10 и увезено оккупантами более 20 стрелочных переводов [24, с. 141].

Значительные разрушения также имели место на участке Валуйки – Касторная Московско-Донбасской железной дороги. Ущерб, причиненный оккупацией хозяйству Валуйского отделения движения, составлял 2,32 млн руб. Так, ущерб объектам станции Валуйки оценивался в 1,35 млн руб., станциям Старый и Новый Оскол – в 613,6 тыс. руб. В пределах Касторенского и Валуйского отделений движения Московско-Донбасской железной дороги было взорвано 62 моста. На станции Валуйки было разрушено 168 стрелочных переводов [7, л. 74; 22, с. 111].

Как следует из справки о восстановлении железнодорожного транспорта Курской области, направленной заместителем заведующего транспортным отделом обкома партии А. М. Востровым секретарю Курского обкома ВКП(б) П. И. Доронину, за период оккупации области немецко-фашистские захватчики уничтожили 9 основных и три оборотных паровозных депо, 7 вагоноремонтных депо, разрушили 132 станции, 350 железнодорожных мостов (среди них большие через реки Сейм, Реут, Тускарь, Северский Донец, Ворскла, Нежеголь), подорвали почти 2 500 стрелочных переводов. Они уничтожили все объекты водоснабжения электросилового хозяйства и автоблокировку Курского и Белгородского узлов, большинство путевых зданий и жилых домов железнодорожников [9, л. 38, 40]. Общий же ущерб, нанесенный железнодорожному хозяйству Курской области оценивался в 500 млн руб. [10, л. 2].

Не меньший ущерб был нанесен и жилому фонду железнодорожников. Так, ущерб причиненный жителям Кировского района гор. Курска составил 10 545 449 рублей. В районе было разрушено и сожжено 51,8 тыс. м² жилого фонда железнодорожников [3, л. 43]. Значительные разрушения жилищного фонда были выявлены на станциях Белгород, Ржава Южной железной дороги; Конышевка, Коренево, Дмитриев Московско-Киевской; Поныри, Вozy, Золотухино Московско-Курской железных дорог [20, с. 138]. К сентябрю 1943 г. на железнодорожных магистралях Курской области были восстановлены: один вокзал, 12 станций, 52 путевые казармы и 101 путевая будка, что существенно улучшило бытовое положение железнодорожников области [12, л. 14; 13, л. 32].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 21.
3. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 81.
4. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 267.
5. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2638.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3068.

7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3070.
8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3398
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 74.
10. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 598.
11. ГАОПИКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 281.
12. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 143.
13. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 156.
14. ГАОПИКО. Ф. П-2160. Оп. 1. Д. 157.
15. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 772.
16. Суровая правда войны. 1941 год на Курской земле в документах архивов: Сб. док-тов. Курск, 2010. Ч. 1.
17. Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов: Сб. док-тов. Курск, 2007. Ч. 3.
18. Битва под Курском: Оборонительное сражение (июль 1943 г.) / Ген. штаб Вооруж. сил СССР. Воен.-ист. упр. М., 1946. Кн. 1.
19. Кабанов П.А. Стальные перегоны. М., 1973.
20. Манжосов А.Н. Железнодорожники России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): (по материалам Центрального и Центрально-Черноземного регионов РСФСР). Курск, 2003.
21. Манжосов А.Н. Этапы большого пути: Курские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Курск, 1994. Кн. 2.
22. Русанова Т.В. Работа железнодорожников Юга России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: По материалам Курской области: дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2002.
23. Слава стоявшим на трудных постах: Трудовая деятельность железнодорожников магистралей Западного и Южного направлений в годы Великой Отечественной войны / В. В. Коровин, А. В. Величко, А.Н. Манжосов [и др.]. – Курск, 2017.
24. Сенчук Ю.Г. Железнодорожники Центрального и Центрально-Черноземного регионов РСФСР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Московской железной дороги): дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2003.

О. Н. Аргунов

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОЛХОЗНОГО ХОЗЯЙСТВА В БЕЛОВСКОМ РАЙОНЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1943–1945 гг.)

Восстановление колхозного хозяйства Беловского района Курской области началось буквально с первых дней после освобождения района от немецко-фашистских захватчиков в конце февраля – начале марта 1943 г. Об этом свидетельствуют разнообразные исторические источники, однако наиболее важными с точки зрения событийного фактора являются для нас источники, отложившиеся в архивном фонде исполнительного комитета Беловского районного Совета депутатов трудящихся. В них отражены наиболее проблемные моменты восстановления колхозного хозяйства района в военные годы. Также стоит отметить, что документы данного

архивного фонда практически не были введены в научный оборот, что делает их использование в настоящей статье весьма актуальным.

Уже на первом заседании исполкома райсовета, которое состоялось 4 апреля 1943 г., были обсуждены вопросы подготовки отдельных колхозов и сельсоветов к весеннему севу [2, л. 1 об. – 2]. Уже на втором заседании исполкома (26 апреля 1943 г.) вопрос организации весеннего сева обсуждался достаточно остро и вызвал серьезную дискуссию [2, л. 6–7]. И здесь стоит отметить следующий факт: ввиду географического положения Беловского района и отсутствия на его территории крупных промышленных предприятий, основной отраслью его экономики было сельское хозяйство, поэтому за весь исследованный нами период не было ни одного заседания исполкома райсовета, на котором бы не обсуждались вопросы, связанные с развитием колхозно-совхозного производства.

Чаще всего данные вопросы рассматривались в контексте проблем, возникающих перед беловскими аграриями. Среди них наиболее острыми были проблемы трудового участия населения, не выполнения плановых заданий, слабого применения живой и механической тягловой силы [3, л. 5–8 об.]. Здесь также стоит отметить, что данные проблемы были перманентными для восстанавливающегося колхозного хозяйства Беловского района на всем протяжении изучаемого периода. В различной степени руководство района и отдельных сельскохозяйственных артелей пыталось решить эти вопросы, но чаще всего эти решения были или половинчатыми, или не имели должного эффекта, что было обусловлено слабостью хозяйства, сильно пострадавшего за годы немецкой оккупации. Например, к середине июня 1943 г. были восстановлены первые тракторы в Беловской МТС, которые тут же вышли в поля [11, 13 июня], но качество их ремонта было таким, что простои были в несколько раз больше периодов работы [4, л. 37 об.].

Вместе с тем, несмотря на наличие подобных проблем, некоторые работы колхозникам удавалось выполнять достаточно качественно и своевременно. Так, к концу мая 1943 г. в районе активно развернулся посев крупных культур: по плану необходимо было посеять 2 149,5 га, но уже к 28 мая в районе площадь занятая крупными культурами составила свыше 3 000,0 га. Наибольшие по площади посевы были в колхозах «XII-й Октябрь» и «XIII-й Октябрь» Гоптаровского сельсовета – 117,0 и 146,0 га соответственно [11, 28 мая]. Всего же весенний сев был проведен на площади свыше 16 980,0 га [3, л. 7 об.], что было значительно меньше довоенных посевных площадей, но большой заслугой местной трудовой населения.

Вместе с тем, колхозы и колхозники также имели проблемы, решить которые они не могли по объективным причинам. Связаны они были с функционированием властных структур на освобожденных территориях. Во многие из них смогли пробраться люди, которые использовали свое положение только для собственных личных целей, чаще всего связанных с

обогащением и присвоением чужого имущества. В большинстве случаев справиться с этими проблемами могли только органы прокуратуры и милиции. Так весной 1943 г. было и в Беловском районе проводились так называемые «заготовки», которые прокурорскими работниками квалифицировались как незаконные изъятия скота, предметов одежды, продуктов питания, семенного материала и пр. Данные «заготовки» проводились с ведома и под контролем руководства района, для чего при райсовете и райуполнаркомзаге были организованы специальные склады для хранения «заготовок». На какие нужды потом шли эти товары и продукты питания – неизвестно, но через данные склады было разбазарено и незаконно присвоено руководящими работниками района: мяса 4 966 кг, муки 7 454 кг, яиц 41 334 штук, масла сливочного 336 кг, сахара 995 кг [1, л. 233].

Как уже отмечалось выше, на всем протяжении исследуемого периода Беловский район испытывал достаточно серьезные трудности, связанные с недостатком живой и механической тяговой силы. Так, к весне 1944 г. Беловская и Долгобудская МТС района имели 14 и 9 тракторов соответственно, из которых все подлежали капитальному ремонту и не могли быть привлечены к весенним полевым работам (всего по этим двум МТС к концу февраля было отремонтировано только 6 тракторов) [5, л. 10 об., 20]. Поэтому колхозы больше ориентировались на привлечение к работам как можно большего количества колхозников и их скота. В первую очередь, это относилось к использованию коров в качестве основной тяговой силы и повсеместному введению звеньевой системы в организации труда.

Уже весной 1943 г. постепенно в колхозах области стали вводить звенья. В Беловском районе к лету 1943 г. звеньевая система организации труда колхозников активно функционировала. Она была направлена на улучшение организации труда и компенсацию недостатка механической и живой тяговой силы. Наиболее активно эти процессы шли в сельскохозяйственной артели «Победа» Ильковского сельсовета, где к работе в звеньях привлекалось практически все трудоспособные колхозники и колхозницы [11, 23 июня]. Однако и здесь случались некоторые эксцессы в их организации. Так, в колхозе «Путь вперед» Беловского сельсовета в качестве звеньевых были назначены 13-и – 14-летние девочки, которые не только не имели опыта организаторской работы, но даже не числились работницами колхоза [12, 16 янв.].

Именно введение звеньевой системы организации труда позволило колхозам в 1943 г. достаточно успешно справиться с поставленными перед ними задачами и вовремя убрать выращенный урожай, а в 1944 г. достаточно успешно подготовиться к зимнее-полевым работам, как было отмечено на заседании 8-й сессии Беловского райсовета депутатов трудящихся от 25 февраля 1944 г. [5, л. 18–21]. Решением сессии отмечалось, что в целом колхозы района успешно справились с

поставленными перед ними задачами, но если рассматривать проблему восстановления аграрного производства в разрезе отдельных сельскохозяйственных артелей, то можно увидеть, что значительная часть колхозов серьезно отставали: например, все колхозы Петровобудского сельсовета практически не имели собственных семян. К концу февраля 1944 г. ими было заложено только 29,0 % от необходимого семенного фонда [5, л. 20]. И таких примеров по району было достаточно много.

Однако и данные проблемы партийно-государственным руководством района решались. Так, уже в середине марта 1944 г. в МТС района поступили 20 новых тракторов из Тамбовской области [6, л. 7 об. – 8] и пр.

В целом, 125есеннее-полевые работы 1944 г. в колхозах Беловского района шли достаточно быстрыми темпами: уже к 15 мая весенний сев по району был выполнен в среднем на 69,0 %, но были сельсоветы, которые не справлялись с объемами работ. Среди них можно выделить Беловский (50,0 %), Малосолдатский (45,0 %), Пенский (52,0 %) и другие [12, 18 мая]. А к 4 июня 17 колхозов из 66 имевшихся в районе перевыполнили план сева [12, 4 июня]. Достаточно рано началась и уборка урожая.

Первыми в Беловском районе начали убирать урожай и сдавать зерно в Гирьянском сельсовете: 24 июля 1944 г. колхозники колхоза имени Ворошилова вывезли первые 20,0 ц зерна в счет обязательной поставки государству [12, 29 июля]. Уборка шла настолько быстрыми темпами, что к 25 июля уже было убрано около 30,0 % зерновых культур, а в колхозах «Пятилетка» Ильковского сельсовета и «Красный бахмутец» Вишневого сельсовета к этой же дате были убраны все площади, занятые озимой рожью [12, 29 июля]. К 10 августа было убрано уже 68,0 % зерновых культур [12, 1944. 13 авг.].

Если говорить в целом об итогах 1944 г., то все агротехнические мероприятия были выполнены колхозами района в более сжатые сроки и на более высоком организационном уровне. Об этом свидетельствуют, к примеру, темпы обмолота и закладки семенного зерна. Уже к 18 декабря 1944 г. колхозами района было заложено 7 375,9 ц семян зерновых культур [7, л. 40 об. – 41]. Хотя часть колхозов не справилось с закладкой семенного материала, и весной 1945 г. им была выдана семенная ссуда [10, л. 3].

При этом в 1944 г. стала проявляться еще одна негативная тенденция: все больше колхозников в районе стали не вырабатывать обязательного минимума трудодней. Уже за первый период сельскохозяйственных работ в 1944 г. не выработали минимума трудодней 1 061 колхозник, а во втором и третьем периодах 463 и 380 человек соответственно. За не выработку трудодней только за первую половину 1944 г. к уголовной ответственности было привлечено 42 человека, что говорит о серьезности данной проблемы для местных властей [7, л. 24 об.]. С данной тенденцией руководство района пыталось бороться, но

безуспешно: для ее преодоления необходимо было увеличивать материальное обеспечение трудодней, а средств у сельхозартелей района на это не было.

Однако стоит отметить, что не менее высокими, чем в 1944 г. темпами шли сельскохозяйственные работы весной 1945 г.: за четыре дня с 20 по 24 апреля выполнение плана посевных работ увеличилось с 8,5 до 18,6 % в среднем по району, а к 12 мая колхозы засеяли больше половины запланированных площадей, хотя все еще оставались колхозы слабо вовлеченные в посевную кампанию. Достигнуты такие успехи были преимущественно за счет строгой организации труда: во многих сельскохозяйственных артелях как, например, в колхозе имени Ленина выход колхозников на работы составил около ста процентов. Добиться подобной организации труда удалось за счет совершенствования звеньевой системы, а также системы авансирования колхозников. К 15 июня весенний сев по колхозам был закончен [13, 21, 26 апр.; 13 мая; 17 июня]. Не менее быстрыми темпами проходила и уборка урожая: уже к 5 августа в колхозе «Верный путь» Бобравского сельсовета была скошена вся рожь, началась молотба хлебов. Уже к 10 августа в районе была убрана половина посевных площадей, но район значительно отставал по объемам хлебопоставок: к 20 августа было сдано только 5,5 % зерна от запланированного, хотя колхоз «РККМ» Ильковского сельсовета на эту же дату полностью рассчитался с государством по поставкам [13, 5 авг.; 12 авг.; 26 авг.].

Об успехах в восстановлении хозяйства может говорить хотя бы тот факт, что уже в 1945 г. в колхозах Курской области были организованы заготовки картофеля для Сталинградской области [9, л. 63].

Помимо решения общих вопросов, связанных с восстановлением аграрного производства в колхозах Беловского района, также на повестке дня перед партийно-государственным руководством района были проблемы по интенсификации сельского хозяйства. Начиная с 1944 г. в районе постепенно стали восстанавливать правильные севообороты, что еще в большей степени должно было развить успехи сельскохозяйственного производства [12, 28 сент.]. В 1945 г. этот процесс был продолжен: практически в каждом колхозе были организованы работы по разработке севооборотов для отдельных земельных участков и полей. При этом в некоторых колхозах севообороты уже в 1945 г. должны были занимать несколько сотен гектаров, как это было в колхозе «Коммунар» Петровобудского сельсовета [8, л. 2–2 об.].

Помимо возрождения основного сельскохозяйственного производства в колхозах района восстанавливались и подсобные предприятия, в том числе и кузницы. Однако из-за недостатка рабочих рук даже в таком мужском деле стали принимать участие и женщины. Так, в колхозе «XII Октябрь» Гоптаровского сельсовета колхозница Евдокия

Глущенко окончила курсы кузнецов и успешно работала на колхозной кузнице, занимаясь ремонтом инвентаря [12, 24 февр.].

Удивительно, но уже в 1944 г. в районе стало возрождаться шелководство: планировалось разведение тутового шелкопряда, для этих целей выделялось 70,0 га пахотных земель, а уже к концу года в районе должны были заготовить 315,0 кг коконов [6, л. 37].

Параллельно организационно-хозяйственного укрепления колхозного хозяйства партийно-государственное руководство района также уделяло значительное внимание подготовке колхозных кадров, в том числе и руководящих. Стоит отметить, что кадровый дефицит, сложившийся в Курской области после освобождения, был обусловлен исключительно объективными факторами. Большая часть мужского населения была на фронте, а до войны женщин на руководящих должностях в колхозном производстве практически не было. В связи с этим, когда в колхозах района завершилась активная фаза сельскохозяйственных работ, в конце декабря 1943 г. были организованы курсы председателей колхозов, для обучения колхозных руководителей основам управления сельскохозяйственными артелями [11, 23 дек.]. В 1944 и 1945 гг. подобные курсы уже проводились на регулярной основе.

Однако далеко не во всех сельхозартелях были ответственные руководители. Например, в колхозе «Крутой лог» Щеголянского сельсовета председатель Абакумов занимался систематической пьянкой, в связи с чем практически полностью был сорван сев яровых культур, а также ежедневно на работы не выходили на работу 70–80 колхозниц, в связи с тем, что председателем не были организованы ясли [12, 11 мая].

Таким образом, можно сделать вывод, что восстановление колхозного хозяйства в Беловском районе Курской области в военный период происходило по нескольким направлениям. Проблемы, возникавшие перед беловскими аграриями, решались в совокупности, что является достаточно эффективным управленческим решением. Вместе с тем, многие проблемы, имевшиеся в сельском хозяйстве района (низкая урожайность культур, неучастие в полевых работах части колхозников, недостаточное развитие технической базы МТС и др.), так и не были решены в изучаемый период, что создавало дополнительные трудности в развитии колхозного производства Беловского района уже в послевоенные годы.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-369. Оп. 4. Д. 4.
2. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 2.
4. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 9.
5. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 10.

6. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 11.
7. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 19.
8. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 27.
9. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 28.
10. ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 30.
11. Беловская правда. 1943.
12. Беловская правда. 1944.
13. Беловская правда. 1945.

Н. Г. Кононов

**ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА
ДМИТРИЕВСКОГО ОБОЗНОГО ЗАВОДА
(1943–1945 гг.)**

Строительство Дмитриевского обозного завода отдела местной промышленности (ОМП) Курской области началось в соответствии с решением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. за № 901 [2, л. 167]. Адрес завода: город Дмитриев, ул. Революционная, 24.

Полная сметная стоимость завода по утвержденной смете составляла 220 696 руб., в том числе стоимость главного корпуса – 178 696 руб., строительство лесопилки – 15 тыс. рублей, ограждение территории – 10 тыс. рублей, постройка проходной будки – 3 тыс. рублей, противопожарные мероприятия – 14 тыс. рублей. На начало 1944 г. было освоено 45 750 руб. [8, л. 8].

При строительстве Дмитриевского обозного завода планировалось построить: деревообделочный, сборочный, кузнечный, механический цеха, склад готовой продукции и подвальное помещение [8, л. 40].

Предусматривался выпуск в готовом виде одноконных разводных ходов с дубовой серединой и с дубовыми деталями колес в количестве 1500 ходов в год.

Под производство ходов приспособлялось частично разрушенное здание бывшей мебельной фабрики.

Заготовка обода, клепки и грядок предусматривалось отдельно – непосредственно на месте лесных разработок.

Для производства 1500 одноконных повозок требовалось: 18,7 т чугуна, 217,7 т сортового железа, 7 т метиза, а всего металла – 243,4 т, лесоматериала – 401,5 м³.

Потребность в станках с механическим приводом определялась в количестве 12 единиц. Требовалось также 8 станков и приспособлений ручных, 7 разных верстаков для ручной работы, 3 плиты и одна горизонтально-маятниковая (балансировочная) пила для установления ее во дворе на территории завода.

Для успешной работы завода планировалось иметь 40 производственных рабочих, в том числе 11 – для деревообработки, 24 – для металлообработки, 5 – для сборки и окраски и 8 человек вспомогательных рабочих. Для цехов требовалось 3 мастера – по деревообработке, металлообработке и для сборки. Планировалось иметь 2 бригадира и 2 уборщицы, а всего – 55 человек производственного персонала, не считая административно управленческого аппарата.

Для перевозки лесоматериала необходимо было иметь 17 лошадей и 1 выездную лошадь с упряжью. Для межцеховых перевозок на территории завода прокладывался узкоколейный путь протяженностью 145 погонных м.

Требовалось также 18 человек подсобных работников: 1 – завтранспортом, 1 – завконным двором, 1 – счетовод-конторщик, 3 – конюха, 12 – возчиков грузов [8, л. 167].

Своим решением от 27 октября 1943 г. Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистской оккупации, после заслушивания отчета секретаря Курского обкома ВКП(б) П. И. Доронина и председателя облисполкома В. В. Волчкова о выполнении в Курской области постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. обязал Наркома местной промышленности РСФСР В. П. Смиряева для пуска Дмитриевского обозного завода в IV квартале 1943 г. отгрузить до 15 ноября 1943 г. для завода 2 циркулярных пилы и 1 станок Рейсмус, 1 сверлильно-вертикальный, 1 спицекоперовальный, 1 токарный по металлу станков, 1 винтовой пресс и 400 осей железных для повозок [12, с. 218, 223].

Однако, как следовало из приказа по Народному комиссариату местной промышленности РСФСР от 6 ноября 1943 г. № 2149, организация завода обозного инвентаря в Дмитриевском районе проходила крайне медленно. К выпуску необходимого области обозного инвентаря (саней, колес) завод так и не приступил.

Само Управление ОМП области (управляющий С. К. Серенко) не было полностью укомплектовано и не могло оказать необходимую помощь в строительстве Дмитриевского обозного завода. Тем не менее НКМП РСФСР предписал областному управлению ОМП добиться окончания строительных работ и введение в эксплуатацию Дмитриевского обозного завода не позднее 19 декабря 1943 г.

Для обеспечения Дмитриевского обозного завода оборудованием предписывалось отгрузить Курскому ОМП на станцию Дмитриев Московско-Киевской железной дороги до 15 ноября 1943 г. с Омского обозного завода 1 сверлильный и 1 спицекопировальный станки; из Москвы – 1 винтовой ручной пресс с завода «Мосштамп», 1 фуговочный станок с ДОЗа № 3 и 2 циркулярных пилы с ДОЗов № 1 и 2, 1 токарно-винторезный станок с Московского ремонтно-механического завода и др.

оборудование [2, л. 167]. Однако к намеченному сроку оборудование на завод так и не поступило.

Несмотря на многие организационные сложности, с которыми столкнулся небольшой коллектив завода, всё же на 28 ноября 1943 г. основное производственное задание было выполнено на 40 %. Полностью был закончен деревообрабатывающий цех без установки оборудования, построены кузнечный и слесарно-механический цеха, в которых оставалось подшить потолки и забетонировать полы. Сделаны и подогнаны оконные переплеты, основа под печь горно, в сборочном цехе уложены балки и т. п. [1, л. 35].

Невыполнение полностью запланированных работ было связано с плохой организацией труда, с отсутствием квалифицированной рабочей силы, транспорта. В связи с этим острая нужда была в доставке лесоматериала. Да и место его заготовки еще не было четко определено.

Тогда во исполнения решения Курского облисполкома от 25 сентября 1943 г. № 467 17 декабря 1943 г. было издано распоряжение облисполкома № 304, в соответствии с которым облисполком обязывал начальника Управления лесной отрасли и лесного насаждения выделить Управлению местной промышленности лесосечный фонд в объеме 1500 м³ из Дерюгинского лесхоза для обеспечения сырьем Дмитриевского обозного завода [8, л. 36].

В силу указанных выше причин в 1943 г. Дмитриевский обозный завод не был введен в эксплуатацию.

На 1944 г. на строительство Дмитриевского обозного завода планировалось выделить 175 тыс. руб. капиталовложений, в том числе на строительство главного производственного корпуса – 133 тыс. руб., лесопилки – 15 тыс. руб., на ограждение территории – 10 тыс. руб., на постройку проходной будки – 3 тыс. руб. и на противопожарные мероприятия – 14 тыс. руб.

Из выделенной суммы на строительные работы направлялось 93 тыс. руб. Из них на строительство корпуса 51 тыс. руб., на оборудование главного корпуса – 82 тыс. руб. [8, л. 8].

В 1943 г. завод не имел планов по количеству рабочей силы и по выработке валовой продукции. Но уже в 1944 г. планировалось выработать валовой продукции в неизменных ценах 1926/27 г. на общую сумму в 38,5 тыс. руб.

Для выполнения этой производственной программы заводу предписывалось иметь 80 человек производственного персонала, в том числе 19 рабочих, 29 учеников, 9 ИТР, 11 служащих, 12 человек младшего обслуживающего персонала (МОП).

Фактически же среднегодовая численность производственного персонала была совершенно иной: рабочих – 11 человек, учеников – 4, ИТР – 3, служащих – 2, МОП – 2, а всего 22 человека, или 27 % к плану [5,

л. 9]. Кстати, численность производственного персонала в течение года постоянно менялась.

Тем не менее, к апрелю 1944 г. в основном были готовы все цеха, готово к установке и оборудованию, которое находилось еще в пути с января 1944 г.

В январе 1944 г. строительство завода посетил заместитель наркома местной промышленности РСФСР Некрасов, который обещал ускорить высылку оборудования для завода и выделить транспорт – автомашину и лошадей. Но до апреля 1944 г. ни оборудования, ни транспорта не было получено.

А заводу требовались: 10 лошадей, 1 автомашина, 1 двигатель, 4 наковальни, 4 комплекта кузнечного и слесарного оборудования, 10 комплектов разных сверл и т. п. [11, л. 28].

Местные органы власти пытались оказать посильную помощь в строительстве завода. 27 мая 1944 г., протокол № 149, бюро Дмитриевского райкома ВКП(б) заслушало доклад директора Дмитриевского обозного завода Хамзова о работе завода. Накануне обсуждения вопроса на бюро райкома партии завод был обследован.

В ходе обсуждения на бюро партии данного вопроса было отмечено, что установленный правительством срок окончания строительства завода директором завода не выполнен. На 20 мая 1944 г. строительные работы были выполнены только на 54 %, монтажные – на 26 %, в колесном цехе потолок не закончен (речь шла о штукатурке потолка), не завершено строительство печей, слесарно-механического цеха, установка станков. В конторе не сделан потолок и не поставлены оконные переплеты. Не восстановлено машинное отделение, не приступили к восстановлению кузницы. Имеющийся транспорт в количестве 5 лошадей недостаточно использовался на подвозке строительных материалов на строительную площадку. Не подвезен и кирпич, находящийся на территории Дерюгинского лесозавода. Не доставлен на место выделенный Льговским лесхозом обод в количестве 400 станков, не вывезен уголь, выделенный для кузнечных работ.

Имеющаяся рабочая сила: плотники, пильщики и др. на работах не использовались и были отпущены. Выделенный наряд на лесосечный фонд в количестве 900 м³ не заготавливался. Директор завода отказался от его заготовки, требуя дать ему готовый лесоматериал. Имеющаяся рабочая сила использовалась неправильно, нормы работы и расценки до рабочих не были доведены. Учет и отчетность были поставлены плохо, предоставлялись не вовремя и с большим опозданием. Слабой на заводе оставалась и политико-массовая работа, отсутствовали доски показателей.

Директор завода вместо принятия конкретных решений и решительных мер по строительству, стал на путь «хныкания», сваливал все на трудности.

За такое отношение к порученному делу бюро Дмитриевского райкома партии высказало директору завода Хамзову строгое замечание и обязало его закончить строительство завода к 1 июля 1944 г. Для этого предлагалось принять срочные меры к завозу лесоматериала на стройплощадку завода в объеме, обеспечивающем окончание строительства. Было предложено к 5 июня 1944 г. обеспечить завоз кирпича в количестве 20 тыс. штук для фундаментов и печей, используя разборку оставшегося здания бывшего лесопильного завода. Директору завода предписывалось немедленно приступить к строительству цеха под машинное отделение и закончить его в полном объеме к 20 июня 1944 г.

Бюро райкома партии обязало директора завода организовать лесозаготовку с таким расчетом, чтобы выделенный лесосечный фонд был полностью использован для строительства и эксплуатации предприятия.

Также директору завода рекомендовалось немедленно скупить и перебросить на одну из железнодорожных станций 400 станков обода, находящегося в Львовском районе. Была высказана просьба к ОМП области изыскать вагон для переброски обода из Львова, а также выделить наряд на получение горючего (бензина) на июнь в количестве 300 кг для подвозки лесоматериала к строительству.

Было высказано также требование не позднее 4 июня 1944 г. укомплектовать аппарат завода рабочими и инженерно-техническим персоналом, организовать доску показателей и довести до каждого рабочего нормы выработки и расценки за единицу изделий, регулярно сообщать рабочим о ходе их выполнения.

Бюро Дмитриевского райкома партии обратилось с просьбой к Курскому обкому ВКП(б) поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) о выполнении постановления СНК РСФСР об отгрузке обозному заводу 75-сильного локомобиля.

Директор Дмитриевского обозного завода Хамзов также был предупрежден, что, если он не исправит положение со строительством завода в указанный срок, он будет снят с работы и привлечен к партийной ответственности [10, л. 164–166].

Выполняя решения СНК СССР и ЦК ВКП(б), Курского облисполкома и Дмитриевского райкома партии, дирекция Дмитриевского обозного завода проделала определенную работу по введению предприятия в эксплуатацию. В 1944 г. в целом завод успешно освоил выделенные ему капиталовложения в сумме 175 тыс. рублей. На выделенные заводу средства были приобретены: локомотив, генератор, циркулярная пила, 4 станка – фуговальный, сверлильный, токарный и токарно-винторезный, 5 электромоторов, 3-е тисков. В основном были закончены строительство главного корпуса завода и монтаж электросетей, построена столовая, произведено огораживание территории предприятия [5, л. 5].

С марта 1944 г. завод начал работать по выпуску продукции, хотя в этом году в основном производились строительные работы: шло восстановление производственных корпусов, монтаж агрегатов и оборудования. Производство готовой продукции имело организационно-ученический характер. Основные производственные сооружения на заводе были закончены, агрегаты и оборудование смонтированы, и завод в 1944 г. был подготовлен к пусковому периоду. Необходимо было еще построить подсобные помещения: склады, цеха ширпотреба, сушильную камеру, конный двор и др.

Все затраты на восстановление завода составили вместо 220,7 тыс. руб. 215,5 тыс. руб. Строительство главного корпуса завода обошлось в 120,5 тыс. рублей вместо плановых 96 тыс. руб. Среднесписочный состав строительных рабочих определялся в 18 человек, в том числе квалифицированных рабочих – 8 человек.

Вместе с тем, не хватало цемента, древесины, запчастей и инструментов. Лесозаготовительные работы были выполнены только на 70 %, так как не было пил, топоров, напильников.

Все это не позволило заводу закончить все строительные работы к 7 ноября 1944 г., как обещал трудовой коллектив завода согласно своим социалистическим обязательствам.

В течение II и III кварталов на заводе работало 5 производственных рабочих и 5 учеников, то есть 25 % от запланированного (22 человека). В IV квартале контингент рабочих пополнился за счет учеников ФЗО в количестве 14 человек, что реально не сказалось на росте валовой продукции, так как ученики не имели практических навыков в работе [5, л. 7, 19].

О готовности в основном завода к пуску писали и руководители Управления ОМП области. Как следует из письма заведующего ОМП области Н. И. Геннадика и главного инженера ОМП А. В. Рип-Рипсона от 5 ноября 1944 г. начальнику Сельхозснаба Кузменко, пуск обозного завода задерживается из-за отсутствия приводного ремня длиной в 30 м и шириной в 250 мм, необходимого для сопряжения локомобиля с генератором [3, л. 237].

Заведующий Отделом местной промышленности Курской области С. К. Серенко также информировал председателя СНК РСФСР А. Н. Косыгина в своем письме от 9 ноября 1944 г., что ОМП Курской области закончил строительство обозного завода в городе Дмитриеве согласно решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г., но пустить завод на полную мощность не представляется возможным в силу отсутствия транспорта.

Согласно производственному плану, сообщал С. К. Серенко, заводу необходимо было иметь 18 лошадей и 2 автомашины, чтобы обеспечить вывоз 2 000 станков обода, 500 пар полоза и др. лесоматериала на расстоянии между заводом и лесоматериалами 25–30 км.

С. К. Серенко просил А. Н. Косыгина оказать заводу необходимую помощь в приобретении транспорта, а также обязать НКМП РСФСР запланировать поставку заводу 80 т шинного железа, 1 000 штук втулок № 3, 20 т сортового железа, 40 т кузнечного угля [4, л. 40].

Несмотря на указанные трудности, в 1944 г. Дмитриевский обозный завод начал выпускать продукцию. В том же году завод должен был выработать валовой продукции в неизменных ценах 1926/27 г. на сумму в 38,5 тыс. руб. Фактически же ее было произведено на 14,1 тыс. руб., или 36,1 % к плановому заданию. Не был выполнен и план по росту производительности труда. Среднегодовая выработка на одного производственного рабочего должна была составлять 2 100 руб., реально же она составила 1 281 руб., или 61 % к плану.

Не был выполнен план и по номенклатуре изделий. Заводу планировалось выпустить 530 станков колес, выпущено же было 216 станков (40,9 % к плану), саней – соответственно 200 штук и 11 штук, произвести заготовку древесины 900 м³, а было заготовлено 635 м³ [5, л. 7, 9]. Ходов одноконных следовало изготовить 84 штуки, изготовлено было только 5 (5,9 %).

Кроме того, вне плана завод произвел 26 тыс. штук колесных спиц, 93 подушки, 26 середки ходов [9, л. 2, 13].

Основными причинами невыполнения производственной программы были связаны с недоукомплектованностью производства квалифицированными кадрами рабочих, необеспеченностью производственным сырьем, отсутствием транспорта [5, л. 5, 7, 19]. К тому же, изготовление заводом изделий предусматривалось с учетом механизации основных производственных процессов. Однако выполнять их приходилось в основном вручную, кустарным способом.

И все же, как отмечалось в годовом отчете ОМП области за 1944 г., строительство завода в основном было закончено [1, л. 214]. Для ускорения пуска завода в эксплуатацию ОМП области направил своих представителей на Дмитриевский обозный завод, которые вместе с ИТР предприятия пришли к выводу, что в основном завод может быть пущен в эксплуатацию в случае получения некоторого оборудования и транспорта. Однако на деле все оказалось не так.

14 июня 1945 г. Курский областной исполком депутатов трудящихся принимает постановление за № 610 «О выполнении решения исполкома облсовета от 7 декабря 1944 г. за № 1459 “О Дмитриевском обозном заводе”» в котором отмечалось, что Отдел местной промышленности области (завотделом С. К. Серенко) не выполнил указанное решение и что ОМП стал на путь очковтирательства, заверив облисполком в том, что Дмитриевский обозный завод готов к эксплуатации и что ввод его в действие лимитируется сырьем.

Проверкой же было установлено, что из 9 станков установлено только 4.

Произведенный 10 июня 1945 г. пробный пуск завода положительных результатов не дал. После 4-часовой работы в связи с нагревом генератора завод был остановлен. График пуска завода ОМП с дирекцией завода не согласовывался. Наличный транспорт завода (10 лошадей и 1 пара волов) на вывозке лесоматериала использовался крайне неудовлетворительно. За 5 месяцев 1945 г. собственным транспортом подвезено всего лишь 70 м³ древесины.

Решение облисполкома от 7 декабря 1944 г. в части выделения рабочей силы и подвоза лесоматериала Дмитриевским, Михайловским и Хомутовским райисполкомами также выполнено не было. Облторготдел не выполнил решения облисполкома о выделении заводу 50 комплектов постельных принадлежностей.

В результате этого Дмитриевский обозный завод за 5 месяцев выполнил производственную программу только на 10,4 %, при этом выпуская продукцию низкого качества.

Облисполком признал, что ОМП (С. К. Серенко) и руководство обозного завода (директор завода В. Е. Воронин), проявили полную бездеятельность и тем самым сорвали установленные облисполкомом сроки ввода в эксплуатацию обозного завода.

Курский облисполком обязал ОМП (зам. управляющего Геннадика и главного инженера Рип-Рипсона) немедленно выехать на Дмитриевский обозный завод и обеспечить его пуск к 22 июня 1945 г. Было сделано предупреждение, что руководство ОМП и дирекция завода (Воронин) несут полную ответственность за пуск завода.

ОМП обязывался разработать график по производству станков для выпуска ходов к 1 июля 1945 г., направив на Дмитриевский обозный завод 15 колесников и 5 столяров из числа выпускников Чернянской школы ФЗО.

Облисполком потребовал от Облторга (Архипова) в декадный срок выполнить его решение от 7 декабря 1944 г. в части выделения 50 комплектов постельных принадлежностей для обозного завода и обеспечить бесперебойное снабжение наличного контингента рабочих продуктами питания.

Предлагалось направить Дмитриевскому обозному заводу необходимое количество втулок (500 штук), железа шинного, сортового угля и т. д.

Директор завода (В. Е. Воронин) обязывался оборудовать водоснабжение котельной, установку насоса с питательными трубами для запасного чана к 1 августа 1945 г., закончить сушильную камеру к 15 июля 1945 г. и т. п.

Для проверки причин срыва и пуска завода в действие было предложено командировать на Дмитриевский завод комиссию в составе облпрокурора и главного инженера сельмаша Облземотдела Беляева [6, л. 48–49].

Как же руководство Дмитриевского обозного завода решило задачи, поставленные перед ним Курским облисполкомом?

В 1945 г. планировалось заводу продолжить работу по наращиванию производственной мощности. Планом предусматривалось выработать валовой продукции на сумму в 149,1 тыс. рублей, что в 10,5 раз превышало аналогичный показатель 1944 г.

Для выполнения производственной программы 1945 г. обозному заводу предписывалось иметь 105 человек производственного персонала, в том числе 52 рабочих, 22 ученика, 9 ИТР, 6 служащих 16 человек МОП. Реально же производственный персонал завода составлял 57 человек, в их числе 30 производственных рабочих. Не был выполнен план и по другим категориям производственного персонала.

В натуральном выражении планировалось произвести 600 единиц ходов для телег, саней – 300, станов колес – 750 штук, станов обода – 750. Как видим, производственный план 1945 г. по сравнению с 1944 г. был весьма напряженным. Его можно было выполнить только при наличии необходимого количества квалифицированной рабочей силы, лесного материала, своевременного ввода в строй установленного оборудования и т. п. Но, ни того, ни другого, ни третьего на заводе как раз и не было.

Так, на 1 января 1945 г. из 2-х токарных, фуговочных, токарно-винторезных станков, циркулярных пил, имевшихся в наличии, установлено было по 1. А всего из 16 единиц оборудования почти половина не была установлена. Только во втором полугодии удалось частично использовать двигательную механическую силу. Технически неграмотная установка моторов и станков не дала возможности заменить ручные процессы труда механизированными. Инженеры и эксперты из ОМП области заверили руководство завода в том, что его техническая сторона готова к эксплуатации. Но на деле оказалось все не так. Завод ощущал острую нужду и в квалифицированной рабочей силе. Конечно, в этом была и вина руководства предприятия (директор Коробов).

Вследствие плохих жилищно-бытовых условий и условий труда на заводе наблюдалась большая текучесть рабочей силы.

Острую нужду завод испытывал и в транспорте. Имевшиеся лошади могли удовлетворить потребности в перевозке лесоматериала только на 20–25 %. Да и те были истощены. Единственная автомашина не работала из-за отсутствия аккумулятора.

Плохая организация рабочего места, отсутствие механизации труда способствовала его низкой производительности. Слабым оставался и инженерно-технический персонал завода. На заводе не было налажено планирование труда рабочих, что приводило к отсутствию производственной перспективы в развитии предприятия. Как результат плохой организации труда, высоких цеховых и заводских расходов, себестоимость готовых изделий значительно превышала отпускные цены. Так, коммерческая себестоимость определялась в сумме 276,9 тыс. руб., а

фактическая сложилась в сумме 389,9 тыс. руб., или на 41 % превышала плановую.

В течение всего 1945 г. завод постоянно испытывал и финансовые затруднения. Бюджетное финансирования предприятия составило всего 350 тыс. руб., что было крайне мало для его развития. При этом убытки завода за 1945 г. составили 79,6 тыс. руб., в том числе от реализации продукции – 60,3 тыс. руб., от подсобного хозяйства – 7,4 тыс. руб.

Слабым оставался учет и контроль. При инвентаризации была выявлена недостача на сумму 13,7 тыс. руб.

За 1945 г. завод не смог освоить выделенные для него капиталовложения: из 204,5 тыс. руб. освоено было только 81,6 тыс. руб., или 40 % от плана. Стоимость принятых в 1945 г. в эксплуатацию сооружений составила 29,2 тыс. руб., силового оборудования – 4,2 тыс., производственного оборудования – 4,8 тыс., транспортных средств – 23,2 тыс. руб. Результатом такой хозяйственной деятельности Дмитриевского обозного завода явилось невыполнение им производственной программы 1945 г. Планировалось выработать валовой продукции в неизменных ценах 1926/27 г. на 149,1 тыс. руб., а было произведено в итоге на 45,6 тыс. руб., или 30,6 % от установленного плана.

Естественно не был выполнен план и в номенклатуре. Так, предусматривалось выпустить 600 ходов телег, а выпущено было – 79 (13,2 %), саней – соответственно 300 и 100 (33,3 %), станов колес – 750 и 557 (74,3 %), ободов – 750 и 300,5 станов (40,1 %). Не был выполнен и план по производительности труда. Среднегодовая выработка на одного производственного рабочего планировалась в сумме 2 865 руб., а по факту она составила 1 500 руб., или на 52,3 % от планового задания [7, л. 11–13, 24–26].

Итак, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. за № 901 о постройке к концу 1943 г. Дмитриевского обозного завода мощностью производства одноконных разводных ходов с дубовой серединой и с дубовыми деталями колес в количестве 1500 ходов в год ни в 1943, ни в 1944, ни в 1945 гг. не было выполнено. Причинами этого были: крайне слабое руководство предприятия и, как следствие этого, его частая смена, острая нужда в квалифицированной рабочей силе, несвоевременное обеспечение завода станками и оборудованием, что способствовало низкой механизация основных производственных процессов и т. п.

Скорейшее восстановление Дмитриевского обозного завода оставалось делом будущего, чтобы ликвидировать острую нужду области в простейших транспортных средствах, поскольку почти весь автомобильный транспорт был передан на нужды армии.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3372. Оп. 2. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-3372. Оп. 2. Д. 8.
3. ГАКО. Ф. Р-3372. Оп. 2. Д. 15.
4. ГАКО. Ф. Р-3372. Оп. 2. Д. 30.
5. ГАКО. Ф. Р-3372. Оп. 2. Д. 33.
6. ГАКО. Ф. Р-3372. Оп. 2. Д. 39.
7. ГАКО. Ф. Р-3372. Оп. 2. Д. 59.
8. ГАКО. Ф. Р-3372. Оп. 2. Д. 165.
9. ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 4. Д. 184.
10. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-13. Оп. 1. Д. 627.
11. ГАОПИКО. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 633.
12. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Сб. док-тов и материалов. Курск, 1962. Т. 2.

Н. Г. Кононов

КУРСКАЯ ТРИКОТАЖНАЯ ФАБРИКА № 1: ТРУДНЫЕ ШАГИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ. 1943–1945 гг.

В Курской области до войны работали 2 трикотажные фабрики – № 1 и № 2. Трикотажная фабрика № 1 производила в основном бельевой трикотаж высокого качества, имея в работе трикотажных машин МТ-1 32 стола. В 1940 г. фабрикой было произведено 2 008 тыс. штук бельевого трикотажа. Трикотажная фабрика № 2 вырабатывала верхний трикотаж и чулочно-носочные изделия. В том же году фабрика произвела 112 тыс. штук верхнего трикотажа и 105 тыс. штук чулочно-носочных изделий.

Как видим, более крупной была трикотажная фабрика № 1, которая была организована в 1931 г. Так, накануне войны фабрика № 1 произвела валовой продукции в неизменных ценах 1926/27 г. на сумму в 4 096 тыс. руб., а фабрика № 2 – на 982 тыс. руб. На них соответственно работали 553 и 116 человек [9, л. 491; 15, л. 1, 2, 29]. До войны трикотажные фабрики были механизированными предприятиями. Например, механизированный труд на Курской трикотажной фабрике № 1 составлял 82 % [10, л. 41]. С 1936 г. и до войны фабрику возглавлял Абрам Александрович Непорент.

В период временной немецкой оккупации Курской области производственные корпуса трикотажных фабрик №№ 1 и 2 были совершенно сожжены. Восстанавливаемая стоимость трикотажной фабрики № 1 оценивалась в 1 661 тыс. рублей, фабрики № 2 – в 629 тыс. рублей [9, л. 447, 498]. Фабрика № 2, основательно разрушенная в годы временной немецкой оккупации, к 1946 г. так и не была восстановлена.

В связи с подходом гитлеровских оккупантов к Курску, в октябре 1941 г. фабрика № 1 была эвакуирована в город Фрунзе. Все оборудование в количестве 32-х столов МТ-1, 8 мотальных, 40 швейных, 2-х распошивальных и 3-х резиновых машин, 82-х оверлоков, 2-х центрифуг были своевременно эвакуированы в тыл.

Восстановление Курской трикотажной фабрики № 1, как и других предприятий, было начато сразу же после освобождения области от гитлеровцев. И это несмотря на то, что восстановление фабрики не было предусмотрено в постановлении СНК СССР от 19 мая 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства гор. Курска и Курской области» и в решениях VII сессии облсовета [19, с. 192, 204].

Тем не менее, решением Курского облисполкома от 23 сентября 1943 г. № 452 предписывалось восстановить трикотажную фабрику № 1 с годовым выпуском продукции в 1 млн рублей к июлю 1944 г. [6, л. 134]. Профиль фабрики намечался чулочно-бельевой. Директором фабрики с сентября 1943 по май 1945 г. был Моисей Львович Горелик, с июля 1945 г. по январь 1946 г. – Семён Маркович Копштейн.

Руководством Управления легкой промышленности (УЛП) области (Я. Ф. Вершинин) было осмотрено приемлемое для фабрики помещение по ул. М. Горького, 26, и оно просило его оставить за ним. Здание требовало капитального ремонта, который оценивался в 90 тыс. руб. [3, л. 1, 2].

На капитальный ремонт производственного корпуса, как следует из сметы расходов на IV квартал 1943 г., планировалось выделить 37 тыс. руб., на ограждение территории – 3 тыс. руб., на приобретение оборудования – 10 тыс. руб., а всего – 50 тыс. руб. Фактически же в течение 1943 г. было выделено 10 тыс. рублей, которые были полностью освоены [1, л. 1; 8, л. 447].

27 октября 1943 г. состоялось заседание Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации, на котором заслушан отчет секретаря Курского обкома ВКП(б) П. И. Доронина и председателя облисполкома В. В. Волчкова «О ходе выполнения постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. по Курской области».

Комитет обязал Наркомат легкой промышленности (НКЛП) СССР (С. Г. Лукин) не позднее 1 января 1944 г. вернуть в город Курск эвакуированную из Курска трикотажную фабрику в город Фрунзе и не установленные там 24 машины МТ-1. НКЛП РСФСР (А. Г. Зенов) обязывался обеспечить в I квартале 1944 г. пуск в эксплуатацию Курской трикотажной фабрики, выделив для этой фабрики необходимое количество сырья. Было также предложено отгрузить к 1 января 1944 г. для предприятий легкой промышленности Курской области 50 тыс. м х/б ткани и по 2 тыс. м шерстяных и шелковых тканей [19, с. 223].

В соответствии с указанным решением Комитета при СНК СССР НКЛП РСФСР приказал начальнику Курского обллегпрома

Я. Ф. Вершинину и начальнику Главтрикотаж Фомина организовать в выделенном Курским горсоветом помещении трикотажную бельевую фабрику мощностью в 900–1 000 тыс. штук трикотажного белья в год со сроком пуска ее в эксплуатацию 1 апреля 1944 г. Также было предложено Я. Ф. Вершинину разработать проектное задание и сметно-финансовый расчет по организации трикотажной фабрики и представить на рассмотрение в Главное управление трикотажной промышленности НЛПР РСФСР к 20 декабря 1943 г.

Было предписано обеспечить в декабре 1943 г. получение 2-х машин МТ, выделенных согласно распоряжению НКЛП СССР от 6 ноября 1943 г. за № 01-5/216 с Фрунзенских фабрик.

Начальник Главтрикотаж (Фомин) для укомплектования Курской трикотажной фабрики технологическим оборудованием обязывался передать в работоспособном состоянии с моторами, трансмиссиями и шкивами следующие машины: с Красноармейской трикотажной фабрики: ласточковых машин – 4, оверлоков – 7, распошивалок – 3, швейных машин – 26, петельных – 2, пуговичных – 1, мотальных – 2.

Начальнику отдела капитального строительства Гленову было предложено выделить в IV квартале 1943 г. 50 тыс. руб. и в I квартале 1944 г. 150 тыс. руб. на организацию Курской трикотажной фабрики [5, л. 148].

19 ноября 1943 г. бюро Курского горкома ВКП(б), протокол № 38, заслушало вопрос о работе по восстановлению Курской трикотажной фабрики № 1. В ходе обсуждения вопроса было констатировано, что директор фабрики М. Л. Горелик «безответственно отнесся к порученной работе по восстановлению предприятия и еще не приступил к подготовке и оборудованию выделенного для фабрики помещения». Бюро горкома партии приняло к сведению заявление зам. начальника УЛП области Грибова о том, что трикотажная фабрика будет пущена в эксплуатацию в I квартале 1944 г. и выделенное горсоветом здание к 15 марта 1944 г. будет отремонтировано и приспособлено под трикотажное производство. Бюро горкома партии обязало директора трикотажной фабрики М. Л. Горелика немедленно разработать график строительных работ с расчетом восстановления к 1 января 1944 г. крыши выделенного под фабрику здания и проведения всех внутренних строительных работ по корпусу фабрики к 15 марта 1944 г.

Было также предписано подобрать основной административно-технический персонал фабрики (начальников цехов, мастера) и собрать группу старых кадровых рабочих, немедленно организовать подготовку кадров, потребных для работы на фабрике. Вместе с тем бюро горкома ВКП(б) потребовало до 10 декабря 1943 г. обеспечить отгрузку выделенного для фабрики оборудования из гор. Фрунзе.

Высказывалась также просьба к УЛП области поставить вопрос перед Наркомлегпромом о немедленном возвращении или выделении мотальных

машин и оборудования для швейного цеха. Бюро горкома партии обязало исполком горсовета (Струц) выделить 50 человек для восстановления фабрики, а отдел кадров горкома – отозвать из гор. Фрунзе инженера фабрики Николая Константиновича Страшинского и завпрома Ахун. Курскому облплану было предложено выделить необходимые строительные материалы для восстановления фабрики [17, л. 47].

Для восстановления фабрики и развертывания ее деятельности решением Государственной штатной комиссии при СНК СССР за № 1812-478 (приложение к письму от 6 сентября 1943 г.) был установлен штат административно-управленческого аппарата в составе 23-х единиц. Общий отдел состоял из 3-х человек, включая директора фабрики, планово-производственный – из 4-х человек, отдел снабжения – из 2-х, бухгалтерия – из 4-х, канцелярия и хозчасть – из 2-х человек в каждом отделении, складское хозяйство – из 2-х, пожарная и пожарно-сторожевая охрана (ППСО) – из 6 человек. Такое же штатное расписание фабрики оставалось и на 1945 г. [8, л. 16; 9, л. 28].

В плане на 1944 г. предлагалось ускорить восстановление трикотажной фабрики № 1. В этих целях ей выделялось 200 тыс. руб., в том числе на I квартал 1944 г. – 80 тыс. руб., на II квартал – 100 тыс. руб. [2, л. 30].

В ходе восстановления фабрики ее трудовой коллектив призван был приступить к производству трикотажных изделий. Для этого фабрике была утверждена производственная программа. В 1944 г. фабрике предстояло выработать 21 тыс. различных трикотажных изделий, в том числе 16 тыс. белья: 10 тыс. мужского белья и 6 тыс. панталон. Из верхнего трикотажа планировалось произвести 5 000 изделий, в их числе 1 000 дамских свитеров, 1 000 детских рейтуз и 3 000 дамских юбок [7, л. 2]. Для выполнения производственной программы 1944 г. Курской трикотажной фабрике № 1 требовалось 118 работников, в том числе 65 производственных рабочих [12, л. 35 об.].

В начале 1944 г. Дзержинский райком ВКП(б), на территории которого была расположена фабрика, оказал посильную помощь в укреплении эк кадров, направив туда инженера-трикотажника Н. К. Страшинского, а также квалифицированную работницу-вязальщицу, мастера по вязальному оборудованию Долженко, которые оказали помощь в налаживании вязальной машины «Рейшайба». По предложению Н. К. Страшинского была заменена заправка фанговых машин, что дало экономию сырья пряжи на 30–40 % на единицу изделия. Машина была подготовлена к работе, но из-за отсутствия сырья на начало марта 1944 г. еще не работала.

Несмотря на решения правительства, бюро Курского горкома и Дзержинского райкома ВКП(б), на территории которого была расположена трикотажная фабрика № 1, ни в I, ни во II кварталах 1944 г. со стороны вышестоящих органов не было принято мер по обеспечению фабрики

сырьем, в результате чего фабрика в I квартале не получила ни одного грамма пряжи и перспектив на получения сырья для работы предприятия во II квартале 1944 г. не имелось. К тому же, в начале 1944 г. Управление легкой промышленности области к составлению плана работы фабрики на I квартал не приступало. 5 раз изменялась сумма годового плана, но плана на I квартал к началу мая 1944 г. так и не было [17, л. 29].

Именно поэтому реально фабрика приступила к производственной деятельности только в III квартале 1944 г. В связи с этим начальником УЛП области на III квартал 1944 г. был определен план по производству валовой продукции в неизменных ценах 1926/27 г. на 117 тыс. руб. Выработка на одного рабочего предусматривалась в количестве 1 170 руб.

Штат производственного персонала намечался в следующем количестве: рабочих – 100 человек, ИТР – 5, служащих – 8, МОП – 2, учеников – 20, ППСО – 7 человек, а всего – 142 человека. Непроизводственный персонал составлял 5 человек [3, л. 6]. Фактическая же среднегодовая численность производственного персонала на Курской трикотажной фабрике № 1 за 1944 г. выглядела следующим образом: весь производственный персонал фабрики насчитывал 24 человека, из них: рабочих – 9 человек, учеников – 2, ИТР – 4, служащих – 5, МОП – 1 и ППСО – 3 человека [14, л. 100–101].

Накануне 27-й годовщины Октября трикотажники, наряду с коллективами других предприятий города Курска, включились в соцсоревнование по достойной встрече праздника и успешному завершению годовой производственной программы 1944 г. В ходе предоктябрьского соцсоревнования 1944 г. они вызвали на соревнование швейную фабрику № 1.

23 сентября 1944 г. общее собрание рабочих и служащих Курской трикотажной фабрики № 1 обсудило обращение московского ордена Ленина завода им. Сталина ко всем рабочим, ИТР и служащим предприятий Советского Союза с призывом начать социалистическое соревнование им. 27-й годовщины Октября. В ходе обсуждения обращения рабочих московского завода им. Сталина коллектив фабрики взял на себя следующие обязательства:

- производственную программу IV квартала выполнить на 180 % против программы III квартала;
- октябрьскую программу выполнить к 28 октября 1944 г., перевыполнив план в денежном отношении на 1 000 руб., а готовой продукции дать сверх плана 308 тыс. штук детского ассортимента;
- в IV квартале 1944 г. освоить новый ассортимент мужского, женского и детского белья;
- увеличить производительность труда на 5 %;
- в октябре на восстановлении фабрики освоить 15 тыс. руб.;
- в октябре подготовить 2 мотальщика, 4 швейника и 2 человека по фанговому делу.

Вызывая на соцсоревнование Курскую швейную фабрику № 1, трикотажники предложили быть арбитрами по проверке выполнения социалистического договора представителей Дзержинского РК ВКП(б) и газету «Курская правда» [9, л. 38, 39].

Однако в силу ряда факторов, нередко не зависящих от трудового коллектива трикотажной фабрики, взятые соцобязательства не были выполнены полностью.

Каковы итоги работы Курской трикотажной фабрики № 1 за 1944 г.?

Как уже было отмечено выше, фабрике планировалось произвести 21 тыс. различных трикотажных изделий. Выработано же было 20 813 изделий, или 99,2 % к плановому заданию.

Что касалось производства трикотажа в ассортименте, то по главному показателю – пошиву мужского белья – в 1944 г. фабрика даже не приступала. Однако был превышен план по пошиву панталон (план 6 000, по факту 7 200), дамских свитеров (1 000 и 4 136), рейтуз детских (1 000 и 2 990), юбок дамских (3 000 и 3 300). Вне плана было пошито 1 580 взрослых и 400 детских трусов, 780 взрослых маек, 307 детских юбок [7, л. 2].

Причины такого положения дел с выработкой трикотажных изделий были связаны с несвоевременной поставкой необходимых материалов и сырья, отсутствием необходимого оборудования, слабой квалификацией рабочих и др.

В 1944 г. фабрика произвела валовой продукции на сумму в 74 тыс. руб. Среднегодовая выработка на одного производственного рабочего в 1944 г. составила всего 685 руб. [14, л. 1, 2].

В 1944 г. на дальнейшее восстановление трикотажной фабрики направлялось 200 тыс. руб. капиталовложений, освоено же было 264 тыс. руб., или 132 % от выделенных средств. На эти средства было восстановлено межэтажное перекрытие, произведены настил полов и обрешетка крыши, настил кровли в производственном корпусе, отведенном для фабрики.

Было также завезено на фабрику технологическое оборудование в количестве 12 столов машин МТ-1, 5 мотальных машин и оборудование для швейного цеха. Смонтировано и сдано в эксплуатацию: 12 столов вязальных машин МТ-1, 2 мотальные машины, 3 оверлока, 2 швейные машины и 5 фанговых машин [11, л. 238, 240].

В результате в 1944 г. трикотажная фабрика была восстановлена на 77 % от запроектированной мощности в 1 280 190 штук бельевых изделий. Общая прибыль на 1 января 1945 г. составила 27 168 руб. [4, л. 1, 24].

В 1945 г. трикотажной фабрике № 1 планировалось продолжить восстановительные работы и наращивать выработку трикотажных изделий. Для решения этих задач, как свидетельствуют решения XIII пленума Курского горкома партии (15–16 января 1945 г.), в 1945 г. трикотажной фабрике № 1 направлялось 150 тыс. руб. На эти средства необходимо было

закончить строительные работы в производственном корпусе здания, где предлагалось произвести настилку полов и установить переборки, достроить сохранившееся здание на территории бывшей фабрики № 1 и приспособить там помещение под красильный цех. Предписывалось также окончить постройку надворных помещений на территории фабрики [18, л. 15].

На 1945 г. трикотажной фабрике № 1 планировалось выработать 75 тыс. единиц нижнего и 20 тыс. единиц верхнего трикотажа на общую сумму в 285 тыс. руб. в неизменных ценах 1926/27 г. Для реализации этой задачи была определена и численность производственных рабочих в количестве 32 человек.

Среднегодовая выработка продукции на одного рабочего в 1945 г. должна была составить 8 906 руб. [16, л. 2, 29].

Как следует из постановления НКЛП СССР за от 28 февраля 1945 г. № 381 Курской трикотажной фабрике № 1 выделялось 6 столов трикотажных машин МТ-1, 12 швейных машин 31 класса [13, л. 106].

Как и все предприятия города Курска, трудовой коллектив трикотажной фабрики № 1 принимал участие в соцсоревновании, которое было посвящено второй годовщине со дня освобождения города Курска от немецко-фашистских оккупантов, 27-й годовщине основания Красной Армии и другим праздникам.

Несмотря на многие трудности, с которыми трикотажники столкнулись в 1945 г., они в целом работали вполне удовлетворительно.

Как уже отмечалось выше, на 1945 г. трикотажной фабрике № 1 планировалось направить 150 тыс. рублей, сумма же 4-х кварталов определялась в 110 тыс. руб. Выполнение капиталовложений по сметной стоимости составило 56 тыс. руб., по фактической – 67 тыс. руб. На строительные работы по сметной стоимости планировалось направить 18 тыс. руб., фактически было направлено 25 тыс. руб., на монтажные работы – соответственно 32 и 36 тыс., на приобретение инвентаря, приборов, инструментов – по 6 тыс. руб.. Как видим, при освоении капиталовложений было допущено удорожание стоимости строительных работ на 11 тыс. руб.

На выделенные средства был восстановлен красильный цех и производственный корпус, эвакуировано оборудование фабрики в количестве 12 столов МТ-1 [4, л. 1–3].

При этом фабрика не справилась с заданием по снижению себестоимости продукции. План был превышен на 29,3 %. Допущены значительные цеховые расходы и расходы по заработной плате.

В 1945 г. планировалось выработать валовой продукции на 285 тыс. руб., произведено же было только на 260 тыс. руб., или 91,2 % к плановому заданию. Напомним, что в 1944 г. ею было выработано на 74 тыс. руб., или в 3,5 раза меньше.

Причины невыполнения плана были связаны с несвоевременностью и некомплектностью поставки тканей, отсутствием электроэнергии и др. Так, в 1945 г. рабочие фабрики отработали 79 227 человеко-часов. Простои из-за отсутствия электроэнергии составили 23 618 человеко-часов, из-за отсутствия сырья и полуфабрикатов – 3 668 человеко-часов, из-за оргтехнических неполадок – 418, из-за ремонта машин – 1 197 человеко-часов, а всего 28 901 человеко-часов, или 36,5 % к фактически отработанному времени. Простои из-за отсутствия электроэнергии составили к общему количеству простоев 81,7 % [14, л. 2, 221].

Отсутствие у прядильной фабрики пряжи № 60/1 полностью и постоянные, перебои с доставкой пряжи № 54/1 ее заменяющей, не позволили в достаточной мере развернуть выпуск бельевых изделий с машин МТ. Все это потребовало увеличение выработки изделий верхнего трикотажа, производство которого могло вестись на пряже низких номеров, для чего Главтрикотажем были выделены фанговые машины с фабрики им. Клары Цеткин (город Красноармейск) и Московской чулочной фабрики.

Необходимо отметить, что выпуск суровых неокрашенных изделий фабрикой был прекращен во 2-й половине мая путем организации своего цеха и введения его в эксплуатацию. Внешность изделий при этом стала отвечать всем требованиям ГОСТов.

Неудовлетворительное снабжение фабрики касалось не только поставки пряжи и ее ассортимента. Такое же положение было и с поставкой трикотажных и швейных игл, запчастей и т. п. В первом полугодии 1945 г. бельевые изделия выпускались в основном из пряжи № 34/1. Так, из пряжи № 54/1 было выпущено 176 штук, а из пряжи № 34/1 – 5 278 штук и т. п. В целом же за 1945 г. из пряжи № 54/1 было выработано 10 227 штук изделий, а из пряжи № 34/1 – 26 507 штук.

Низкое качество пряжи приводило к получению больших отходов – они составляли до 40 %. Широко применялся ручной труд. Все это приводило к удорожанию производимой продукции.

В силу указанных причин в 1945 г. фабрика работала крайне неравномерно. Так, в I квартале производственный план был выполнен на 75,2 %, во II квартале – на 87,6 %, в III квартале – на 130,4 %, а в IV квартале – на 80,9 %. Вследствие этого не был выполнен и план по производству продукции в ассортименте. Так, трикотажной фабрике в 1945 г. планировалось выработать 75 тыс. единиц трикотажного белья, выработано же было 36,75 тыс. изделий (49 %), в том числе детского трикотажа – соответственно 20 и 3,88 тыс. изделий, или 19,5 % к плановому заданию. Верхнего трикотажа предусматривалось выработать 20 тыс., выработано было 20,1 тыс. изделий (100,5 %), в том числе детского – соответственно 15 тыс. и 13,64 тыс. штук изделий (90,9 % к плану).

Таким образом, с учетом выработки 1 573 единицы утиль изделий, при плане производства 95 тыс. штук изделий фабрикой произведено 58 270 штук изделий, или 61,3 % к плановому заданию.

Качество выпускаемой продукции не всегда соответствовало стандарту. Тем не менее, в 1945 г. фабрика продукции первого сорта выпустила на 12,5 % больше, чем в 1944 г., 2-го сорта – на 5,7 %, а 3-го сорта – на 8,1% меньше по сравнению с 1944 г. Наличие 1,3 % несортной продукции объяснялось с настройкой машин, связанной с их пуском, а также частой их перезаправкой в связи с получением непланового номера пряжи.

Планом по труду предусматривалось иметь производственных рабочих в количестве 32 человек, фактически же их числилось 50 человек. Больше плана была численность и другого производственного персонала. Увеличилось количество производственных рабочих, трудившихся на сдельщине. Например, на 1 января 1945 г. на фабрике среднегодовая численность рабочих составляла 29 человек, из них было охвачено сдельщиной 11 человек, а на 1 января 1946 г. – соответственно 66 и 39 человек.

Все они были стахановцами, выработка каждого из них в среднем за год составила 117 %. Оверловщица О. Фролова вырабатывала производственную норму на 150 %, мотальщица А. Озерова – на 145 %, фанговщица Т. Матвеева – на 155 % и т. д.

Соревнование проводилось как между рабочими, так и между цехами. Заключались соцдоговора, проверялось исполнение взятых обязательств.

Рационализаторы фабрики внесли ряд рацпредложений. К ним относились: замена игл, имеющая целью уменьшение расходов; сдваивание узких фанговых машин, давших возможность фабрике вести выработку взрослых фанговых свитеров; устройство мотовила для размочки швейных ниток для крашения, увеличившее производительность работниц в 8 раз и др.

Фабрика заботилась и о подготовке кадров. В 1945 г. планировалось подготовить 44 человека, подготовлено было 47 человек, в том числе методом индивидуально-бригадного обучения подготовлено 29 человек, из них 7 фанговщиц, 2-ух вязальщиц, 5 мотальщиц, 11 швей, 4 красильщиц. Через техминимум прошли 18 человек.

Ученики переводились на сдельщину согласно заключению квалификационных комиссий.

На 1 января 1945 г. обучалось 10 учеников, на 1 января 1946 г. их уже насчитывалось 26, из которых 16 учениц фангового цеха.

Среднегодовая выработка на одного рабочего (производительность труда) по плану составляла 8 906 руб., выработано же было на 5 200 руб., или 58,4 % к плану. Довоенная выработка на одного рабочего составляла 7 300 руб. Из этого ясно, что среднегодовая выработка на одного рабочего в плане на 1945 г. была завышена на 122 % по отношению к довоенной. Естественно, на том оборудовании, которое было на фабрике в 1945 г., при весьма плохом обеспечении электроэнергией, сырьем, при слабой

квалификации рабочих и т. п., выполнение плана по росту производительности труда было нереальным.

Итак, восстановление Курской трикотажной фабрики № 1, начавшееся с конца сентября 1943 г., не было завершено в I квартале 1944 г. Реально фабрика приступила к производственной деятельности только в III квартале того же года. Испытывая трудности в квалифицированной рабочей силе, в снабжении электроэнергией, сырьем и материалами, небольшой трудовой коллектив фабрики за 2-е полугодие 1944 г. произвел валовой продукции на 74 тыс. руб. в неизменных ценах 1926/27 г. В 1945 г. валовой продукции уже было произведено на 260 тыс. руб., или в 3,5 раза чем в 1944 г. Тем не менее, многие рабочие фабрики проявляли по истине трудовой героизм, стремясь успешно выполнить производственную программу 1945 г. И если бы не простои фабрики по независящим от коллектива предприятия обстоятельствам, которые составили почти 40 % рабочего времени, производственное задание было бы значительно перевыполнено.

Тем не менее, производственная программа, выработанная фабрикой в 1945 г., составляла только 6,3 % к валовой продукции 1940 г. Среднегодовая же выработка на одного рабочего (производительность труда) составляла по отношению к 1940 г. около 71 %.

Несмотря на острую нужду в строительных материалах, к концу 1945 г. трикотажникам удалось восстановить 6 цехов: мотальный, трикотажный, фанговый, красильный, швейно-раскройный и сушильный [4, л. 24–28; 14, л. 3, 5, 6].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-425. Оп. 2. Д. 2.
2. ГАКО. Ф. Р-425. Оп. 2. Д. 3.
3. ГАКО. Ф. Р-425. Оп. 2. Д. 4.
4. ГАКО. Ф. Р-425. Оп. 2. Д. 5.
5. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 7.
8. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 13.
9. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 28.
10. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 29.
11. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 39.
12. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 47.
13. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 56.
14. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 74.
15. ГАКО. Ф. Р-5080. Оп. 1. Д. 92.
16. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-93. Оп. 1. Д. 176.
17. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 743.
18. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 831.

Р. С. Воронцов

**К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х –
НАЧАЛО 1960-х гг.)¹**

Конец 40-х – начало 50-х гг. XX в. характеризуется бурным развитием отечественной промышленности. Восстанавливались предприятия, разрушенные войной, а также строились новые заводы и фабрики. Это обуславливало рост количества работников промышленности. Одновременно с этим увеличивалось число нарушений трудовой дисциплины, а также хищений и растрат, совершаемых сотрудниками предприятий. По нашему мнению, ситуация с хищением имущества заводов и фабрик особенно остро складывалась на предприятиях пищевой промышленности. Отчасти это было связано с тем, что изделия, выпускавшиеся этой отраслью, являлись продукцией первой необходимости, которой особенно не хватало трудящимся, имевшим крайне низкий уровень жизни.

В середине XX века, к работникам, регулярно нарушавшим трудовое законодательство, применялись различные меры воздействия – от дисциплинарных до уголовных. Как правило, дисциплинарные санкции применялись к нарушителям трудовой и производственной дисциплины, а уголовные – к лицам, совершившим преступления (например, кражу заводского имущества).

Так, на Рышковском пивоваренном заводе в 1946 г. были вскрыты факты хищения большого количества сырья (ячменя). Материалы по данному происшествию были переданы следственным органам для привлечения виновных к ответственности и взыскания с них стоимости похищенного ячменя. На этом предприятии неоднократно выявлялись случаи растрат. В связи с чем, руководство завода регулярно принимало меры по избавлению коллектива от «различного рода сомнительных специалистов и проходимцев, разворовавших имущество завода, пользуясь благоприятными условиями: отсутствием ограждения и соседством жилых помещений с производственным корпусом» [5, л. 20 об, 47]. Отчасти такая ситуация стала возможной потому, что воспитательная работа с персоналом на Рышковском пивоваренном заводе оставалась на низком

¹ «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90044\19».

уровне. Даже парторг предприятия Белоусов позволял себе периодически появляться на работе в нетрезвом виде [5, л. 36–37].

Важно подчеркнуть, что нарушения трудовой дисциплины встречались на предприятиях различных секторов пищевого производства региона. Архивные данные свидетельствуют об имевшихся злоупотреблениях, растратах, хищениях и нарушениях трудовой дисциплины на овощесушильных заводах [7, л. 152–153], на хлебопекарных [11, л. 12] и мясоперерабатывающих предприятиях [15, л. 16], в кондитерской промышленности [2, л. 57] и в других сферах.

Заместитель начальника Главмаслопрома Н. Булкин в письме управляющему Курским трестом «Маслопром» П. С. Иванову от 11 октября 1952 г. отмечал, что в Курской области, как и во многих других регионах, «директора предприятий своевременно не выявляют расхитителей государственной собственности, не наказывают виновных лиц, примиренчески относятся к жуликам и проходимцам, чем позволяют им совершать злоупотребления и наносить ущерб государству» [16, л. 1–2]. В 1952 г. Курский трест «Маслопром» был отмечен в числе региональных объединений с особенно неблагоприятными показателями в этой сфере. Так, в 1952 г. в этом тресте выявленные недостатки, растраты и хищения увеличились на 25 % по сравнению с 1951 годом. Хотя в 1951 г. было зафиксировано уменьшение количества растрат и хищений по сравнению с предыдущим годом [16, л. 2–3, 14, 145].

В 1952 г. проверка состояния трудовой и производственной дисциплины на ряде заводов Курского треста «Главмука» установила, что руководители заводов ослабили контроль за состоянием трудовой дисциплины, в результате чего увеличилось число прогулов и опозданий на работу, ставшие характерными для большинства заводов треста, что повлекло за собой большие потери рабочего времени. Например, на Старооскольском мельзаводе за семь месяцев 1952 г. было совершено 4 прогула, а за весь 1951 – только два; на Курском мельзаводе за семь месяцев 1952 г. – 6 прогулов, тогда как в 1951 г. – только два. Товарищеские суды, которые должны были стать важным средством общественного воздействия на нарушителей трудовой дисциплины, работали неудовлетворительно, директора предприятий их деятельностью совершенно не интересовались. Это подтверждается тем, что на Старооскольском мельзаводе организованный в августе 1951 г. товарищеский суд, в ситуации большого количества нарушений трудовой дисциплины, провел свое первое заседание только в августе 1952 года.

Руководство предприятий Курского треста «Главмука» регулярно налагало административные взыскания на нарушителей трудовой дисциплины. К примеру, директор Валуйского мельзавода в 1952 г. за появление на работе в пьяном виде объявил строгий выговор начальнику погрузо-разгрузочных работ Герасимову и выговор механику Ващенко [10, л. 1].

Отдельные директора предприятий Курского треста «Главмука» весьма лояльно относились к нарушителям трудовой дисциплины. Например, на Щигровском крупозаводе в 1952 г. в результате преступной халатности работницы выбойного отделения Чурилиной 6 181 кг крупы было засорено стеклом от разбитого зеркала. В результате этого инцидента крупа была списана с продовольственного баланса, а директор завода Стратонов ограничился только увольнением этой работницы с предприятия, не передав дело в правоохранительные органы и не предъявив иска за причиненный ущерб [10, л. 2].

В середине 1950-х гг. ситуация с трудовой дисциплиной в пищевой промышленности страны оставалась непростой. Так, в приказе Министра промышленности продовольственных товаров СССР от 14 декабря 1954 г. № 1801 «О неудовлетворительном состоянии трудовой дисциплины на предприятиях и стройках Министерства промышленности продовольственных товаров СССР» отмечалось, что в результате ослабления внимания к вопросам укрепления трудовой дисциплины количество рабочих, совершивших прогулы в 1954 г., резко возросло. Вследствие прогулов имели место большие потери рабочего времени на предприятиях, чем «наносился серьезный ущерб государству» [4, л. 299].

В середине 50-х гг. XX в. большое количество растрат, хищений и различных нарушений трудовой дисциплины фиксировалось на хлебопекарных предприятиях. Так, 3 декабря 1955 г. в 6 часов утра кочегар пекарни № 5 А. А. Ляликов похитил из пекарни 5 кг сахара и 16 бубликов, передав их дворнику Г. В. Коханову, который и был задержан милицией. Следует отметить, что кочегар к продукции не имел никакого отношения, следовательно, похищенную продукцию ему могли передать другие сотрудники, у которых она хранилась. В тот же день за похищение сахара, маргарина и бубликов правоохранительными органами были задержаны и другие сотрудники пекарни № 5 [12, л. 36]. Указанные факты говорят о том, что на данном предприятии большинство работников занимались хищениями. Отчасти это было связано с тем, что все сотрудники пекарни являлись односельчанами.

В 1956 г. показателем низкого уровня трудовой дисциплины на Львовском хлебокомбинате являлась неоднократная фиксация фактов появления сотрудников на работе в нетрезвом виде. Кроме этого, имели место случаи массового хищения продукции как мастерами, так и рабочими. Несмотря на установленные факты хищения, материалы для привлечения виновных к ответственности судебно-следственным органам не передавались. Меры наказания ограничивались административными взысканиями и общими разговорами [13, л. 77].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в пищевой промышленности ситуация с сохранностью товарно-материальных ценностей, соблюдением трудового распорядка и трудовой дисциплины продолжала оставаться непростой. Так, рабочие Курского дрожжевого завода в 1958–1960 гг.

неоднократно нарушали должностные инструкции, самовольно уходили с работы, были замечены в хулиганстве, появлялись на работе в нетрезвом виде, совершали мелкие кражи продукции [3, л. 11, 86, 98].

В 1959 г. Управление сахарной и пищевой промышленности Курского совнархоза, а также руководители некоторых предприятий, подведомственных этому управлению, самоустраились от решения вопросов сохранности имущества заводов и фабрик. В результате этого по состоянию на 1 октября 1959 г. на балансе Управления числилось недостач, растрат и хищений на сумму 800 тыс. руб. Особенно неблагоприятно обстояло дело на сахарном заводе им. Куйбышева, где из-за отсутствия должного контроля за работой материально-ответственных лиц и неудовлетворительного состояния складского учета продукции была допущена недостача сахара у кладовщиков в количестве 541,4 ц на сумму 461 тыс. руб. На сахарном комбинате им. К. Либкнехта выявили около 100 случаев хищения сахара и других материальных ценностей, а у задержанных лиц изъяли свыше тонны сахара. За хищения товарно-материальных ценностей на этом предприятии к уголовной ответственности было привлечено 10 человек. Хищения сахара и других ценностей в 1959 г. имели место на сахарном заводе им. Калинина, на Льговском и Олымском сахарных комбинатах, а также на ряде спиртовых и овощесушильных заводах [9, л. 20].

Одной из причин складывавшейся ситуации становилось нежелание отдельных руководителей предприятий проявлять принципиальность при подборе и расстановке кадров. Так, рабочие сахарного завода им. К. Либкнехта Башкирев, Синяк, Быков, судимые в 1958 г. за хищение сахара, после отбытия ими наказания руководством сахарного комбината были вновь приняты на работу, связанную с материальными ценностями [9, л. 21].

За 1959 г. на Курском ликероводочном заводе были вынесены административные взыскания 33 сотрудникам. Из них 11 человек были наказаны за прогулы, 15 человек – за хищение водочной продукции и появление на работе в нетрезвом виде, 7 человек – за прочие нарушения трудовой дисциплины [1, л. 67].

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. неудовлетворительное положение с сохранностью сырья и готовой продукции складывалось на предприятиях мясоперерабатывающей промышленности [17, л. 75]. Отчасти такая ситуация стала возможной вследствие отсутствия эффективной и ответственной охраны на предприятиях [18, с. 98]. Это подтверждается неоднократными задержаниями правоохранительными органами рабочих с похищенной продукцией и систематическими сверхнормативными недостачами продукции на складах.

В 40–50-е гг. XX века нередкими были факты применения различных мер наказания и дисциплинарных взысканий (вплоть до увольнения) к руководящему составу предприятий. Так, приказом по Главному

управлению сахарной промышленности МПП СССР от 28 июля 1947 г. № 242 «О разбазаривании патоки на Олымском сахкомбинате Курского свеклотреста» директору указанного предприятия Ю. Д. Рохленко за незаконную продажу патоки по спекулятивным ценам и использование своего служебного положения был объявлен строгий выговор. Одновременно был объявлен выговор главному бухгалтеру Олымского сахарного завода А. Р. Синюгину за допущение незаконной продажи патоки и бесконтрольное использование выручки от ее продажи [8, л. 3–4].

В 1952 г. за незаконные действия и использование служебного положения в личных целях взыскание было наложено на директора Курского хлебокомбината Е. С. Славина [11, л. 64–65]. В 1956 г. за безответственное руководство Львовским хлебокомбинатом, непринятие должных мер борьбы к расхищениям государственной продукции и выпуск хлебобулочных изделий низкого качества исполком Львовского райсовета депутатов трудящихся просил руководство Курского треста «Росглавхлеб» освободить от работы директора этого предприятия [13, л. 77–79].

Приказом по Курскому мясотресту от 21 января 1956 г. № 11 директор Курского мясокомбината Зайцев был отстранен от работы с понижением в должности за бесхозяйственность и допущение больших потерь живого веса и упитанности скота. Этим же приказом главному инженеру Курского мясокомбината Максиму был объявлен строгий выговор с предупреждением [14, л. 12].

В 1964 г. на Красно-Доленском маслозаводе была проведена ревизия, по результатам которой за необеспечение руководства предприятием директор Данилин был освобожден от занимаемой должности. Как не обеспечившие работу своих участков, от занимаемых должностей были освобождены заведующий производством Яценко и старший бухгалтер Поливанова. За допущенные злоупотребления при приеме молока от колхозов были уволены с занимаемых должностей заведующие трех сепараторных пунктов [6, л. 1].

Итак, в конце 40-х – начале 60-х гг. XX века в пищевой промышленности Курской области фиксировалось большое количество хищений продукции и других нарушений трудовой дисциплины. К сожалению, различные меры воздействия (вплоть до уголовных – для расхитителей заводского имущества), применяемые к нарушителям, не всегда были эффективными.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-40. Оп. 3. Д. 111.
2. ГАКО. Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 25.
3. ГАКО. Ф. Р-442. Оп. 2. Д. 96.
4. ГАКО. Ф. Р-446. Оп. 3. Д. 40.

5. ГАКО. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 10.
6. ГАКО. Ф. Р-668. Оп. 1. Д. 27.
7. ГАКО. Ф. Р-3165. Оп. 2. Д. 74.
8. ГАКО. Ф. Р-4625. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАКО. Ф. Р-4625. Оп. 1. Д. 24.
10. ГАКО. Ф. Р-5068. Оп. 1. Д. 11.
11. ГАКО. Ф. Р-5069. Оп. 1. Д. 29.
12. ГАКО. Ф. Р-5069. Оп. 1. Д. 55.
13. ГАКО. Ф. Р-5069. Оп. 1. Д. 64.
14. ГАКО. Ф. Р-5097. Оп. 1. Д. 331.
15. ГАКО. Ф. Р-5099. Оп. 1. Д. 36.
16. ГАКО. Ф. Р-5100. Оп. 1. Д. 86.
17. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 3924.
18. Головин Е.А. Состояние трудовой дисциплины как фактор развития промышленного производства в 60–70-е гг. XX в. (на примере предприятий Курской области) // КЛИО. 2012. № 6 (66). С. 97–99.

Д. М. Носов

**ДОКУМЕНТЫ ИСПОЛКОМОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ В РЕГИОНЕ
В 1960-е – 1980-е гг.**

Хорошо развитая транспортная система является залогом успешного развития не только отдельного региона, но и всей страны в целом. Ускорение перемещения грузов, передвижения отдельных граждан и пассажиропотоков в целом благотворно сказывается на экономической конъюнктуре. Поэтому для решения важнейших экономических задач государству необходимо постоянно совершенствовать транспортную систему страны и регионов, для того чтобы она отвечала его основным потребностям.

Вместе с тем, на наш взгляд, также необходимо обращение к истории развития транспортной системы для того, чтобы правильно оценить возможные последствия проводимых изменений как в положительном, так и в отрицательном ключе. В этой связи необходимость обращения к материалам и документам исполнительных комитетов Советов народных депутатов (до 1977 г. – депутатов трудящихся) является не только для историков, но и для экономистов необходимостью: ведь многие, казалось бы новые веяния, являются лишь продолжением старых тенденций или же неосуществленными в прошлом проектами.

Большую роль в изучении развития транспортной системы конкретно курского региона могут сыграть документы исполкома Курского облсовета, представленные, прежде всего, протоколами

заседаний исполкома, решениями, распоряжениями, а также материалами к ним. Данные источники мы можем напрямую отнести к массовым, объединенными общими условиями создания и функционирования. Также информация, отраженная в них, является однотипной, а в ряде случаев и повторяющейся, что позволяет нам без всяких сомнений отнести данные источники, содержащиеся в вышеуказанном архивном фонде, к категории массовых.

Какие же вопросы, относящиеся к функционированию и развитию транспортной системы Курской области в период с середины 1960-х по середину 1980-х гг. (так называемая эпоха застоя), поднимались высшим органом государственной власти в регионе?

Здесь стоит отметить несколько моментов. Во-первых, перечень поднимаемых проблем постоянно изменялся вслед за непосредственным развитием самой транспортной системы. Во-вторых, информация, которую можно почерпнуть из данных документов, носит исключительно проблемный характер. А главной проблемой изучаемого периода было строительство и функционирование дорожной сети (автомобильной и железнодорожной) в регионе. И, если вторая в целом была уже сформирована в предыдущие временные периоды (в том числе и в дореволюционную эпоху), то первая находилась еще только на начальном этапе развития.

Итак, в середине 1960-х гг. транспортная система Курской области еще была недостаточно развитой. В большей степени, как уже говорилось выше, была развита железнодорожная сеть, нежели дорожная. Это объясняется исторически сложившимися условиями, когда основные предприятия региона располагались преимущественно у железных дорог, делая их функционирование стратегически важной задачей. Для обеспечения бесперебойного движения поездов на территории Курской области ежегодно облисполкомом разрабатывались и утверждались меры по подготовке железных дорог к зиме [19, л. 90–93; 20, л. 27–30; 22, л. 107–110; 24, л. 28–31; 26, л. 21–26; 28, л. 22–26 и др.]. В данных решениях в большинстве своем указывались не только текущие проблемы функционирования железных дорог, но и допущенные ранее просчеты и ошибки, устранение которых позволило бы транспортной системе функционировать лучше.

Что же касается автомобильных дорог, то в изучаемый нами период шло их планомерное строительство: большая часть дорог Курской области не имела твердого покрытия, а сама сеть практически не была развита и функционировала с большими перебоями. Именно поэтому большая часть материалов исполкома облсовета, выявленная нами, была посвящена планам и реализации строительства новых автомобильных дорог [16, л. 27–43; 18, л. 230–251; 21, л. 59–77 и др.]. Именно отсутствие нормальных автомобильных дорог было причиной высокой аварийности автомобильного транспорта учреждений и предприятий особенно в

середине 1960-х – 1970-е гг., как отмечалось в целом ряде решений облисполкома [31, л. 179–183; 33, л. 209–213; 36, л. 16–19]. Здесь стоит отметить, что проблема аварийности автомобильного транспорта населения стала ставиться местными государственными властями только в 1980-е гг., когда автомобили получили более широкое распространение в качестве личного транспорта [40, л. 30–37], и данная проблема была более характерна для городов региона, чем для областных районов.

Для увеличения темпов строительства автомобильных дорог государство выделяло не только собственные средства, но и привлекало для строительства предприятия, колхозы и совхозы. Данная тенденция начинает проявляться в курском регионе, исходя из выявленных нами документов, начиная с середины 1970-х гг. и является одной из магистральных в деле дорожного строительства вплоть до самого конца изучаемого периода [32, л. 175–203; 34, л. 23–38]. Однако к началу 1980-х гг. предприятия, колхозы и совхозы старались уходить от непосредственного участия в дорожном строительстве, выделяя дополнительные денежные средства для данных нужд [35, л. 139–171; 37, л. 20–55; 39, л. 46–80]. При этом размеры капиталовложений, которые должны были внести каждое предприятие, колхоз и совхоз, утверждались облисполкомом, который затем строго следил за выполнением своих решений. В случае, если хозяйства не выполняли своих финансовых обязательств по дорожному строительству на них накладывались внушительные штрафы [39, л. 81–83].

Что же касается непосредственно функционирования транспортной системы области, то облисполкомом разрабатывались меры по улучшению обслуживания населения автотранспортом, что в большинстве случаев выражалось в утверждении новых маршрутов общественного транспорта в районном, межрайонном и межобластном разрезах [25, л. 89–110].

В связи с этим можно сделать вывод, что Курский облисполком в большей степени занимался вопросами функционирования железнодорожной и автомобильной сетей региона, нежели непосредственно транспортным обслуживанием населения, что, на наш взгляд, говорит о главенстве проблем, связанных со строительством и обслуживанием дорожных сетей. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что данные сети (в большей степени это относится к сети автомобильных дорог) в изучаемый нами период были в большей степени только на этапе развития, нежели полноценного функционирования.

Еще одним относительно новым направлением деятельности облисполкома в деле развития транспортной сети региона было создание и функционирование авиасообщения между областными и районными центрами. Именно в 1960-е гг. начинается массовое строительство гражданских аэродромов, и все это нашло отражение в документах облисполкома.

Именно развитию авиасообщения местное государственное руководство уделяло достаточно серьезное внимание, о чем свидетельствуют отложившиеся в изучаемом архивном фонде документы и материалы. Начиная с 1965 г. облисполком регулярно выделял государственные земли для строительства аэродромов [17, л. 53–55], а уже в начале 1970-х гг. следил за развитием авиасообщения в области [23, л. 149–153]. При этом стоит отметить, что в большинстве своем самолеты использовались не столько для пассажироперевозок, сколько для нужд сельскохозяйственного производства (внесение минеральных удобрений, распыление ядохимикатов против вредителей и пр.), но это не в коей степени ни умаляет значения авиатранспорта для развития транспортной сети области.

Однако при строительстве и в период эксплуатации некоторых гражданских аэродромов случались весьма казусные случаи, происходившие в большинстве своем в связи с непониманием значения авиатранспорта для населения. 28 марта 1972 г. было подписано решение исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся за № 185 «О статье, опубликованной в газете “Правда” от 16 марта 1972 года, “Распахали... взлетные площадки”», в котором указывалось, что в ряде районов Курской области самолеты не только использовались неудовлетворительно, но и были случаи, когда взлетно-посадочные полосы распахивались колхозами, на территории которых они были расположены [27, л. 156–158]. Это приводило не только к срыву планов по применению авиации в сельскохозяйственных работах, но и планов по перевозке пассажиров, так как из-за неудовлетворительного состояния дорог, особенно в периоды весенней и осенней распутицы, авиация оставалась чуть ли не единственным видом транспорта, с помощью которого можно было добраться из отдаленных районов в областной центр.

Об особом значении авиатранспорта в транспортной системе региона свидетельствует пристальное внимание к нему со стороны облисполкома: как отмечалось в ряде решений из года в год объем пассажироперевозок непрерывно возрастал. Так, из решения Курского облисполкома от 14 декабря 1973 г. № 658 «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию гражданской авиации в области» мы узнаем, что только за период с 1970 по конец 1973 г. объем пассажироперевозок авиатранспортом увеличился в 1,4 раза [29, л. 23], а из аналогичного решения от 1 ноября 1974 г. № 597 «О мерах по дальнейшему развитию гражданской авиации на местных воздушных линиях Курской области» узнаем, что пассажиропоток увеличился еще в полтора раза, что говорит о востребованности авиатранспорта у населения и перспективности его развития в целом. Из этого же решения узнаем, что в достаточно короткие сроки было установлено надежное авиасообщение между областным центром и 23-я населенными пунктами области, а также регулярно совершались рейсы из

Курска в Москву, Баку, Тбилиси, Казань, Ижевск, Волгоград, Махачкалу, Пензу, Киев, Свердловск, Саратов, Минск и Ригу [30, л. 129], что на сегодняшний день кажется практически фантастикой.

Из изученных документов облисполкома узнаем, что развитие авиатранспорта было настолько успешным, что за первые три года XI пятилетки (1981–1983 гг.) авиатранспортом только внутри Курской области было перевезено свыше 251,5 тыс. человек, а также 14 920,0 т различных грузов и почты [38, л. 297], что в полной мере подтверждает наш тезис о перспективности развития авиатранспорта.

Таким образом, стоит отметить, что документы исполнительного комитета Курского областного Совета народных депутатов в достаточной мере отражают различный спектр проблем развития транспортной системы Курской области в 1960-е – 1980-е гг., что делает их одним из важнейших источников нашего исследования.

Отдельно стоит выделить развитие транспортной системы в областном центре – городе Курске, во-первых, как наиболее крупном населенном пункте региона, где вопрос транспортного обслуживания населения и предприятий стоял наиболее остро. А, во-вторых, потому, что Курск был практически единственным населенным пунктом области, где активно функционировал городской пассажирский транспорт разных типов (электротранспорт, представленный трамваями и троллейбусами, и автотранспорт, представленный в большинстве своем автобусным хозяйством). В большей степени эти проблемы нашли свое отражение в документах исполнительного комитета Курского городского Совета народных депутатов (до 1977 г. – депутатов трудящихся).

Документы данного архивного фонда также как и документы облисполкома можно отнести к типичным массовым источникам, характеризующим основные направления развития города Курска практически во всем их многообразии. Что касается вопросов, связанных с функционированием транспортной системы, то в большей степени данные документы освещают вопросы функционирования транспорта внутри города, лишь в некоторой степени затрагивая проблемы развития пригородного транспорта [1, л. 92–93].

Достаточно серьезное внимание исполком горсовета уделял развитию внутригородского транспорта, в первую очередь, электротранспорта: множество решений были посвящены проблемам строительства и ввода в эксплуатацию новых трамвайных линий, которые должны были связывать новые окраинные районы с городским центром [Д2, л. 218–219; 3, л. 265–266; 4, л. 178–179, 283], то же касалось и создания новых автобусных маршрутов, но данная тенденция была больше характерна для конца 1970-х – первой половины 1980-х гг. [11, л. 149–168; 12, л. 124–132; 13, л. 85–88]; особое внимание уделялось строительству и эксплуатации нового для города Курска вида электротранспорта – троллейбусам, которые впервые вышли на маршруты в 1972 г. [7, л. 33–44;

9, л. 218–223] (строительство первой очереди троллейбусной трассы началось в 1966 г. [1, л. 326]) и др.

В то же время документы Курского горисполкома также отразили проблемы, связанные с обеспечением безопасности движения общественного транспорта в городе [5, л. 25–37], строительством новых остановок и подъездов к ним [6, л. 24–40; 8, л. 173–177], улучшением обслуживания пассажиров [10, л. 20–24; 14, л. 36–40] и другие насущные вопросы развития транспортной системы областного центра.

Как отдельный вид исторических источников, отражающих работу транспортной сети города Курска, стоит выделить протоколы транспортной комиссии при горисполкоме, которая осуществляла свою деятельность в течение практически всего исследуемого нами периода. На своих заседаниях транспортная комиссия разбирала наиболее насущные проблемы функционирования транспортной системы города. К примеру, проанализируем протоколы комиссии за 1985 г. [15]. На заседаниях, прошедших за год, были обсуждены следующие важные вопросы: «О работе транспорта на 1 апреля 1985 г.», «О подготовке трамваев и троллейбусов к зиме на 26 июня 1985 г.», «О работе трамвайно-троллейбусного управления за 9 месяцев 1985 г.» и др. Доклады по обсуждаемым вопросам отразили не только сами проблемы, но и конкретные факты, которые достаточно подробно освещают основные проблемы функционирования транспортной системы в городе Курске и пригороде. Важно отметить следующее: документы транспортной комиссии в абсолютном большинстве своем еще не были введены в научный оборот, что говорит о недостаточной исследованности изучаемой нами проблематики.

В заключении хотелось бы отметить, что документами исполнительных комитетов Советов различного уровня источниковая база нашего исследования вовсе не ограничивается. Большой пласт информации о развитии транспортной сети на территории курского региона содержится в партийных документах, документах органов планирования и статистики, а также профильных фондах транспортного и железнодорожного управлений. При этом стоит отметить, что проблема развития транспортной сети на территории Курской области в 1960-е – 1980-е гг. все еще остается недостаточно изученной, что открывает серьезные перспективы для ее дальнейшего исследования.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 799.
2. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 800.
3. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 823.
4. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 862.
5. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 943.

6. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1015.
7. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1016.
8. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1019.
9. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1055.
10. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1099.
11. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1145.
12. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1235.
13. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1336.
14. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1528.
15. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1625.
16. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1632.
17. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1668.
18. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1733.
19. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1769.
20. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1867.
21. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1934.
22. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1970.
23. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2077.
24. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2178.
25. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2267.
26. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2289.
27. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2372.
28. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2400.
29. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2510.
30. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2585.
31. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2826.
32. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2838.
33. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2883.
34. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2914.
35. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3279.
36. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3350.
37. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3356.
38. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3439.
39. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3453.
40. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 3510.

Т. А. Ползикова

**ПРОПАГАНДА АТЕИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960–1970-е гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»)**

Курское областное отделение Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний было образовано постановлением заседания Президиума Правления Всесоюзного Общества

от 17 августа 1948 г. № 18 в соответствии со ст. 3 и 79 Устава Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний.

«Знание» ставило своей целью распространение политических и научных знаний среди населения на территории Курской области. Члены Общества организовывали публичные лекции в различных формах и издавали научно-популярные брошюры. Темы лекций Общества – от сельского хозяйства до внешнеполитических проблем. Лекторы – преподаватели ведущих учебных заведений области, политические деятели и профессиональные агитаторы.

«Знание» освещало самые злободневные темы общества, ставило на обсуждение нравственные вопросы и являлось «голосом» областной партийной организации. В круг затрагиваемых проблем лекторов Общества входила и антирелигиозная пропаганда. Насаждение гражданам «научно-материалистического мировоззрения» началось с первых лет установления советской власти на территории нашего государства и, судя по деятельности лекторов-пропагандистов, к 60-м гг. XX в. не потеряло своей актуальности.

В 60-е гг. XX в., как следует из сохранившихся материалов Общества «Знание», в Курском отделении действовал научно-методический совет по пропаганде атеистических знаний. Одним из направлений его деятельности была подготовка «образцовых» материалов для лекций и бесед, которые агитаторы на местах могли использовать для своих выступлений. Так, к примеру, НМС в 1962 г. разработал пособие «Правда о «Рождестве Христовом», в котором отмечалось: «Лекция или беседа должна показать слушателям, что: “Рождество Христово” и другие религиозные праздники возникли в результате бессилия трудящихся в борьбе с природой и классовым гнетом» [1, л. 122]. Лекторы «Знания» отмечали, что необходимость отказа от религиозности объясняется тем, что в результате Великой Октябрьской революции эксплуатация классов была ликвидирована и, как следствие, религия потеряла свою актуальность.

Отдельные граждане, продолжавшие соблюдение обрядовости, отвлекались от главного – работы по строительству коммунизма. Праздники прежнего мира должны были сменить новые: «Праздники советского народа – это торжественные дни памяти о великих событиях революционной борьбы, радостные дни смотра сил и достижений трудящихся – строителей коммунизма» [1, л. 123]. Появилось даже такое выражение как «советские народные праздники» [1, л. 132]. Так, приводится следующий пример такого замещения: «В конце зимы, накануне религиозного праздника «масленицы» в ряде сел Курской области, например, в селе Бобрышево, бывшего Пристенского района, проводится веселый народный праздник “Русская зима”» [1, л. 136]. К слову, в настоящее время эти два праздника зачастую объединяют в один.

Как когда-то христианство замещало языческие верования, так в тот период новая идеология коммунизма стремилась поглотить христианство.

В борьбе за формирование нового мировоззрения советских граждан, большую роль играло создание новых светских праздников. Это входило в планы по воспитанию нового советского человека, который иначе смотрит на мир, на традиции и обрядовость. Вполне закономерным считалось желание отмечать крупные праздники и торжества в жизни гражданина и страны с большой торжественностью. Устоявшимися «советскими народными праздниками» в середине 1960-х гг. можно было считать годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции, День Первого Мая, День Советской Конституции и т. д.

Сложилась и новая система празднования: демонстрации, торжественные собрания, награждения. В газетах освещались проводимые лекторами вечера о новых советских праздниках, к которым в изучаемый период относили, к примеру, День новорожденного, который предлагалось отмечать коллективом цеха или колхоза с вручением напутствия новорожденному и памятных подарков. К другим подобным праздникам можно отнести получение комсомольского билета, окончание школы, первую получку. Так, в день первой получки предлагалось, что «знатный труженик» «вручит молодым рабочим конверты с первой зарплатой», «ветераны труда расскажут о своей трудовой жизни, вспомнят, в каких нечеловеческих условиях приходилось работать до революции и получать гроши» [2, л. 184].

При праздновании советской свадьбы отмечался ее формализм: «В ЗАГСсах в лучшем случае сотрудница, регистрирующая брак, в конце процедуры встанет, протянет руку и произнесет стандартную фразу: “Поздравляю вас с законным браком”. Отмечалось же, что “церковники умеют сопровождать торжественные моменты жизни человека актами эмоциональной экспрессии”» [2, л. 188]. Требовалось, чтобы новые обряды, сопровождавшие этапы жизни человека, также оказывали воздействие на граждан. Вопрос новых праздников в НМС по пропаганде научного атеизма поднимался регулярно на протяжении многих лет. Рекомендовалось при отделении «Знания» по атеизму создавать специальные комиссии, которые бы работали над популяризацией новых праздников совместно с работниками культуры, писателями и краеведами.

«Мы считаем, что вера в бога противоречит нашему коммунистическому мировоззрению... Народное просвещение, распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляют места для веры в бога», – высказывался Н. С. Хрущев [3, 29 нояб.].

Особо активно пропагандистская деятельность велась на селе. С одной стороны, это объяснялось низким уровнем образованности жителей сел (несмотря на введение обязательного образования, общий уровень кругозора селян, их жизненный уклад мало отличался от патриархального уклада их отцов и дедов в начале XX в.), что облегчало работу лекторам.

Жители сел и деревень были более «внушаемы» и доверчивы к новой информации. С другой стороны, именно в селах были наиболее сильны корни христианской религии, где все жизненные циклы от рождения до смерти, от посадки до сбора урожая были согласованы с праздниками и обрядами. Для этой цели создавались целые подборки «правильной» художественной литературы и кинофильмов, производивших в тот период времени мощнейшее впечатление на людей, для многих из которых показ фильма являлся настоящим событием [1, л. 137–138]. По этой причине лекторы в большинстве своем проводили свои выступления в школах, колхозах, в цехах заводов.

Вместе с уменьшением числа верующих менялось и народное сознание. Хочется в этой связи отметить следующее высказывание: «В Советском Союзе счет годам ведется *пока* по христианскому летоисчислению, потому что оно является принятым в большинстве стран и с ним связаны различные международные экономические и иные расчеты и договорные даты» [1, л. 129]. СССР должен был стать образцовым светским государством, где все связи с религией в повседневности должны были быть перечеркнуты.

Замещение происходило даже на уровне фольклора, который, как можно утверждать, является зеркалом общества и течения его жизни. Приведем несколько пословиц «старых» и «новых»:

– «Наша доля – божья воля» и «Колхозная доля – на колхозном поле»;

– «Без бога ни до порога» и «Без бога широка дорога».

Зарождались все новые выражения, которые были призваны заместить в массовом сознании старые представления [1, л. 132–133].

Быт советского гражданина, прежде также связанный с религией, должен был, как и другие стороны жизни, претерпеть изменения. Этому даже посвящались отдельные выступления лекторов. Негативными сторонами религии в повседневности лекторы «Знания» предлагали считать отношение к женщине, бытовые преступления на почве религиозного фанатизма, знахарство и некоторые другие аспекты [2, л. 321]. Рассказывая о роли женщины в религиозной христианской системе, лекторы отмечали неравное отношение к полам, когда мужчина занимал главенствующее положение. Это демонстрирует, например, обряд крещения, когда новорожденного мальчика заносят в алтарь, а девочку оставляют только у порога. Похожая ситуация и при венчании, где напутствием невесте являются слова о покорности мужу. В советском обществе женщина находилась на одной ступени с мужчиной, что и должен был подчеркнуть в своем выступлении лектор. Особый вред наносило религиозное воспитание детей в семье, когда набожные родители заставляли их следовать суевериям и прочим предрассудкам: «Сколько двоек получили многие школьники, понадеявшись на счастливые приметы» [2, л. 327].

В беседах отдельно выносилось взаимодействие современной медицины и религии. Многие верующие, по словам докладчиков, предпочитали обращаться к народным целителям (приводится даже имя некой Людмилы Юдиной из Фатежа, которая лечила все болезни водой из Коренной Пустыни) [2, л. 329]. Церковь имеет особое отношение юродивым, проповедуя страдания и смирение, называя болезнь «божьей карой». Именно эта позиция христианства в прошлом была тормозом развития медицины, что способствовало распространению эпидемий. Большой вред здоровью наносили посты и голодания, молитвенные стояния, которые наносили особый вред детскому неокрепшему организму. В советское время пропагандировался здоровый образ жизни и медицина, занятия спортом, которые церковь никак не поощряла. В этом отношении, стоит заметить, новое мироустройство граждан действительно колоссально изменило жизнь.

Другой формой работы с гражданами в антирелигиозном направлении было проведение научно-атеистических вечеров [1, л. 139]. Пример тому – материал Ю. А. Солнышко, члена НМС по пропаганде атеистических знаний Курского областного отделения Общества по распространению политических и научных знаний РСФСР, на тему «Коммунизм и христианство», датированный февралем 1962 г. Пропагандист, по совету автора, мог получить в бухгалтерии «данные о том, какой конкретно вред колхозу, предприятию наносит празднование престольных и иных религиозных праздников», к которым относили прогулы, простои машин и брак. Аналогично к вреду религии относили травмы и «разгул» в дни, следующие за церковными праздниками. Факты о религии на подобных вечерах подавались исключительно с односторонней негативной позиции.

Что важно отметить, так это хорошо отлаженную систему оповещения о предстоящих вечерах Общества. Так, из тех же методических рекомендаций можно узнать, что в населенных пунктах развешивались красочные объявления, оповещение проходило через радио, местную прессу, в отдельных районах школьники разносили по домам именные приглашения.

В своем роде новаторской формой антирелигиозной пропаганды явилось создание устных атеистических альманахов. Как пример тому, разработанный в 1964 г. НМС г. Курска альманах «Без маски» [2, л. 197–213]. Авторы ставили целью «средствами эстрады способствовать разоблачению антикоммунистического характера религиозной идеологии, лицемерия духовенства, а также вооружить молодежь убедительными фактами для проведения индивидуальных бесед с верующими» [2, л. 198]. И несмотря на то, что в руководстве проведения подобного мероприятия идет речь о том, что антирелигиозную работу было необходимо проводить тактично, не оскорбляя чувств верующих, некоторые примеры откровенно высмеивали верующих и христианские основы.

Другой формой антирелигиозной пропаганды являлась работа агитаторов в школах при проведении научно-атеистических вечеров. Один из таких примеров – формат мероприятия «Спрашивайте – отвечаем» [2, л. 214]. Его предлагалось проводить старшеклассникам «из наиболее политически развитых комсомольцев, имеющих опыт выступлений на политбоях, вечерах, диспутах» для младших классов с привлечением максимальной наглядной агитации. «Первопроходцами» такого вида пропаганды стали учащиеся школы № 7 им. А. С. Пушкина в 1964 г. Интересными были и «атеистические уроки химии», базой которых стали материалы все того же НМС. Ученые в них объясняли природу широко известных христианских сюжетов, таких как превращение воды в вино и явление чудесного огня.

Помимо этого НМС по пропаганде научного атеизма выпускали бюллетени, представляющие собой сборники выступлений лекторов Курского отделения и других регионов, а также подборки фильмов и литературы, создавались материалы для индивидуальной работы с верующими.

В общей сложности, пропаганда атеистических знаний в Курской области в середине 1960-х – начале 1970-х гг. охватывала все сферы жизни советского гражданина. Она касалась всех жизненных этапов от рождения до смерти через внедрение светских норм в обрядовость. Появлялись «новые советские праздники», призванные по эмоциональной наполненности заменить христианские церковные. Насаждение нового образа мышления проводилось в школах, на рабочих местах, во время досуга. Новые идеи продвигались через выступление лекторов, через радиопередачи, специальные фильмы и книги. При этом стоит отметить, опираясь на имеющиеся материалы Общества «Знание», вплоть до конца изучаемого периода корни христианской религии оставались сильны, в особенности это отмечалось в селах. Прочность ее основ, заложенных несколько столетий назад, подтверждает и тот факт, что вместе с ослаблением советской идеологии в 1980-е гг. вновь возросла роль религии.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 98.
2. ГАКО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 121.
3. Правда. 1957.

**О НЕКОТОРЫХ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ПРОЕКТИРОВАНИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВА МОНУМЕНТА
В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ СОВЕТСКИХ ВОЙСК НА КУРСКОЙ ДУГЕ**

Весной 1966 г. руководство Курской области обратилось в Министерство культуры РСФСР с просьбой дать заключение Художественно-экспертного совета по проекту памятника в ознаменование разгрома немецко-фашистских войск в битве под Курском (авторы – скульптор Е. В. Вучетич, архитектор Я. Б. Белопольский), прошедшему широкое обсуждение и получившему одобрение общественности и органов власти [3, л. 24].

В фондах Государственного архива Курской области сохранилась выписка из протокола заседания Художественно-экспертного совета Министерства культуры РСФСР от 7 мая 1966 года. На заседании председательствовал скульптор М. Г. Манизер – автор памятника В. И. Ленину на Красной площади Курска. Художественный совет рассмотрел: проект памятника в ознаменование разгрома немецко-фашистских войск в битве под Курском. Члены Совета приняли решение принять представленный проект, считая образное отражение исторического значения битвы под Курском большой творческой удачей авторов [4, л. 135].

Сохранилась и стенограмма обсуждения проекта, передающая атмосферу творческого поиска оптимальных решений, заинтересованности в высоком уровне произведений монументального искусства, ответственности за порученное дело и взаимоуважения участников дискуссии. Автор проекта знаменитый скульптор Е. В. Вучетич, раскрывая художественный замысел, предложил представить собравшимся, как в степи столкнулись две большие массы, которые вздыбились, и одна из этих каменных глыб сломалась под мощью более сильной. Во внутреннем объеме монумента предполагалось сделать музей [4, л. 136].

Вопрос о строительстве памятника актуализировался лишь спустя пять лет, к очередному юбилею Курской битвы. Последний прижизненный проект монумента в честь победы Советской армии на Курской дуге скульптора Е. В. Вучетича был одобрен в 1973 году. Его соавторами на этот раз стали архитекторы И. И. Ловейко и А. Н. Киселев, инженер Ю. А. Дыховичный. Как следует из описания, художественно-образное решение и эмоциональная насыщенность памятника базировались на исторической точности, правдивости отражения обстановки того времени и раскрытия значимости самого события, в котором показывались нарастающая динамика мощи советских войск и одновременно процесс надлома массы фашистской армии, символизирующий ее неминуемую катастрофу. Памятник наполнялся эпической силой воздействия не только

в композиции и монументальной скульптуре, но и в решении окружающей среды. По разметке и тектонике композиции памятник должен был доминировать над городом, величественно воспринимаясь днем и ночью, независимо от погодных условий, как со стороны степных просторов и перспектив от магистрали Москва – Симферополь, так и с ближних точек [1, л. 3–4].

Мошшение площадки главной аллеи, подводящей к площади памятника, намечалось выполнить крупными железобетонными плитами, различными по размеру и форме, в виде циклопической кладки на специально подготовленном основании в виде песчаной подушки. При подъезде к парку со стороны города предусматривались стоянки для 100 автомобилей и 25 автобусов.

Внутренне пространство монумента расчленялось на зоны, исходя из конструктивной схемы сооружения. В верхних зонах предусматривались видовые площадки для посетителей. В связи с этим запроектированы подъемники, лестницы в обеих частях сооружения и другие устройства, необходимые для осмотра окружающей среды сверху. В двух нижних зонах предполагалось размещение музейной экспозиции и лекционного зала с киноустановкой. Для этих целей проектировалась в восточной части сооружения внутренняя парадная лестница, соединяющая два этажа будущего музея. В западной части должны были располагаться необходимые помещения для лекционной работы. Для обслуживания посетителей памятника и парка планировалось место для отдельно стоящего павильона со служебными помещениями и кафе-рестораном.

Монумент проектировался из монолитного железобетона. Внешние поверхности железобетонной оболочки должны были непосредственно образовывать лицевые поверхности монумента без дополнительной отделки. Верхние скульптурные группы монумента предполагалось выполнить в виде пустотелых оболочек из листов цветных металлов или нержавеющей стали по стальным каркасам. Общая высота монумента составляла 76 метров [1, л. 5–7]. Именно этот вариант проекта был взят за основу для проведения строительных работ, начавшихся на северной окраине Курска в 1970-е гг.

Одной из основных статей расходов по созданию монумента на этапе его проектирования являлся авторский гонорар, который исчислялся, исходя из необходимости создания ряда скульптурных композиций. Они требовались как для подготовки рабочей модели-макета памятника в гипсе масштабом 1 к 40 от настоящей величины (н. в.), так и для выполнения промежуточной модели-макета памятника в гипсе масштабом 1:20.

Стоимость изготовления фрагментов скульптурных композиций и рельефов на глыбах для рабочих и промежуточных моделей составляла 800 руб. за единицу площадью до одного квадратного метра (требовалось изготовить 100 таких композиций), а также 1 200 руб. за единицу площадью до 3 м² (140 композиций). В тех же размерах оценивалось

изготовление моделей и фрагментов скульптурных композиций объемных элементов военной техники, выполняемых отдельно (в гипсе), а в последующем монтируемых в общую композицию рельефов на глыбах. Их количество составляло 30 – площадью до одного и 50 – площадью до трех квадратных метров.

Рабочие модели объемных фигур воинов с оружием, выполняемые отдельно (в гипсе) высотой до 1 м, впоследствии включаемые в общую композицию рельефов на глыбах, оценивались дороже: 1 500 руб. – однофигурные композиции (21 единица), 2 500 руб. – одна трехфигурная композиция, 5 000 руб. – многофигурные композиции (1–12-фигурных и 1–16-фигурная).

Изготовление модели скульптурных композиций в величину сооружения в гипсе – рельефов на глыбах и объемных элементов военной техники в гипсе, выполняемых отдельно, а впоследствии монтируемых в общую композицию рельефов, стоило 150 руб. за квадратный метр (общая площадь скульптурных композиций – 7 000 м², элементов военной техники – 500 м²). Модели объемных фигур воинов с оружием (высотой до 4 м) оценивались в 6 000 руб. каждая.

Таким образом, общая сумма авторского гонорара за изготовление скульптурных композиций, объемных элементов военной техники и объемных фигур воинов для изготовления модели памятника в величину сооружения составляла 2 100 000 руб. [2, л. 28–29].

Объем работ по утвержденному в 1973 г. сметно-финансовым расчетом составлял 7 118 500 руб., что соответствовало затратам на изготовление рабочей модели в масштабе 1:30. Из справки фактических расходов по сооружению памятника, посвященного битве Советской Армии на Курской дуге, следует, что с 1973 по 1975 гг. было выделено ассигнований на сумму 4 519 000 руб., а израсходовано всего 659 тыс. руб. [2, л. 84]

Министерство культуры СССР, рассмотрев отчет Всесоюзного производственно-художественного комбината за 1975 г., констатировало, что из-за приостановки работ по проектированию Монумента в честь победы советских войск на Курской дуге план мероприятий по заказам Министерства культуры СССР был выполнен только на 80,6 %. В отчетном году осталось неиспользованным бюджетное финансирование в сумме 4 671 000 руб. из них 3 933 000 руб. по Монументу на Курской дуге [2, л. 80–81].

В 1976 г. работы велись с учетом дальнейшего увеличения с рабочей модели в масштабе 1:40 (увеличения не в 30 раз, а в 40 раз), соответственно площадь монумента должна составить 14 000 кв. м, вместо 9 000 кв. м, учтенных в сметно-финансовом расчете. Ориентировочная стоимость работ увеличивалась до 14 млн руб., вместо ранее утвержденной суммы 7 118 500 руб. [2, л. 67].

23 июня 1976 г. директор Всесоюзного производственно-художественного комбината В. Д. Косарев и начальник планового отдела комбината Н. С. Бежанова направили на утверждение заместителю Министра культуры СССР Н. И. Мохову уточненный проект штатного расписания специализированного управления. Указанные документы были разработаны во исполнение приказа Министра культуры СССР от 29 августа 1974 г. № 636 «О проектировании монумента в честь победы Советской Армии на Курской дуге». Должностные оклады руководящим и инженерно-техническим работникам управления устанавливались в соответствии с постановлением ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС от 12 декабря 1972 г. № 842. Например, месячная зарплата директора специализированного управления определялась в 215 руб., главного инженера – 195 руб., инженера – 125 руб. Фонд оплаты труда административно-управленческого и младшего обслуживающего персонала, штатной численностью 26 человек, составлял 2 425 руб. в месяц. Планируемая численность персонала была необходима для проведения работ в Москве и Курске [2, л. 58–59]. Спустя пять дней на имя заместителя Министра культуры СССР В. В. Попова было направлено новое штатное расписание специализированного управления, в большей степени соответствовавшее возлагаемым на него задачам. В соответствии с ним, численность персонала увеличивалась до 39 человек, а фонд заработной платы – до 4 310 руб. в месяц [2, л. 60].

25 июня 1976 г. заместитель директора Всесоюзного производственно-художественного комбината С. В. Захаров направил информацию о ходе работ по сооружению Монумента начальнику планово-финансового управления Ф. П. Кузьеву, из которой следовало, что в соответствии с решением Совета Министров РСФСР, завершить сооружение монумента в честь победы Советской армии на Курской дуге предполагалось в августе 1978 г. Сметная стоимость сооружения составляла 7 118 500 руб., из которых на 1976 г. были утверждены расходы в размере 1 800 000 руб. Фактически за семь месяцев 1976 г. было израсходовано 45 000 руб. До конца года ожидалось освоить около 100 000 руб., или 5,5 % от объема годового плана.

Для исполнения упомянутого решения Совмина РСФСР, на совещании у Министра культуры СССР П. Н. Демичева 9 января 1976 г. было намечено проведение ряда мероприятий. Но и по прошествии полугода после состоявшегося совещания руководящей группой так и не были представлены в Управление изобразительных искусств министерства культуры и Всесоюзный производственно-художественный комбинат (ВПХК) график выполнения скульптурно-творческих работ и методика технологии увеличения до размера сооружения скульптурной части монумента, необходимая для рассмотрения Художественно-экспертным советом по монументальной скульптуре Министерства культуры СССР. Хотя, по приказу Министра культуры СССР от 29 августа 1974 г. № 636

указанную методику требовалось разработать в двухмесячный срок. По договору с ВПХК, утвержденному заместителем Министра культуры СССР В.И. Поповым, срок разработки методики продлевался до 31 августа 1975 г.

График выполнения скульптурно-технических работ был подготовлен в установленные сроки и подлежал увязке с графиком скульптурно-творческих работ. Рабочее проектирование надземной части монумента задерживалось из-за отсутствия сечений модели. Работа, начатая Комбинатом по формовке модели в масштабе 1:40, для изготовления двух эталонов, необходимых для резки и снятия сечений, была приостановлена руководителем творческой группы В. В. Вучетич в марте 1976 г.

Формовка и отливка в гипсе промежуточной модели в масштабе 1:20 была завершена. Увеличение – прокладка в глине промежуточной модели в масштабе 1:10 могла быть закончена в первом квартале 1976 г., при условии выполнения этих работ в помещении комбината. Однако, руководящая группа решила целесообразным производить эти работы в мастерской Е. В. Вучетича, несмотря на то, что имеющиеся там производственные площади оказались недостаточны.

Первая часть промежуточной модели в глине в масштабе 1:10 была сдана руководящей группе 5 марта 1976 г., вторая часть модели в глине («немецкая» сторона) закончена, а последняя третья часть модели к июню 1976 г. находилась в работе. Кроме того Комбинатом были заформованы и отлиты в гипсе эталоны моделей трех фрагментов общей площадью 14 кв. м., других заданий от творческой группы Комбинат не получил.

На совещании у Министра культуры СССР 9 января 1976 г. Комбинату было предложено решить вопрос о реконструкции и увеличении производственной площади в мастерских Вучетича. По заданию группы под руководством И. И. Ловейко разрабатывался проект реконструкции указанных мастерских. Не было утверждено вовремя штатное расписание спецподразделения Комбината по руководству работами по монументу [2, л. 70–78]. Указанные обстоятельства существенно осложняли выполнение плановых показателей по строительству Монумента.

3 августа 1976 г. заместитель директора Всесоюзного производственно-художественного комбината В. В. Андреев направил письмо руководителям творческого коллектива В. В. Вучетич, И. И. Ловейко и Г. В. Нероде, в котором сообщалось, что отсутствие утвержденной технологии увеличения модели Монумента в размер сооружения и календарного графика выполнения скульптурно-творческих работ задерживало составление общего графика скульптурных работ (в том числе скульптурно-технических и сопутствующих строительно-монтажных работ), а также заявок на финансирование, материалы и

лимитов на производство подрядчиками скульптурно-технических и строительно-монтажных работ.

Для обеспечения возможности надлежащего производства работ по сооружению Монумента Комбинат просил руководителей творческой группы в кратчайшие сроки представить, на рассмотрение Художественно-экспертному совету по монументальной скульптуре технологию увеличения модели Монумента в размер сооружения и график выполнения скульптурно-творческих работ.

В связи со значительным увеличением объемов работ по представляемой Художественно-экспертному совету технологии по сравнению с работами, планируемыми по ранее утвержденному сметно-финансовому расчету, от творческого коллектива требовалось представить Комбинату подробную характеристику скульптурно-творческих работ, подлежащих включению в новый сметно-финансовый расчет согласно технологии и графику работ по созданию Монумента [2, л. 75–76].

20 октября 1976 г. был подготовлен проект приказа Министерства культуры СССР «О создании Дирекции по сооружению Монумента на Курской дуге». Как следует из документа, на основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 ноября 1973 г. № 861 «О сооружении монумента в честь победы Советской Армии на Курской дуге в 1943г.» и в целях обеспечения необходимого организационно-технического руководства сооружением монумента, с 15 ноября 1976 г. при Всесоюзном производственно-художественном комбинате им. Е. В. Вучетича создавалась Дирекция по сооружению монумента на Курской дуге.

Всесоюзному производственно-художественному комбинату (директор – В. Д. Косарев) предписывалось в двухдневный срок разработать и представить на утверждение руководству Министерства культуры СССР положение о Дирекции, план работ, смету расходов и штатное расписание, а Планово-экономическому и финансовому управлению Министерства культуры (начальник – Ф. П. Кузьяев) – предусмотреть выделение в 1976 г. необходимого фонда заработной платы [2, л. 57].

Одновременно начальнику отдела организации труда и зарплаты планово-финансового управления Министерства культуры СССР Е. Н. Новикову были представлены проекты штатного расписания и положения о специализированном управлении по проектированию, руководству и контролю за ходом создания монумента «В честь победы Советской Армии на Курской дуге».

В соответствии с разработанным проектом положения о Специализированном управлении по проектированию, руководству и контролю за ходом создания монумента «В честь победы Советской Армии на Курской дуге», создаваемое учреждение являлось

самостоятельным структурным подразделением Министерства культуры СССР.

На Управление возлагались задачи по организационно-техническому руководству сооружением монумента, включавшему в себя связь с творческим коллективом по обеспечению его материалами, инвентарем и созданию необходимых условий его работы, а также согласование и контроль технических и производственных процессов; подготовку к заключению договора с авторским коллективом и трудовых соглашений, с разными исполнителями; привлечение подрядных организаций для выполнения скульптурно-технических и сопутствующих работ, и заключение с ними договоров. Управление должно было участвовать в рассмотрении проектов и технологии скульптурно-технических работ; согласовывать сметно-техническую документацию; составлять, с заинтересованными организациями, графики работ и представлять их на утверждение; осуществлять контроль за сооружением мемориального объекта [2, л. 69–70]. Создание Специализированного управления (дирекции) по строительству Монумента способствовало ускорению строительно-монтажных работ на месте его возведения, но не смогло оперативно обеспечить выполнение проектно-технологических решений творческим коллективом.

Таким образом, несмотря на выделяемое из бюджетных средств финансирование, проблемы организационно-технического характера препятствовали своевременной реализации графика выполнения проектных и строительных работ по возведению Монумента. Комплекс противоречий, возникших в отношениях между руководством творческого коллектива и непосредственными производителями работ в лице ВПХК, не позволили воплотить в жизнь проект выдающегося советского скульптора, который мог стать символом народной памяти о великой Победе в Курской битве.

Источники и литература

1. Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2458. Оп. 8. Д. 1420.
2. РГАЛИ. Ф. 2458. Оп. 10. Д. 780.
3. РГАЛИ. Ф. 3151. Оп. 1. Д. 431.
4. Государственный архив Курской области. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 429.

**ИЗ ОПЫТА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1970–1980-е гг.**

Неотъемлемым условием эффективного функционирования промышленного предприятия является его обеспеченность, квалифицированными кадрами. На любом производстве при изготовлении продукции, всегда уделялось особое внимание подготовке талантливых и ответственных специалистов, инженерно-технических работников. На предприятиях промышленности Курской области за период их деятельности сложилась вполне эффективная система подбора и подготовки рабочих кадров.

Подготовка будущих специалистов начиналась еще со школьной скамьи. Установка на необходимость более широкого привлечения промышленных предприятий к укреплению учебно-производственной базы общеобразовательных школ и улучшение централизованного снабжения школ техническими средствами обучения регулярно озвучивалась органами власти [6, л. 24].

Бюро Курского обкома КПСС регулярно принимало решения, направленные на укрепление связи промышленных предприятий с учебными заведениями. Например, 13 апреля 1971 г. было принято постановление «О руководстве Дмитриевским райкомом КПСС трудовым воспитанием и профессиональной ориентацией учащихся общеобразовательных школ». Заведующая отделом науки и учебных заведений обкома КПСС А. Е. Масленникова докладывая об укреплении учебно-материальной базы трудового обучения, отмечала, что в ряде школ области были оборудованы кабинеты механизации, все восьмилетние и средние школы стали оснащаться уголками профессиональной ориентации. Учебные заведения были обеспечены квалифицированными кадрами по трудовому и производственному обучению [7, л. 14].

К концу 1975 г. в Курской области стало действовать 29 школ рабочей молодежи, областная заочная школа, 21 районная школа с очной и заочными формами обучения, где занимались без отрыва от производства 32 600 человек, из них 12,5 тыс. – из г. Курска. В 1971–1975 гг. в них получили среднее образование около 18 тыс. человек. В производственных объединениях «Химволокно», «Швея», на предприятиях г. Железногорска, в Щигровском объединении «Геомаш» на базах предприятий создавались уголки социального развития коллективов, приводились необходимые условия для совмещения работы с учебой, оказывалась помощь вечерним школам в укреплении их учебно-материальной базы. Поэтому не случайно большая часть молодых работников, не имевших соответствующего

уровня образования, начинали получать его и обучались именно здесь [9, л. 63].

Особую роль в подготовке инженерных кадров для промышленных предприятий региона играли высшие учебные заведения. Решением бюро горкома КПСС от 9 августа 1972 г. при Курском политехническом институте были открыты постоянно действующие двухгодичные курсы руководителей предприятий. Заведующим курсами был утвержден доцент, заведующий кафедрой экономики и организации производства В. Ф. Васютин. В первый год работы на них стали обучаться 112 человек. К чтению лекций и проведению семинарских занятий на этих курсах привлекались преподаватели кафедры В. Ф. Васютин, М. Т. Печенев, В. Л. Черный [9, л. 30].

Видное место в подготовке специалистов средней и высшей квалификации в Курской области принадлежало системе вечернего и заочного обучения. Только в вузах и техникумах области из числа рабочих и инженерно-технических работников получали образование около трех тысяч человек. Вместе с тем были нередки случаи неправильного отношения к заочникам. Некоторые студенты и учащиеся-заочники, работавшие в производственно-конструкторском объединении «Прибор», на заводах тракторных запасных частей, «Счетмаш», «Электроаппаратном» по причине задержки после работы, несовпадения смен опаздывали и пропускали занятия.

В целом, положительные движения в сторону наращивания промышленного потенциала, не могли остаться незамеченными. На предприятия региона стали активно проводить конференции и семинары, направленные на совершенствование кадрового потенциала Курской области.

На научно практической конференции 23 октября 1974 г. секретарь парткома электроаппаратного завода И. А. Горбулин поделился опытом организации экономической учебы на предприятии и показал ее положительное влияние на ускорение темпов технического перевооружения завода. Основной характеристикой этой работы стал факт того, что если бы техническая оснащенность производства оставалась на уровне 1965 г., то для выполнения, возросшего с тех пор в три раза государственного плана, предприятию потребовалось бы рабочих на 3,5 тыс. человека больше чем, оно имело на конец 1974 г. [8, л. 44].

Главный инженер завода «Счетмаш» С. П. Бабурин рассказал, что экономическая подготовка помогла коллективу предприятия в борьбе за неуклонный и ежегодный рост фондоотдачи, этого наиболее концентрированного показателя эффективности производства. Фондоотдача на заводе увеличилась за три года пятилетки более чем в три раза.

Секретарь парткома производственно-конструкторского объединения «Прибор» И. М. Якуненко доложил о том, что работа сети

экономического образования успешно увязывается на предприятиях с деятельностью парткома и администрации по внедрению научной организации труда, заводского совета НОТ, с организацией изучения, передачи и внедрения передового производственного опыта. На предприятиях использовалась интересная форма применения знаний обучающихся для совершенствования производственной деятельности: в цехах и отделах создавались специальные творческие бригады для выработки мер по «расшивке» образовавшихся в том или ином звене производства «узких мест» [8, л. 45]. Такая практика давала положительный результат, так как помогала выявить слабые места на производстве и активно их устранять.

На заводе «Счетмаш» был создан «Совет молодых специалистов», работу которого курировал директор предприятия В. И. Овчинников. Эта мера позволила в 1977–1979 гг. из 30 рабочих закончивших вузы и техникумы 17 выдвинуть на должности мастеров и инженеров. За этот же период 91 рабочий был зачислен в резерв. Благодаря подобной инициативе удалось воспитать и подготовить 54 молодых специалиста [10, л. 54].

За этот же промежуток времени на заводе «Курскхимволокно» повысили квалификацию 219 рабочих при плане 55 человек. Было обучено новым профессиям 36 рабочих. Звания «Ударник труда» были удостоены 167 человек. На ударных стройках по возведению промышленных объектов работало 17 комсомольско-молодежных бригад, подготовленных в школах молодежи. Лучшими из них являлись коллективы, руководимые А. С. Дроновым, М. Г. Сидоровой, И. У. Жуковым, И. Р. Андреевым, В. Т. Макаренковым – инженерами и рабочими промышленности [1, л. 161].

В марте–октябре 1978 г. был проведен Всесоюзный смотр учебно-воспитательной работы в профтехучилищах и техникумах. По оценке секретаря обкома ВЛКСМ Б. М. Чухраева, в ходе смотра улучшилась работа по выполнению постановления областной комсомольской конференции «Каждому молодому рабочему – среднее образование». На предприятиях 23 057 молодых рабочих было вовлечено в школы рабочей молодежи, в заочные среднетехнические учебные заведения и ВУЗы – 6 300 человек.

На заводе «Рубильник» Кореневского района 70 человек получили среднее образование, 25 – обучались в школе рабочей молодежи, 7 – заканчивали ВУЗы и техникумы. Большую работу провел по этому вопросу и комитет комсомола Кривецкого сахарного завода Тимского района. Из 320 рабочих завода 24 имели среднее образование, 28 повышали свой общеобразовательный уровень в вечерних школах, 12 учились в ВУЗах и техникумах, многие занимались в сети партийного и комсомольского политпросвещения.

Многое в укреплении учебно-производственной базы было сделано на предприятиях химической и электротехнической промышленности,

машиностроения, Михайловском железорудном комбинате, заводах «Маяк», «Прибор» и др. Молодые рабочие сборочного цеха завода «Счетмаш» выступили с ценной инициативой – к «Ленинскому» юбилею» (1970 г.) каждому молодому рабочему повысить квалификацию и освоить смежную профессию. Для обучения вновь принятых молодых рабочих, не имеющих профессий, были подобраны рабочие – инструкторы, из числа ИТР, владевших определенными навыками преподавательской работы, преподавателей теоретического обучения с высшим и средним специальным образованием [2, л. 246].

Областной комитет по проведению смотра одобрил опыт работы комитетов ВЛКСМ заводов «Аккумулятор», РТИ по подготовке молодежи к рационализаторскому творчеству. На базе этих предприятий были созданы школы молодых рационализаторов. Их программы были рассчитаны на 30–40 часов. В 1983 г. на заводе РТИ 45 человек получили удостоверения об окончании школы молодых рационализаторов. В 1984 учебном году планировалось организовать школы молодых рационализаторов по цехам и отделам завода, руководить которыми должны были выпускники этой же школы.

Интересные формы проведения конкурсов профессионального мастерства были распространены на заводах «КЗТЗ», «Счетмам» г. Курска. За 6 месяцев 1983 г. молодыми рабочими, колхозниками было подано 413 рационализаторских предложений, из них 192 внедрено в производство. Общая экономия от их внедрения составила 172 тыс. руб. [3, л. 144].

В условиях научно-технического прогресса важная роль принадлежала молодым ученым и специалистам, на территории Курской области было функционировало 7 научно-исследовательских институтов, 4 ВУЗа и 24 техникума, в которых работали и учились более 300 тыс. молодых людей. В институтах и научных учреждениях г. Курска и области работали почти 2000 научных работников из них более 480 докторов и кандидатов наук. Большую помощь оказывали студенческие научные общества, объединяющие 7 000 студентов.

В 1984 г. более 3 500 студентов участвовали в научно-исследовательской работе. Их исследования находили применение в народном хозяйстве. Около 200 работ, в которых принимали участие студенты, были приняты к внедрению. Несомненно, подобная практика оказывала позитивное влияние на повышение уровня квалификации работников предприятий.

Подготовка, и повышение квалификации рабочих, ИТР завода КЗТЗ осуществлялись в плановом режиме. Издавались приказы и мероприятия, направленные на улучшение профессионального обучения. В этих мероприятиях четко прописывались конкретные цифровые задания на каждый год в каждый цех. При отделах имелся общий заводской план с указанием форм и методов производственно-технического обучения. Учет

выполнения плана велся поквартально. В начале каждого учебного года составлялось расписание занятий. Преподаватели теоретического обучения обеспечивались учебными программами, плакатами, журналами и соответствующей учебно-методической литературой. Производственно-техническое обучение новых рабочих осуществлялось методом индивидуального и группового обучения, теоретическое обучение только групповое (группы от 10 до 30 человек) [5, л. 19].

Преподаватели теоретического курса и инструктора производственного обучения подбирались и утверждались распоряжениями по цехам и службам завода. Производственное и теоретическое обучение проводилось по утвержденным учебным программам госкомитетом Совета Министров СССР по профтехобразованию и программам, разработанным Центральным учебно-методическим кабинетом Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения и заводским программам, утвержденным главным инженером завода.

Учебно-методическая работа осуществлялась через учебно-методический совет и мероприятия, которые проводились с преподавателями и инструкторами производственного обучения (семинары и инструктивные совещания).

Благодаря такому серьезному подходу к совершенствованию форм управления повышения квалификации кадров, заводу КЗТЗ удалось добиться в этом направлении следующих результатов. К концу 1988 г. по плану повысить квалификацию должны были 1 450 человек, а фактически эта цифра была 1 491 человек, в том числе на производственно-техническом обучении 830, фактически 839, на курсах обучения вторым профессиям 170, а на деле 175, на курсах целевого назначения 195, по факту 203 [5, л. 21].

Обучено было организовано через курсы повышения квалификации по профессиям: стерженщики – 141, формовщики – 75, заливщики – 64, земледелы – 33, слесари-ремонтники – 116, шлифовщики – 48, контролеры – 32, наладчики – 37, термисты – 41 человек.

Подобного рода мероприятия проводились и на других предприятиях. Так, на Курской фабрике технических тканей за I полугодие 1989 г., необходимо было подготовить 73 рабочих. Всего же было подготовлено 65 рабочих, в том числе 13 ткачей, 21 крутильщица, 11 мотальщиц-сновальщиц. На конец отчетного периода продолжали обучение 20 человек. Причиной невыполнения плана являлось то, что поступление на работу учеников основных профессий, проходило в основном в мае–июне 1989 г., после окончания ими средней школы.

Для проведения занятий по производственно-техническому обучению рабочих, фабрика располагала учебным классом, где находились наглядные пособия в виде натуральных образцов производственного оборудования: катушки пряжи с видами брака по крутильному цеху,

уточные шпули с пряжей с видами брака по приготовительному участку. В классе имелись схемы и плакаты крутильных машин, ткацкого станка и уточного автомата. Эти схемы были выполнены работниками конструкторского бюро [4, л. 3].

В целом, подготовка и комплектование рабочими кадрами всех типов предприятий промышленности Курской области проходило по разному. Это было связано с различными подходами в производстве, отличием номенклатуры выпускаемой продукции, сложностью технологических процессов, сменностью профиля предприятий. Также предприятия промышленности не получали единого учебно-методического руководства по существу были предоставлены самим себе, что значительно снизило качество повышения квалификации кадров.

В силу вышесказанных обстоятельств, каждое предприятие вело подготовку специалистов самостоятельно, постоянно проводя обучение работников на территории заводов, организуя курсы повышения квалификации, заключая договоры на поставку молодых инженеров из ВУЗов страны. Эти мероприятия позволяли предприятиям промышленности Курской области занимать лидирующее положение в отрасли.

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 8. Д. 1217.
2. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 35. Д. 396.
3. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 35. Д. 595.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-995. Оп. 1. Д. 290.
5. ГАКО. Ф. Р-5182. Оп. 3. Д. 1719.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 58. Д. 482.
7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 598.
8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 62. Д. 328.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 87. Д. 123.
10. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 87. Д. 214.

В. Э. Емельянов

СОСТОЯНИЕ ТОРГОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 1980-х гг.

Отечественная торговля имеет длительную историю, на протяжении которой отмечаются положительные и отрицательные тенденции развития данного вида социально-экономической деятельности. Исходя из того, что

торговые отношения тесно связаны с распределением материальных благ в обществе, необходимо уделять их гармонизации особое внимание государственных институтов в части обеспечения каждому человеку комфортных условий жизни с предоставлением возможности приобретения необходимых ему товаров и услуг. В Курской области на протяжении всего периода ее существования, как самостоятельной административно-территориальной единицы, образованной в 1934 г., наблюдалось противоречивое отношение властей к торговому обслуживанию населения.

Вопрос сохранности общественной собственности и повышения качества торгового обслуживания населения во второй половине XX в. отличался особой актуальностью. Случаи нарушения правил советской торговли, связанные с корыстными покушениями на реализуемые товары и материальные ценности, которые фиксировались в середине 1960-х гг., носили массовый характер. Так, в 1964 г. в Ленинском районе было зафиксировано 30 фактов растрат и хищений на сумму 140,5 тыс. руб. Одной из причин, приводивших к подобным нарушениям в вопросах сохранности и справедливости распределения реализуемых товаров, на наш взгляд, стал некачественный подбор кадров в системе торгового обслуживания населения [3, с. 58].

Для повышения уровня сохранности общественной собственности, осуществления эффективного контроля и реагирования на проблемы, связанные с организацией общественной торговли, было принято постановление бюро Курского обкома КПСС и облисполкома от 15 сентября 1981 г. № 527 «О состоянии торгового обслуживания населения области в свете требований постановления ЦК КПСС от 9 июня 1981 г. и постановления Совета Министров РСФСР от 14 июля 1981 года “О фактах нарушения правил торгового обслуживания населения в организациях государственной и кооперативной торговли”» [2]. В 1981 г. Курским областным комитетом народного контроля было проведено 159 проверок и рейдов. Результаты 121 из них были рассмотрены на заседаниях комитетов народного контроля. Это позволило привлечь к уголовной ответственности около 83 должностных лиц и отстранить от работы 5 человек, которые при определенной халатности или при получении своей материальной выгоды нарушали правила советской торговли, прибегали к обвесам и обсчетам граждан, а также не обеспечивали сохранения общественной собственности на предприятиях торговли [1, л. 10].

За 1982 г. было проведено около 50 проверок, а результаты 45 из них рассмотрены на заседании комитета народного контроля. За данный период к ответственности привлекли 70 должностных лиц и отстранили от работы 7 человек. Также следует упомянуть о наказании 20 руководителей торговых предприятий, таких, как торговые объединения «Продтовары», «Промтовары», «Плодовош», ОРС-НОД-9 и др. Большое внимание

уделялось проверке состояния хранения картофеля, овощей и торговле рыбопродуктами. Если с проверкой заготовки урожая овощей не отмечалось особых нарушений, то с рыбной продукцией имелись недочеты. По 70 магазинам отмечалось отсутствие в продаже рыбной продукции, а наиболее проблемной являлась торговля в Львовском райпо, где из 285 т имеющейся рыбы населению продали только 117 т [1, л. 11].

Проводилась работа по рациональному использованию ресурсов и наилучшему обеспечению продовольственными и непродовольственными товарами населения. Приказом по управлению торговли был утвержден список дефицитных товаров и список определенных магазинов по продаже этой продукции. Торговля непродовольственными товарами была сконцентрирована в 133 магазинах, а продуктами питания – в 67 крупных магазинах, которые располагались вблизи промышленных предприятий и строек. В городе Курске продажа мясной продукции производилась в 17 магазинах, а животного масла – в 23 магазинах. Вводилась определенная ежедневная норма продажи товаров, и устанавливались часы их продажи. Например, в понедельник, среду и пятницу с 17:00, а в выходные дни – с момента поступления товара в магазин. Для усиления контроля, вместе с оптовыми базами разрабатывались одноразовые нормы отпуска товаров повышенного спроса, а сама продажа производилась в присутствии администрации магазина [1, л. 17–18].

В течение 1981–1982 гг. все принимаемые меры способствовали выполнению плана розничного товарооборота на 102,2 %, а план реализации товаров превысил норму на 16,5 млн руб. [1, л. 5].

Бюро Курского обкома КПСС и исполком областного Совета народных депутатов 17 февраля 1981 г. приняли совместное постановление, предусматривавшее ряд мер по улучшению организации торговли. Решения местных органов власти инициировались директивными указаниями вышестоящих политических структур, например: постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 декабря 1980 г., постановлением Совета Министров РСФСР от 14 июля 1981 г. «О фактах нарушения правил торгового обслуживания населения в организациях государственной и кооперативной торговли» [2].

Одним из вариантов расширения производства продуктов сельского хозяйства и обеспечения ими граждан признавалось подсобное хозяйство. Предполагалась сдача излишков своей продукции заготовительным организациям потребительской кооперации правления облпотребсоюза. Продажа осуществлялась через специализированные магазины, отделы универмагов и магазинов «Промышленные товары», которые находились в районных центрах.

В конце 1981 г. в кооперативной торговле области продажа товаров повышенного спроса осуществлялась в 11 универмагах, 17 магазинах «Промышленные товары», трех специализированных магазинах «Продажа товаров промышленного спроса сдатчикам сельскохозяйственной

продукции» в Курском, Золотухинском, Хомутовском райпотребсоюзах, а в остальных районах – через их отделы [1, л. 33].

Необходимо констатировать, что, несмотря на принимаемые меры по улучшению уровня торгового обслуживания населения, имели место случаи нарушения правил торговли. Например, областное управление Госинспекции по качеству товаров и торговли провело 2 137 проверок соблюдения цен и правил торговли. За 1982 г. было выявлено 280 случаев обсчета и обвеса (примерно 13 %), хотя за 1981 г. их было около 12 %. Проверка выявила 231 случай нарушения порядка продажи товаров (примерно 11 %), а в 1981 г. этот показатель составлял всего 8 %. Кроме того, было установлено 83 случая припрятывания товаров повышенного спроса. В 131 предприятии торговли были выявлены нарушения установленного порядка ведения книг жалоб и предложений населения. В целом, по Управлению торговли наблюдался рост нарушения правил торговли, который в 1982 г. составлял 31 %, в то время как в 1981 г. – не более 24 %.

Отметим, что уровень нарушения порядка продажи товаров возрос с 18 % до 20 %, но случаи припрятывания товаров значительно сократились. Контролерами отмечалось, что не все торговые организации смогли навести порядок. В Льговском горторге осуществлялась торговля дефицитными товарами без учета правил и с нарушением приказа Управления торговли. В торге были определены магазины по торговле товарами промышленного спроса, но ими торговали совсем другие магазины. Например, масло сливочное с холодильников горторга реализовалось магазинами № 1, 29, 43, хотя для реализации этой цели были утверждены магазины № 24, 28, 33, 40 [2, л. 28–29].

В целом, осуществляемая органами контроля деятельность позволила тем или иным образом повлиять на состояние торгового обслуживания в городе Курске. Для более четкого, детального и цельного представления об уровне развития торгового обслуживания обращаем внимание на работу районных комитетов народного контроля Курской области.

Так, Фатежским районным комитетом народного контроля было отмечено, что в 1981 г. план розничной торговли по району выполнен на 100,8 %. Сверх плана было продано товаров на 306,6 тыс. руб. Проведенные проверки выявили 11 различных нарушений торговли, из них 7 случаев обвеса и обсчета покупателей (магазин № 3 Б.-Жировского объединения розничной торговли; магазины № 2, 12, 31 розницы райпо и др.). Нарушения правил продажи товаров повышенного спроса были выявлены в двух магазинах (№ 12 и райунивермаге) [1, л. 115–116].

Глушковским районным комитетом народного контроля отмечалось, что в 1981 г. план розничного товарооборота был выполнен на 100,2 %, а сверх плана реализовано товаров на сумму 39,7 тыс. руб. Серьезных нарушений проверки не выявили [1, л. 48].

Золотухинским комитетом народного контроля было проверено 52 магазина из 85, имевшихся в районе. Особое внимание обращалось на состояние кадрового потенциала торговых предприятий, где 32,6 % составляла молодежь. Проведенные мероприятия способствовали выполнению плана розничного товарооборота на 103,1 % и сверхплановой реализации товаров на сумму 582 тыс. руб. [1, л. 61–62].

Кореневский районный комитет народного контроля усилил внимание к работе продавцов, чаще стал проводить проверки по запросам населения. Межрайонная торговая база усовершенствовала централизованную доставку товаров. В 52 магазинах вводились инновации, они стали работать по методу самообслуживания. Исполкомы сельских Советов народных депутатов решали вопрос со строительством и расширением торговой площади магазинов. Торговый центр строился в селе Ольговка, в поселке Коренево – дополнительный корпус районного универмага. Это дало возможность перевыполнить план товарооборота на 103 %, а также обеспечить продажу товаров на 1 человека в размере 525 руб. [1, л. 73–74].

В совокупности вся проводимая работа по совершенствованию и усилению контроля за состоянием торгового обслуживания населения в начале 1980-х гг. имела неоднозначные результаты. С одной стороны, принимаемые меры были направлены на обеспечение населения качественными товарами, повышение уровня культуры торгового обслуживания, рост торговых площадей, контроль за соблюдением установленных цен, увеличение на прилавках продуктов первой необходимости и рациональный подбор кадров. С другой стороны, проводимые мероприятия не всегда были эффективны. Не всегда успешно контролировалась работа в сфере ценообразования и реализации товаров дефицитной группы, а кадровый ресурс не отвечал должному уровню специализации и подготовки. Продолжал присутствовать обсчет и обвес покупателей. Указанные недостатки не позволяют говорить о высоком уровне состояния торгового обслуживания в Курской области в начале 1980-х гг.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-1. Оп. 72. Д. 94.
2. Постановление Совета Министров РСФСР от 14 июля 1981 № 383 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2581913> (дата обращения: 13.06.2019 г.).
3. Емельянов В.Э. О некоторых противоречиях в соблюдении «социалистической» законности торговыми предприятиями Курской области в 1960-е годы // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права: Сб. науч. ст. Вып. 4 (30 мая 2019 года). Курск, 2019. С. 57–61.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арзунов Олег Николаевич – начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук

Атреньева Елена Григорьевна – начальник отдела по работе с аудиовизуальной документацией и документами личного происхождения ОКУ «Госархив Курской области»

Басов Владимир Николаевич – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области», кандидат педагогических наук

Бутенко Евгений Николаевич – учитель истории и обществознания МОКУ «Коммунарская средняя общеобразовательная школа»

Вакуленко Александра Александровна – научный сотрудник ОБУК «Курский областной краеведческий музей»

Валивахин Сергей Афанасьевич – краевед, кандидат технических наук

Воронцов Роман Сергеевич – младший научный сотрудник кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Голубков Руслан Олегович – краевед

Евсюков Дмитрий Евгеньевич – краевед, магистр экономики

Емельянов Василий Эдуардович – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Емельянова Елена Ивановна – архивист историко-церковного кабинета Курского Свято-Троицкого женского монастыря, кандидат исторических наук

Ефремова Ирина Сергеевна – главный палеограф отдела научно-справочного аппарата ОКУ «Госархив Курской области»

Зорин Александр Васильевич – главный хранитель ОГУК «Курский государственный областной музей археологии», кандидат исторических наук

Кизилова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Кононов Николай Григорьевич – заслуженный работник культуры РСФСР, кандидат исторических наук

Копылов Никита Кириллович – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Коровин Владимир Викторович – профессор кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», доктор исторических наук

Крохина Анна Владимировна – преподаватель Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I», кандидат исторических наук

Ласочко Людмила Сергеевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Манжосов Александр Николаевич – преподаватель Курского железнодорожного техникума – филиала ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I», заместитель председателя Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов г. Курска, кандидат исторических наук

Новиков Владимир Николаевич – аспирант кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Носов Дмитрий Михайлович – начальник управления безопасности ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Озеров Юрий Владимирович – доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ЧОУ ВО «Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса», кандидат исторических наук

Павлов Андрей Павлович – ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор исторических наук

Ползикова Татьяна Анатольевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Потаскаева Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Раздорский Алексей Игоревич – заведующий группой исторической библиографии, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Российская национальная библиотека» (г. Санкт-Петербург), кандидат исторических наук

Раков Виктор Владимирович – заместитель директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук

Рожковская Инесса Олеговна – главный архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»

Черников Олег Алексеевич – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук

Сборник статей

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Выпуск XVIII

Подписано в печать 04.12.2019 г.
Формат 60х84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз.
Отпечатано ИП Афанасьева Е.А.
г. Курск, ул. Семеновская, 78